10
Т-88

РЕНЕ ТУРНЭС

Ф О Ш
И ПОБЕДА СОЮЗНИКОВ
1918 года

Перевод с французского

ВОЕНИЗДАТ
1938

10
Т 88

РЕНЕ ТУРНЭС

Ф О Ш
И ПОБЕДА СОЮЗНИКОВ
1918 года

Перевод с французского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1938

Рене ТУРНЭС. Фош и победа союзников 1918 года.

Книга французского генерала Р. Турнэс взята из серии „История мировой войны", которая начала выходить во Франции в 1936 г. Она представляет значительный интерес, так как последний год мировой войны сравнительно мало освещен в военной литературе.

Автор разбирает подготовку и ход сражений 1918 г. почти исключительно с точки зрения оперативного искусства, рассматривая действия крупных соединений, не ниже корпуса.

По форме изложения книга доступна не только для командного и начальствующего состава РККА, но и для гражданского читателя, интересующегося историей мировой войны.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
95829

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга ген. Р. Турнэс «Фош и победа союзников 1918 года» освещает последний год мировой империалистической войны. Автор показывает, как германский империализм был побежден силой оружия англо-французского и американского империализма. С этой стороны книга представляет значительный интерес как для командира и политработника РККА, так и для советского читателя вообще, тем более, что автор не перегружает изложение специальной терминологией, а делает книгу доступной для каждого читателя, интересующегося историей мировой войны 1914—1918 гг.

Р. Турнэс не может ограничиться описанием хода военных сражений и планов ведения войны, составленных и проводимых командованием той и другой коалиции; он выходит за рамки «чисто военных» вопросов, освещая со своей точки зрения внутреннее состояние воюющих стран. Он считает, что успех войны зависит не столько от специального военного таланта полководца, сколько от способности последнего видеть состояние всего внутреннего организма страны противника и умения достаточно ясно предвидеть объективный ход развития событий, с точки зрения соотношения сил на фронтах, в том и другом воюющем лагере. Выдающееся значение Фоша автор видит в том, что он, определяя стратегические замыслы в кампании 1918 г., дал правильную оценку состояния внутренних сил противников, верил поэтому в неизбежность военного разгрома Германии и ее союзников и настойчиво проводил свой план, несмотря на частичные поражения союзных войск на западном фронте в первой половине 1918 г.

Сейчас германский фашизм стоит во главе стран-агрессоров, разжигающих пожар новой войны для передела мира. Книга ген. Р. Турнэс актуальна, потому что она показывает, как в 1918 г. был разгромлен германский империализм на фронтах войны силой оружия более мощной коалиции империалистических хищников. Урок для германского фашизма поучительный. Последствия новой войны, затеваемой гитлеровцами, будут еще более плачевными для господствующих в Германии классов и партии.

Автор весьма невысокого мнения и об итальянской армии, разбитой при Капоретто и спасенной от окончательного разгрома союзниками, пославшими 11 дивизий на итальянский фронт. События у Гвадалахары, Теруэля свидетельствуют, что боеспособность итальянской армии теперь мало чем отличается от периода войны 1914—1918 гг. Фашистские агрессоры уже испытали на себе силу ударов народного антифашистского фронта Испанской республики. В случае новой большой войны эти удары по фашистскому строю будут еще более сокрушительными как извне, так и изнутри своих стран.

Значительный интерес для читателя представляют вопросы, косвенно затронутые автором книги.

Он указывает на то, что Октябрьская социалистическая революция в России явилась фактором, благоприятствующим Германии. От представителя французского империализма нельзя ждать иной оценки факта пролетарской революции в России, как только с точки зрения ее влияния на соотношение сил борющихся на фронтах войны империалистических коалиций. Он не понимает того основного и решающего в международном значении Великой Октябрьской социалистической революции, что она была ударом по всему фронту империализма. Социалистическая революция в России не могла быть фактором, благоприятным для империалистической Германии, она била по германскому империализму с той же огромной силой, с какой она била по империализму англо-французскому.

Ложность собственной оценки факта пролетарской революции в России доказывается самим автором в последующем изложении, когда он говорит о «большевистской заразе», проникшей в Германию и ее армию и вынудившей правительство Вильгельма II создавать «санитарный» кордон от большевизма на востоке, чтобы можно было сражаться против союзных войск на западе.

Далее, автор, поставивший своей целью описать течение событий на театрах войны в 1918 г. и осветить роль маршала Фоша в победе союзников, невольно раскрывает внутреннюю подоплеку мировой войны — противоречия между империалистическими группировками, указывая специальные интересы отдельных империалистических стран. Это относится не только к странам, уже ведущим войну друг с другом за эти интересы, но и к странам-союзницам (Англия и Франция). Противоречия между последними ярко проявляются при решении вопроса о едином командовании союзными армиями во Франции, при определении главного направления наступления, при заключении мирных договоров с Турцией и Болгарией и соглашения о перемирии с Германией. Описывая войну, автор не в силах был скрыть ее империалистический, грабительский характер.

Не мог автор скрыть и классового характера войны, ведущейся в интересах финансовой олигархии. Он вынужден был указать на рост революционного протеста против войны со стороны пролетариата почти всех воюющих стран, на меры, принимаемые правительствами для подавления революционных выступлений. Автор далек от правильного объяснения причин роста революционного движения рабочего класса, но указание на наличие последнего при освещении хода войны представляет определенную ценность.

Р. Турнэс выдает руководителей Антанты, как организаторов интервенции в Советской России. Он указывает, что контрреволюционное выступление чехо-словаков летом 1918 г. в Сибири было организовано правительствами Франции и Англии, чтобы задушить молодую Советскую республику силой оружия. Японская интервенция на советском Дальнем Востоке преследовала ту же контрреволюционную цель и происходила с ведома и согласия правительств Антанты. О конечных же результатах выступления чехо-словаков и японской интервенции в ДВК автор предпочитает молчать.

И, наконец, необходимо указать на неверную оценку автором германской оккупации Украины. Это была не «спокойная эксплоатация оккупируемых территорий», как указывает автор, а это был грабеж украинского народа со стороны немецких насильников вкупе с буржуазно-националистическими элементами Украины, продавшимися германскому империализму. Украинский народ хорошо запомнил произвол и насилие немецких оккупантов и никогда не позволит фашистскому агрессору топтать свободную укра-

инскую землю, какой бы алчный аппетит этот агрессор ни имел на цветущую советскую Украину. Уже в 1918 г. трудящиеся Украины под руководством большевистских полководцев—Ворошилова, Щорса и др.—показали силу сопротивления народа, освобожденного от ярма буржуазно-помещичьей эксплоатации. Теперь можно не сомневаться, что попытка фашистов вступить на территорию социалистического государства окончится полным разгромом агрессоров на той территории, откуда они придут.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1933 г. я напечатал в журнале «Обозрение истории мировой войны» статью о большом труде исторического отдела Главного штаба «Французские армии во время великой войны». В ней я выражал сожаление, что спустя 20 лет после окончания войны Франция не имеет еще Истории мировой войны, написанной достаточно кратко и просто, чтобы быть доступной для широкой публики, и в то же время настолько серьезной, чтобы стать полезным пособием для офицерства. Тогда одно из издательств предложило мне обсудить, при каких условиях может быть написана необходимая, по моему мнению, История, которую издательство готово выпустить в свет.

Очевидно, что такая работа была не по силам одному человеку, если предполагалось осуществить ее в ближайшее время. Мне вскоре посчастливилось привлечь к сотрудничеству трех генералов, которые по своим прежним трудам и по постам, занимавшимся ими в период военных действий, были вполне подготовлены, чтобы писать историю войны. Генерал Дюфур взял на себя описание кампании 1914 г.; генерал Дайль — историю 1915—1916 гг., генерал Элло — историю 1917 г.; условились, что я возьму четвертый и последний том, касающийся 1918 г.; это и есть выпускаемый ныне труд.

В предисловии к I тому, который в настоящее время подготовляется к печати, изложены цели, поставленные нами, и те методы, которым мы следовали в своей работе. Здесь я скажу лишь, что мы стремились использовать документы, опубликованные в настоящее время народами, участвовавшими в войне, и политическими и военными деятелями,

игравшими первостепенные роли в 1914—1918 гг., для того чтобы осветить главным образом действия правительств и верховного командования обоих враждебных лагерей. Возможность следить за действиями обеих сторон и давность событий позволяют нам судить о событиях и людях с тем полным беспристрастием, к которому мы стремились и которое обусловливает ценность уроков, извлеченных, как мы надеемся, из Истории мировой войны.

Р. Т.

ГЛАВА I

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В НАЧАЛЕ 1918 г. И ГЕРМАНСКИЙ ПЛАН КАМПАНИИ[1]

I. Германия против мирного соглашения. Ее территориальные претензии. II. Мирные договоры с Россией и Румынией. Экономическая эксплоатация русской и румынской территорий. III. Внутреннее положение центральных держав. Военная диктатура в Германии. Истощение Австрии. Утомление Болгарии. Дезорганизация в Турции. IV. Соотношение германских сил перед наступлением во Франции. *Маневренные* и *позиционные* дивизии. Последствия недостатка средств передвижения. Ресурсы живой силы. Военная промышленность. V. Германский план действий. Предложения генералов фон-Куля и фон-дер-Шуленбурга. Людендорф решает нанести удар англичанам между Уазой и Скарпой. Состав наступающих армий.

I. К началу 1918 г. в проблеме мировой войны доминирующее значение имеют два события, происшедшие в конце 1917 г., оба благоприятные для центральных держав. 15 декабря Россия предлагает перемирие, 22 декабря она вступает в Брест-Литовске в мирные переговоры с германскими и австро-венгерскими представителями; она уже не значится в числе воюющих держав. В ноябре 1917 г. итальянская армия понесла настолько серьезное поражение от австро-германской армии, что в течение долгого времени не

---

[1] Схема 1. Общее положение на французском фронте к 21 марта 1918 г.

Схема 2. Положение наличных сил 21 марта 1918 г. от Шампани до Северного моря.

Источники: Г. Брухмюллер (полк.), «Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне» (Берлин, 1921), Артиллерия при наступлении в позиционной войне; Иохим (полк.), «Подготовка германских войск к большому сражению во Франции» (Берлин, 1927—1930); Кельц (майор), «Германское наступление 1918 г.», Политическая и боевая обстановка (Париж, 1927, т. 8) и Причина военного поражения Германии в 1918 г. (Париж, 1928)».

была в состоянии возобновить наступление. Бесспорно, что 1917 год закончился для наших противников значительными успехами.

Должны ли центральные державы использовать эти успехи дипломатическим путем для мирного соглашения или, напротив, для военных целей, заставив признать свою волю силой оружия? Время требует быстрого выбора между этими двумя путями. Германия, а еще больше ее союзники, выказывают признаки истощения, вызванного 3½ годами войны и недостатком продовольствия. Подводная война не оправдала возлагавшихся на нее надежд. И, наконец, Соединенные Штаты не замедлят дать почувствовать свое могущество на западном театре.

Выбор между двумя путями для разрешения вопроса принадлежит Германии, так как фактически она руководит и политикой и военными действиями Союза. Ввиду поставленных ею себе целей войны она не колеблется в выборе. На востоке она стремится не только получить от России огромные экономические преимущества, но и добиться еще больших территориальных уступок, а именно, уступки всей русской Польши. На западе она намерена захватить всю Бельгию, причем форма захвата будет тем более грубой, чем крупнее будет конечный успех. Франция должна будет отдать Лотарингский бассейн, чтобы германская граница доходила до Мааса. Германское правительство и командование не сомневаются, что только полная победа даст им возможность заключить тот насильственный мир, о каком они мечтают. Решение они видят только в наступлении, которое нанесет решительное поражение французской и английской армиям до прибытия помощи от Америки.

II. Для того, чтобы наступление на западе дало быстрый результат, требуется немедленный мир с Россией; этим же самым Румыния будет всецело отдана во власть противника. Это условие необходимо, чтобы можно было возможно скорее перебросить с восточного фронта части, нужные для концентрации достаточного количества войск для наступления на англо-французов; оно необходимо и потому, что для нужд армии и населения требуется скорее использовать ресурсы всякого рода, которые надеются получить на русской территории: хлеб, лошадей, скот и нефть.

Однако, в начале января 1918 г. мирные переговоры подвигаются медленно. Большевистская делегация нашла пре-

восходную трибуну для революционной пропаганды, которая, благодаря радио, получает широкое распространение; поэтому она стремится использовать эту трибуну как можно дольше. Она держит себя тем более свободно, что сразу почувствовала готовность австрийского представителя графа Чернина, министра иностранных дел Австро-Венгрии, пойти на важные уступки, лишь бы добиться мира, которого хочет его император и в котором так сильно нуждается его страна. Тогда 7 января Гинденбург обращается к Вильгельму II и настаивает вместе с канцлером на необходимости принудить Россию к заключению мира, в крайнем случае возобновив против нее военные действия. Под этим энергичным давлением германские и австро-венгерские представители 9 февраля подписывают сепаратный мир с Украиной, объявившей себя независимой в июне 1917 г. и приславшей в Брест-Литовск своих представителей. Германия заявляет о прекращении перемирия и 18 февраля возобновляет своими войсками наступление на Киев, а 28-го — австро-венгерскими на Одессу. 19 февраля Ленин сообщил, что русское правительство соглашается на все требования Германии и Австрии. 3 марта 1918 г. русская делегация подписывает в Брест-Литовске мирный договор.

По Брестскому договору Россия отказывается от владений в Польше, Литве, Курляндии, Лифляндии, судьба которых будет решаться центральными державами; она признает мирный договор, подписанный 9 февраля Украиной с Германией и Австрией, а этим самым и независимость Украинской республики; она возвращает Армению Турции, распускает свою армию и флот; она отдает огромное количество военных припасов. Она удовлетворяет все экономические требования Германии, которая таким образом получает полную свободу распоряжаться кавказской нефтью.

Заключение мира Россией вынуждает Румынию немедленно последовать ее примеру. С начала февраля 1918 г., видя, что Россия готова вскоре выйти из войны, румынское правительство в свою очередь вступает в переговоры с центральными державами. В самом деле, нельзя было надеяться, что румынская армия, расположенная за рр. Сереть и Путна и южным рукавом Дуная, сможет продолжать борьбу, когда ее с тыла обойдут германские и австрийские войска, которые вторгнутся в Украину после прекращения военных действий на фронте. 5 марта, на два дня позже России,

Румыния подписывает в Буфтеа предварительные условия мира, которые окончательно утверждаются Бухарестским договором 7 мая и которым ее территория урезывается в пользу Венгрии и Болгарии. Вся страна оккупируется; ее запасы хлеба, кормов и нефти отправляются в Австрию и Германию. В результате соглашений, которые связывают ее вплоть до 1930 г., она впадает в состояние экономического рабства.

Таковы договоры, которые Германия силой заставила принять в начале 1918 г. Поступив так с противниками, предоставленными на ее милость, имеет ли она право быть в претензии, что ей продиктовали насильственный мир в Версале в 1919 г.?

Но подписание мирных договоров с Россией и Румынией не останавливает продвижения австро-германских войск на восток. Несмотря на то, что с начала марта все более или менее боеспособные части были переброшены из России на западный фронт, однако, в апреле одна из германских дивизий вытесняет из Финляндии большевиков, которые там держались; там она и остается, чтобы держать Петроград под угрозой оккупации и препятствовать движению по Мурманской ж. д. Таким образом, правительство большевиков лишается всякого сообщения с прежними союзниками России.

На юге германские войска входят 1 марта в Киев, а 12 марта австрийские войска входят в Одессу; продвижение продолжается до мая, когда фронт устанавливается на линии: Чудское озеро, Полоцк, Могилев, Харьков, Ростов, Азовское море. С этого времени Германия и Австрия могут спокойно приступать к эксплоатации захваченных территорий. К концу октября 1918 г. одна только Украина дает 37 475 вагонов хлеба, продовольствия и сырья. По их собственному признанию, без продовольственных ресурсов, полученных благодаря победам на востоке, центральные державы не были бы в состоянии продолжать войну до ноября 1918 г.

III. Наряду с русским вопросом, в начале 1918 г. появляются также вопросы внутреннего порядка, которые германский главный штаб должен был тщательно рассмотреть: нужно было определить, даст ли моральное и материальное состояние Германии и ее союзников возможность ждать, не ослабевая, результатов наступления во Франции.

С тех пор, как Гинденбург и Людендорф взяли руководство военными действиями, они распространили свою власть и на правительство, представители которого стали просто исполнителями их воли. Канцлер Гертлинг, 74-летний старик, измученный годами и болезнью, был не способен ни на сопротивление распоряжениям высшего командования, ни на решительные действия в рейхстаге. Возможно, министр иностранных дел Кюльман, не лишенный проницательности и трезвого взгляда на вещи, мог бы иногда оспаривать мнения военных властей, но он знает, что в случае конфликта решение будет предоставлено императору, в приговоре которого в пользу военного командования нельзя сомневаться. С самого начала войны Вильгельм II отказался от руководства военными действиями. С тех пор, как он назначил Гинденбурга и Людендорфа, он всецело положился на них в отношении и внешней и внутренней политики. В январе 1918 г. в Германии фактически установилась военная диктатура.

28 января 1918 г. в Берлине происходит забастовка 500 000 рабочих, причем выдвигаются чисто политические требования: во внешней политике — мир без аннексий и контрибуций, во внутренней — отмена военного положения и проведение выборной реформы, обещанной Пруссии в апреле 1917 г. Правительство немедленно военизирует промышленные предприятия, и в 8 дней порядок восстанавливается.

Гораздо серьезнее положение в Австрии, где и правительство и народ теряют последние физические и нравственные силы. Император Карл и его министр иностранных дел Чернин уже больше года борются против германского влияния. Они являются почти откровенными сторонниками мирного соглашения, самую мысль о котором германский главный штаб отбрасывает. Внутри страны усиливается антагонизм между народностями. С мая 1917 г. в рейхстаге открыто проявляется сепаратизм чехов и южных славян, а Венгрия мечтает итти дальше отдельным от Австрии путем. Население сильно страдает от недостатка продовольствия, еще более тяжелого, чем в Германии. Недостаток этот имеет огромное влияние на моральное состояние народа и армии.

В Болгарии, если царь Фердинанд и сохраняет еще верность союзу, правительство и народ утомлены войной, которая уже удовлетворила все их территориальные претензии

в результате побед над Сербией и Румынией. И здесь народ страдает от недостатка продовольствия.

Наконец, Турция находится в состоянии развала, внушающего беспокойство: моральное состояние ее в упадке, а в армии насчитывается от 300 до 500 тысяч дезертиров.

Обсудив все это положение, Гинденбург и Людендорф решили в своем штабе, что центральные державы могут еще продержаться в течение времени, нужного для достижения победы, лишь бы только эта победа не заставила себя долго ждать.

IV. Изучая со всех сторон проблему войны, германский главный штаб проникся мыслью о необходимости наступления против англо-французов. Поэтому он не стал ждать подписания перемирия с Россией, а тем менее — подписания мирного договора, чтобы начать переброску частей на французский фронт. С такой же поспешностью отзываются из Италии немецкие дивизии, посланные туда, чтобы оживить действия австро-венгерской армии.

К 15 марта германские силы распределяются таким образом:

— Во Франции: 192 пехотных дивизии и 3 смешанных пехотных бригады, т. е. 136 618 офицеров, 3 438 288 солдат и 710 827 лошадей. Из этих 192 дивизий 85 были отведены с фронта в резерв.

— На русско-румынском фронте: 53 пехотных дивизии и 13 смешанных пехотных бригад, т. е. 40 095 офицеров, 1 004 955 солдат, 281 770 лошадей. Ввиду изъятия, произведенного для усиления дивизий, переведенных на западный фронт, дивизии, оставшиеся в России и Румынии, состоят только из пожилых солдат; кроме того, 13 из этих дивизий фактически непригодны для маневренной войны ввиду недостатка конского состава.

— На болгарском фронте: 18 батальонов пехоты, 3 артиллерийских полка, несколько эскадронов.

— В Турции: 3 батальона пехоты, несколько батарей и специальных частей.

В это же время германские войска во Франции разделены на четыре группы армий:

— Группа армий кронпринца Рупрехта Баварского, от Северного моря до Соммы, 4-я, 6-я, 17-я, 2-я армии — 83 дивизии.

— Группа армий кронпринца германского, от Соммы до восточной части Аргонн, 18-я, 7-я, 1-я, 3-я армии—61 дивизия.

— Группа армий фон-Гальвица, от Аргонн до Мозеля, 5-я армия и армейская группа С — 24 дивизии.

— Группа армий герцога Альберта Вюртембергского, от Мозеля до границы Швейцарии, 19-я армия и армейские группы А и В — 24 дивизии.

Основная масса германских войск, как по числу армий, так и по числу дивизий, располагается, следовательно, между Немецким морем и Аргоннами. Командовать ею назначены два кронпринца. Боеспособность войск на французском фронте ослабляется недостатками в их составе и вооружении, которых главный штаб не смог избежать. Ввиду недостатка конской силы и грузовиков, отсутствия нужного количества смазочных веществ и горючего, только 56 дивизий, так называемых *маневренных* (mobiles), имеют транспортные средства, необходимые для маневренной войны; остальные 136 дивизий, называемые *позиционными*, лишены нужных средств передвижения; к тому же они неоднородны по своему составу, имеют людей различных возрастов, с различной степенью подготовки и усталых от войны; некоторые из этих частей могут применяться только на спокойных участках. Главный штаб не мог также обеспечить средствами передвижения всю массу тяжелой артиллерии, минометов и различных орудий, которые назначены участвовать в наступлении. Это неравенство частей и недостаток транспорта должны были дать тяжелые осложнения в ходе военных действий. Действительно, хотя германский командующий строит наступление на принципе стремительности и непрерывности, ему придется увидеть, как наступление затормозится после более или менее резкого продвижения вперед. Он тогда поспешит начать его на другом участке фронта, но там оно окажется невозможным из-за недостатка свежих дивизий и тяжелой артиллерии и орудий, и ему придется прерывать наступление для смены частей, для отдыха, перегруппировки и переброски войск, участвующих в этом недоношенном предприятии. Коротко говоря, темп наступления замедлится; противник успеет оправиться; и время, приближающее срок прибытия помощи из Америки, окажется врагом Германии.

Австрия могла бы усилить несколькими дивизиями германскую армию, собранную во Франции; состояние ее войск, значительно улучшенное после выхода из войны России и успеха в Италии, вполне позволяет это. Но она отказывается под разными предлогами, не стесняясь ссылаться на то, что ее войска не в состоянии вынести трудностей французского фронта. Она обещает только начать в конце мая наступление на итальянском фронте, а теперь ограничивает свою помощь посылкой 57 тяжелых батарей. Следовательно, наступление во Франции ради общей победы будет вестись только германскими войсками.

Уверен ли, по крайней мере, германский главный штаб, что он сможет до конечного результата пополнять свои армии людьми, конским составом и припасами? Что касается людей, то давнишний уже кризис в кадрах заставил в конце 1917 г. дать во фронтовые депо призыв 1919 г. (в возрасте 19 лет). Ввиду потерь в большом сражении придется в июле 1918 г. поставить в строй призыв 1920 г. (в возрасте 18 лет); после этого призывные возрасты будут исчерпаны и для пополнения придется рассчитывать только на выздоравливающих после ранений.

В этом отношении военное руководство сделало ошибку, оставив слишком большое количество подлежащих призыву в тылу, для выполнения знаменитой промышленной программы, так называемой «*программы Гинденбурга*». К 1 января 1918 г. число их достигает 2 154 387, из них 1 097 108 годных к военной службе. Это число еще возрастет к маю 1918 г., и такое положение приведет к парадоксальному результату, что технические средства борьбы, произведенные в слишком большом количестве, будут залеживаться на складах из-за недостатка в армии кадров для их обслуживания.

Недостаток к конском составе, также весьма значительный, будет все возрастать. Уже в начале 1918 г. дивизии располагают лишь 80% нужного количества. Худокормные животные не выносят длительного напряжения. Для грузовиков нехватает каучука и горючего.

Программа производства вооружения была задумана очень широко. К марту германские заводы ежемесячно выпускают 725 полевых орудий, 400 тяжелых орудий, 200 тысяч винтовок, 13 тысяч пулеметов. Заводы могли бы без труда покрыть все нужды в вооружении; средства авиации превосходны, но только не удастся дать нужное количество пилотов для всех выпущенных самолетов [1]. Следовательно, германская армия будет великолепно снабжена средствами вооружения в течение всего 1918 г. Однако, она пострадает от ошибки своего высшего командования, не оценившего роли танков. В марте 1918 г. она имеет 15 танков, к которым впоследствии прибавятся 75 английских танков, за-

---

[1] В статье одного офицера-летчика, напечатанной в «Deutsche Allgemeine Zeitung» и перепечатанной в «Обозрении истории мировой войны» в июле 1935 г., говорится, что в 1918 г. германские заводы выпускали в месяц 2 000 самолетов и 1 870 моторов.

Схема 1. Общее положение на французском фронте к 21 марта 1918 г.

хваченных в сражении при Камбрэ и заново отремонтированных. Учтя эти ресурсы, германское высшее командование может создать условия, необходимые для предпринимаемого наступления. Предполагая, что противник имеет 175 дивизий (на самом деле их было 171), оно рассчитало, что теоретически превосходит его на 17 дивизий на всем французском фронте.

В действительности это превосходство гораздо значительнее, так как 192 германских дивизии имеют батальоны из 4 стрелковых рот, в то время как 99 французских дивизий и 12 бельгийских имеют батальоны только из 3 рот. Можно считать, что германские силы превосходят силы союзников приблизительно на 30 дивизий. Так же очевидно, что единство командования и однородность состава, даже при равных силах, дают германской армии значительное преимущество перед ее противниками, принадлежащими к разным нациям и подчиняющимися нескольким главнокомандующим. Однако, численное превосходство не будет продолжительным. Оно уменьшится, как только дадут себя знать трудности пополнения личным составом, и совсем исчезнет, когда американские части будут готовы вступить в бой. С начала июля 1918 г. можно будет предвидеть результаты. Таким образом, по мере того как главный штаб тщательно изучает все данные, он находит все больше причин для того, чтобы вести борьбу возможно более быстрыми темпами.

Относительно тактических приемов, которые будут применяться при наступлении, в штабах крупных соединений царит полное согласие благодаря урокам, вынесенным из сражений под Ригой и под Камбрэ в 1917 г. Цель удара — молниеносный прорыв фронта обороны, для того чтобы тотчас же придать операциям характер маневренной войны. Удар должен быть совершенно неожиданным, что достигается маскировкой подготовлений, подходом и расстановкой войск исключительно в ночное время, мощной деятельностью артиллерии в продолжение нескольких часов, наконец, энергичным броском пехоты к дальним целям. В этом именно направлении идет подготовка и обучение дивизий, отведенных с фронта и предназначенных для нанесения удара.

V. План операций, который определял их стратегическое значение, начиная с осени 1917 г., тщательно изучался и обсуждался начальниками штабов групп армий, которых

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Людендорф много раз созывал для совещаний. Следует отметить эту систему сотрудничества, потому что она является интересным примером традиций германского командования, а также потому, что она совершенно чужда нашим методам работы. За время войны наши главнокомандующие редко совещались об общем ходе операций со своими подчиненными, даже занимавшими высокие посты; они обычно оставляли за собой право принимать то или иное решение на основании работ, проделанных штабами по их указаниям. Во всяком случае никто из них не согласился бы, чтобы такие важные решения подготавливались и разрабатывались помимо них, как это делалось у немцев зимой 1917—1918 гг. Людендорфом и начальниками штабов крупных соединений.

Людендорф имел перед собой два различных плана, представленных двумя генералами, пользующимися большим авторитетом в германской армии, — генералом фон-Куль, начальником штаба кронпринца Рупрехта Баварского, и генералом фон-дер-Шуленбург, начальником штаба кронпринца германского. Фон-Куль считает, что следует нанести удар англичанам во Фландрии, в направлении Байель—Хазебрук, чтобы выйти к морю у Кале и Булони. В этом случае армия получает две новых базы подводных лодок, чтобы захватить Ламанш и тем заставить Англию просить мира.

Но генерал Шуленбург возражает, что поражение одной только Англии не даст решительного результата. Главный противник, которого нужно сразить, — это французская армия; это может быть достигнуто ударом на Верден, который является уязвимым местом. Таково же мнение генерала фон-Ветцеля, начальника оперативного отдела главного штаба; как и Шуленбург, он считает, что ни французская армия, ни французский народ не перенесут сильного поражения под Верденом. В середине декабря 1917 г., не прекращая совещаний и дальнейших разработок, Людендорф принимает первое решение: англичанам наносится удар на участке, который он, с своей стороны, всегда считал самым удобным для большого наступления, — в направлении Сен-Кантена. 17 декабря он переводит на фронт между Сен-Кантеном с севера и Уазой с юга, между 2-й и 7-й армиями, 18-ю армию под начальством генерала фон-Гутьера, успешно осуществившего молниеносный удар под Ригой. Он прикомандировывает к группе армий крон-

принца Рупрехта специалиста артиллерийской подготовки, полковника Брухмюллера [1].

Однако, несмотря на длительное обсуждение, некоторые важные вопросы остаются еще нерешенными. Не следует ли нанести англичанам два больших удара: первый — для того, чтобы притянуть их резервы, а второй — для осуществления решительного прорыва, который затем использовать в стратегических целях, или, по крайней мере, не предпринять ли демонстративные удары, если будет решено вести одно общее наступление?

24 января, после целого ряда разведок для изучения местности, проведенных от Уазы до Фландрии совместно с фон-Кулем и фон-дер-Шуленбургом, Людендорф отдаст приказ о начале сражений 1918 г. Наступление начнется между рр. Скарпой и Уазой против англичан, которые кажутся менее подготовленными для оборонительного боя, чем французы. Кроме того, британская армия не имеет обороноспособных укреплений, потому что в течение 1917 г. она непрерывно вела наступательные действия; к западу от Камбрэ ее фронт сильно выступает, и с самого начала это место легко охватить; она имеет обыкновение группировать свои главные резервы к северу от р. Скарпы. В этом районе зимой движение не затрудняется, во Фландрии же оно становится доступным не раньше апреля. Этот факт имеет значение, так как время не ждет.

Наступление поведут две группы армий — кронпринца Рупрехта и кронпринца германского. Рупрехт поведет две армии: 2-ю и 17-ю. Последняя под командой генерала Отто фон-Белова, победителя при Капоретто, пришла на фронт в конце января. Германский кронпринц будет наступать с одной 18-й армией. Распределение сил, имеющихся для наступления в трех армиях, показано в нижеследующей таблице (см. таблицу на стр. 20).

К 59 ударным дивизиям следует прибавить еще 3, стоящие в резерве главного штаба, и 5 дивизий, которые будут участвовать в операции только косвенно или частично. Следовательно, всего в наступлении будут участвовать 67 дивизий, из них 52 *маневренные и* 15 *позиционных*. Они рассчитывали встретить, по данным германской разведывательной службы, 30 английских дивизий, из них 22 или 23

[1] 17 декабря 18-я армия было придана группе армий кронпринца Рупрехта; как будет видно дальше, она перешла в группу армий наследного кронпринца лишь в конце января 1918 г.

на передовых позициях и 6 или 7 в более или менее близком резерве.

Армии	Число дивизий	Из них позиционных	Орудий легкой артиллерии	Орудий тяжелой артиллерии	Общее количество орудий
17-я армия	17	2	1 100	824	1 924
2-я армия	18	3	1 075	714	1 789
18-я армия	24	5	1 580	970	2 550
Всего	59	10	3 755	2 508	6 263

Удар был назначен на 21 марта. Цель его — прорвать фронт между р. Уазой и Круазилем, затем использовать первоначальный успех для продвижения на северо-запад, к северу от р. Соммы, между Перонном и Аррасом. Для этого 17-я армия пойдет на Бапом, затем развернется в западном направлении. Она расположится так, чтобы можно было быстро растянуть фронт наступления до р. Скарпы. 2-я армия сначала направляется на Перонн. Что касается 18-й армии, назначенной прикрывать от нападения французов движение двух других, то она пойдет в общем направлении на Гам и будет удерживать канал Кроза и р. Сомму. Слева от 18-й армии будет стоять 7-я, готовая для наступления на р. Уазу. Приняты все меры, чтобы начавшееся наступление могло в начале апреля продолжаться на фламандском фронте 6-й армией, которая будет наступать на Армантьер, а 4-я на Ипр.

Следовательно, в своем первоначальном виде германское наступление представляет собою единую быструю операцию, которая должна быть решающей; цель ее — уничтожить одним ударом британскую армию, после чего Англия сдастся под угрозой артиллерии большой мощности, установленной на французском берегу, и подводных лодок, расположенных в Дюнкерке, Кале и Булони. Людендорф отклонил планы своих подчиненных, предусматривающие предварительное наступление или демонстративные действия перед решительным ударом на англичан. На тех участках фронта, где не будет наступления, ограничатся налетами, артиллерийским обстрелом, чтобы вызвать впечатле-

ние наступления. Эти действия будут произведены в Шампани и в особенности у Вердена, к западу от Страсбурга, а также на участках 4-й и 6-й армий. Наконец, 23 последних дивизии из 85 отведенных с фронта составят глубокие резервы, необходимые на случай поддержки фронта от р. Уазы до швейцарской границы. Они в то же время будут служить первым источником для усиления ударных дивизий.

Начиная с конца января, стратегический замысел заметно изменяется ввиду уверенности, что англичане явятся легкой добычей; эти изменения видны в ряде дополнительных приказов, отданных за время до 10 марта. Хотя многие офицеры разделяют мнение начальника штаба 18-й армии Зауберцвейга, что «*французы, повидимому, не бросятся, со всех ног, на помощь англичанам*», однако, Людендорф делает 18-ю армию более сильной, чем 2-ю и 17-ю.

Действительно, для того времени предположение Зауберцвейга весьма тенденциозно. Людендорф более прав, считая, что нужно быть готовыми к тому, что французы могут предпринять энергичные действия для оказания помощи своим союзникам. Однако, мало-помалу он приходит к мысли дать этой прикрывающей армии более широкие задания. Если 18-я армия быстро достигнет р. Соммы и канала Кроза, она продвинется дальше за эту линию.

Следовательно, германское командование намерено использовать успех против англичан не только к северу от Соммы, как предполагалось раньше, но и к югу от нее; 18-я армия, преследуя англичан, будет двигаться в то же время навстречу французам.

Имел ли Людендорф перед началом этих сражений более смелые замыслы? А именно, хотел ли он повернуть 18-ю армию к юго-западу, чтобы разделить англичан и французов, а потом итти на Париж по обоим берегам р. Уазы?

Это возможно, и ход, который он придает сражениям с 23 марта, заставляет так думать, но, не имея документальных доказательств, нельзя утверждать этого.

Во всяком случае, Людендорф, очевидно, оставляет себе возможность использовать успех там, где он будет крупнее, севернее Соммы — против англичан, или южнее — против англичан и французов.

С 8 марта главная квартира Гинденбурга переносится из Крейцнаха в Спа, чтобы быть ближе к наступающим войскам. Передовой командный пункт устанавливается в Авене.

ГЛАВА II

ПОЛОЖЕНИЕ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ В НАЧАЛЕ 1918 г. ВОПРОС О ЕДИНОМ КОМАНДОВАНИИ И РАЗРАБОТКА ПЛАНА КАМПАНИИ НА 1918 г.

(1 января — 21 марта 1918 г.)[1]

I. Союзные державы в начале 1918 г. Они определяют цели войны и укрепляют волю к победе. Их экономическое положение. II. Необходимость немедленного создания единого командования. Потеря времени в январе 1918 г. Директива французского правительства восточной армии. III. Вторая сессия высшего военного совета с 30 января по 3 февраля. Принятие плана кампании, представленного Фошем. Создание общего межсоюзного резерва. IV. Фош старается создать общий межсоюзный резерв. Оппозиция Хейга и Петэна. Поворот во мнениях Клемансо и Ллойд Джорджа. Высший военный совет отклоняет план Фоша и идею единого командования; он решает принять план кампании, одобренный Хейгом и Петэном (14 марта).

I. Союзные державы ждали германского наступления с некоторым беспокойством. Выход России из войны и поражение Италии являются событиями, немедленно отразившимися на последующих действиях. Катастрофа в Италии была предотвращена операцией, выполненной Фошем, и благодаря тому, что Франция и Англия, не колеблясь, послали 11 дивизий (6 французских и 5 английских) в помощь союзнику, находящемуся в опасности. Кроме того, несколько успокоил тот факт, что в декабре 1917 г. германские вой-

[1] Источники: П. Пенлеве, «Как я назначил Фоша и Петэна» (Париж, 1925); Генерал***, «Кризис единого командования» (Париж, 1931); Мордан (генерал), «Единое командование и как оно осуществлялось» (Париж, 1929); П. Райт, «В высшем военном совете» (Лондон, 1923); Э. Эрбильон (полк.), «Генерал Альфред Мишлэ. Письма и записки» (Париж, 1934).

ска были уведены с итальянского фронта. Это показывало, что противник не собирается предпринять в скором времени наступление в долине р. По. Несмотря на это, итальянская армия становится самым слабым местом в союзных войсках; она требует на второстепенном театре поддержки тех войск, которые нужны для решающего сражения, готовящегося на французском фронте. По сведениям, поступающим со всех сторон, союзники знают, что Германия решила предпринять мощное наступление против англо-французских войск. Они узнают, что военные поезда перебрасывают из России во Францию дивизии и батареи тяжелой артиллерии. К 1 января, по данным нашей разведки, число дивизий на французском фронте поднялось до 157, в ноябре же их было 149. Союзные державы перестают сомневаться в том, что им предстоит тяжелое испытание. Они готовятся к нему с решимостью, полагаясь на мощь своих армий и будучи твердо уверенными в том, что вмешательство Соединенных Штатов будет чувствоваться с каждым днем сильнее.

Во Франции Клемансо удается укрепить общественное мнение, поколебавшееся было благодаря слабости кабинета Пенлеве. 14 января 1918 г. арестован Кайо, 14 февраля Боло приговорен к смерти, 18 февраля заключен в тюрьму Шарль Умбер.

Чтобы предотвратить возможные беспорядки внутри страны, правительство вынуждено взять с фронта 4 кавалерийских дивизии (из 6) и несколько полков корпусной кавалерии. Значительное число эскадронов располагается в Парижском губернаторстве, в 3-м, 5-м, 9-м и 13-м округах [1]. Их отсутствие будет сильно чувствоваться в последующих сражениях.

В Италии правительство Орландо арестовывает и приговаривает к 3 годам тюрьмы секретаря социалистической партии, призывавшего рабочих ответить на поражение при Капоретто восстанием.

В Соединенных Штатах президент Вильсон все больше сосредоточивает власть в своих руках. В то же время, пользуясь сильной поддержкой, оказанной Америкой союзным странам и их войскам, он стремится захватить руководство политикой Антанты. 8 января 1918 г., стараясь задержать выход России из войны, он выступает в конгрессе с знаменитой *программой 14 пунктов*. После общих сообра-

[1] «Французские войска в период великой войны», т. VI.

жений, изложенных в первых 6 пунктах, Вильсон подробно разбирает отдельные случаи. Он требует очищения Бельгии, возвращения Эльзас-Лотарингии Франции, образования Польского государства с выходом к морю. Наконец, он излагает, но в гораздо более туманных выражениях, в каком виде будут удовлетворены притязания Италии, национальных групп Австро-Венгрии и балканских народностей. Разумеется, европейские державы нашли бы много возражений против этих *14 пунктов*, но они считают, что сейчас не время вступать в пререкания. Через несколько дней Орландо в Италии, а Пишон во Франции одобряют в парламентах обеих стран декларацию президента Вильсона. 19 января Ллойд Джордж также дает свое согласие.

Что касается экономического положения, то державы, воюющие против Германии, заключили в ноябре 1917 г. соглашение, значительно облегчающее его. Для избежания тяжелых последствий гибели судов, которые вызвала подводная война без ограничений, объявленная Германией, Великобритания, Франция, Италия и Соединенные Штаты договорились 6 февраля 1917 г. объединить весь свой наличный тоннаж для перевозки провианта. Межсоюзный комитет объединяет и рассматривает требования, затем распределяет суда сообразно нуждам стран. Кроме того, благодаря мерам, принятым союзными адмиралтействами, значительно уменьшилось число коммерческих судов, потопленных подводными лодками. В марте 1917 г. эти потери возросли до 603 440 *т*, а в апреле достигли максимума 875 023 *т*; в январе 1918 г. их стало 302 463 *т*; в феврале 318 860 *т*; в марте 345 107 *т*. В то же время тоннаж новых судов, построенных союзниками и нейтральными странами, возрастает за первые 10 месяцев 1918 г. почти вдвое против 1917 г.[1]. При этих условиях европейские страны, воюющие против срединных империй, испытывают продовольственные затруднения, вызванные войной, но снабжение их обеспечено. Их материальное и моральное состояние бесконечно выше состояния Германии и ее союзников.

II. К несчастью, хотя воля союзных правительств к победе тверда и едина, несмотря на перспективу мощного наступления Германии, их идеи о способах достижения победы очень расплывчаты и различны. А приближающиеся

---

[1] См. в конце этого тома приложение № 2 о морской войне.

бои ставят задачи, разрешить которые может только единое командование войсками Антанты.

До наступления этой фазы войны не было настоятельной потребности в создании на западном фронте единого командования. Со времени битвы на Марне, в сентябре 1914 г., кроме краткой и местной неудачи под Верденом, инициатива была в руках союзников. Им не приходилось быстро маневрировать, принимать внезапные решения, что бывает при наличии превосходных сил противника. Выход России из войны и поражение Италии изменили это положение. Накануне решительных боев на французском фронте, боев, которые в любой момент могут перекинуться на итальянский фронт, стало очевидным, что нужно назначить верховного командующего, которому подчинялись бы главнокомандующие и который мог бы согласовать действия союзных армий. Одним словом, по выражению, зародившемуся в тот момент и вошедшему с тех пор в употребление, необходимо создать «*единое командование*». Этот вопрос является важнейшим и требует более быстрого разрешения, чем вопрос о плане кампании на 1918 год.

В ноябре 1917 г. в противовес итальянскому поражению главы союзных правительств уже занимаются улучшением организации командования. Собравшись на совещание в Рапалло, они создают «*высший военный совет*», *состоящий из председателя совета и по одному представителю от каждого союзного правительства, на который возлагается общее ведение войны*... Каждое правительство назначает в этот совет постоянный аппарат, находящийся в Версале и имеющий организацию штаба, во главе которого стоит офицер — «*постоянный военный представитель, технический советник*» По настоянию Ллойд Джорджа, в примечании к договору предусматривается, что «*постоянный военный представитель*» не может одновременно занимать другую должность. Английский премьер намерен этим избежать назначения Робертсона, начальника английского главного штаба, с которым он всегда был в плохих отношениях, и назначить в Версаль близкого ему генерал-лейтенанта Вильсона. Но таким образом и Фош, начальник французского главного штаба, оказывается устраненным из коллегии постоянных военных представителей.

Собрание глав правительств для обсуждения ведения войны не было новостью, так как с 1914 г. постоянно бывали подобные совещания. Ново было то, что главам пра-

вительств был придан постоянный штаб во главе с начальником. Оставалось узнать, насколько хорошо это нововведение, и не даст ли оно повода для опасных конфликтов между уже имеющимся руководством, в частности, начальниками главных штабов, и постоянными военными представителями. Во Франции Фош счастливо разрешил этот вопрос, добившись назначения постоянным военным представителем Вейгана, зная, что этот генерал всегда будет для него самым полезным и преданным сотрудником. Напротив, Ллойд Джордж, назначая английским представителем Вильсона, разногласия которого с начальником штаба Робертсоном и Хейгом общеизвестны, готовит, повидимому, борьбу между генералами, являющимися его естественными советниками.

Собравшись в Рапалло, главы правительств ничего не предусмотрели, кроме создания высшего военного совета. Они не только не решили, но даже не рассмотрели вопроса о едином командовании войсками Антанты. Ллойд Джордж не скрывал, что он решительный противник единого командования. Он говорил в палате общин, в декабре 1917 г.: «*Я решительно против этого учреждения. Оно не смогло бы работать; оно привело бы не только к недоразумениям между армиями, но и к несогласию между странами и правительствами*».

Действительно, высший военный совет, созданный Рапалльским договором, нисколько не разрешил вопросов командования. Он ни в какой мере не способен заменить единого командования; это более чем доказывается теми мерами, которые он принимает в отношении кампании 1918 г., и его полной несостоятельностью с самого начала боев. На своей первой сессии, открывшейся в Версале 1 декабря 1917 г., военный совет довольствуется тем, что предлагает правительствам сообщить лишь свои взгляды на кампании через своих военных представителей. И это происходит в тот момент, когда противник перебрасывает войска из России и когда каждый знает, что с 1 февраля на нашем фронте может начаться крупное наступление!

Французское правительство выходит из этой инертности, по крайней мере в отношении восточной армии, положение которой внушает серьезные опасения. Правда, эта 530-тысячная армия значительно превосходит численностью германо-болгарскую армию, но, на основании ошибочных данных разведки, союзники боятся, что германское командова-

ние бросит из России часть войск для наступления в Македонии; в таком случае не будет возможности, вследствие недостатка наличного тоннажа, поддержать войска этого удаленного театра войны. В этих условиях Фош дает 16 декабря 1917 г. точные указания генералу Гильома, недавно назначенному вместо генерала Сарайля. Восточная армия ограничится обороной; в случае наступления она будет стараться воспрепятствовать противнику захватить греческую территорию, сохраняя укрепленный латерь в Салониках и поддерживая связь с итальянскими силами в Албании. Наконец, Гильома разработает план наступления, принимая в расчет присоединение греческой армии.

III. Декабрь 1917 г. пришел к концу, идет январь 1918 г., а высший военный совет, главный руководитель военных действий, все еще не принял никакого решения ни в вопросе о единстве командования, ни в вопросе об утверждении плана кампании. Тем временем органы разведки дают новые данные о германском наступлении. Они установили, что 1 февраля его начнут 65 дивизий, находящихся пока в резерве, и 900 батарей тяжелой артиллерии, 1 марта еще 80 дивизий и 1 000 батарей тяжелой артиллерии. 10 января на западном фронте значатся 161 дивизия и 47 дивизий в резерве; с 15 декабря число их увеличилось на 17.

И все же только 31 января высший военный совет собирается в Версале на третью сессию. На этот раз нельзя медлить с решением; оно и так уже слишком запоздало. Нужно было выбрать между четырьмя проектами плана кампании, представленными: один—Хейгом и Петэном, другой — Фошем, третий — постоянными военными представителями от имени их правительств и, наконец, четвертый, который будет отстаивать Ллойд Джордж.

После предварительных работ, продолжавшихся с октября 1917 г., и переговоров, ведшихся с начала 1918 г., Хейг и Петэн приняли на совещании в Компьене общий план кампании. Два главнокомандующих доказывают, что англо-французские войска принуждены в 1918 г. вести оборонительную войну, во-первых, ввиду численного превосходства противника, насчитывающего 200 дивизий [1] против 172 дивизий союзников, к тому же менее однородных и менее насыщенных пехотой. Их к этому принуждает также недо-

[1] В действительности к 15 марта германское командование сосредоточит на германском фронте всего 192 дивизии.

статок людей [1], который заставил бы свернуть в 1918 г. большое число дивизий — 20 дивизий, как говорит Петэн, даже если бы не было боев. Опираясь на эти цифры, Хейг и Петэн приходят к выводу, что мы не можем мечтать о контрнаступлении в каких бы то ни было размерах и тем менее о наступлении. В заключение они говорят, что обстоятельства изменятся в нашу пользу только тогда, когда к нам присоединятся в большом числе американские войска. По сведениям же, данным 19 января Першингом обоим главнокомандующим, с которыми он встретился в Компьене, в течение 1918 г. это не может осуществиться.

План Фоша, законченный 1 января 1918 г. и весь проникнутый идеей наступления, резко восстает против установок Хейга и Петэна. Он отстаивает не только контратаки, но и «*мощное контрнаступление с решающими целями, если потеря противником боеспособности или другое благоприятное обстоятельство в общем положении позволит рассчитывать на успех*». Начальник французского генерального штаба настоятельно требует, чтобы оба главнокомандующих подготовляли местность и собирали силы, имея в виду наступательные действия.

Проект Фоша и проект Хейга и Петэна руководствуются оба одним соображением, имеющим сейчас главное значение: необходимостью выиграть сражение во Франции, где противник может навязать его нам.

Гораздо сложнее план кампании, подготовленный военными представителями.

В конце 1917 г. Ллойд Джордж увлекся проектом большого наступления в Палестине. Если главнокомандующие согласны, что выиграть войну в 1918 г. на французском фронте невозможно, если на салоникском фронте ограничатся обороной, то почему бы не нанести удар туркам в Палестине? Поражение Турции освободило бы значительное количество английских войск, позволило бы восстановить связь с Россией и Румынией, словом, открыло бы широкие возможности для успеха.

Если отвлечься от общего положения, то проект, зародившийся в воображении Ллойд Джорджа, не является совсем несбыточным. В начале 1918 г. англичане имеют в Азии такое превосходство над Турцией, что вполне уве-

[1] Ниже, в гл. III, будет изложено, что было предпринято перед боями 1918 г. для обеспечения пополнений личным составом в войсках Антанты.

ренно могут перейти в наступление. В Месопотамии армия генерала Маршалля, численностью в 246 000 чел., имеет перед собой лишь 33 000 турок. В Палестине генерал Алленби, имея 150 000 бойцов, мог бы ударить на войска в количестве 40 000 чел., находящиеся под командованием генерала Лиман фон-Сандерса. Ллойд Джордж, кроме того, предлагает усилить палестинскую армию, послав к Алленби подкрепления, в которых он в тот же самый момент отказал Хейгу.

Против замысла английского премьер-министра энергично восстает, во имя здравого смысла, Робертсон, начальник главного штаба. Он указывает, что напрасны будут победы англичан в Палестине, если во Франции союзники будут побиты. В заключение он заявляет, что нужно сосредоточить на французском фронте все имеющиеся в наличии силы, даже перебросив войска с внешних театров войны, во всяком случае с македонского. Но Ллойд Джордж не сдается на эти доводы. По его категорическому приказанию Вильсон предлагает постоянным военным представителям план кампании, в основу которого должно быть положено единое мощное наступление в Палестине.

Вейган, предупрежденный, что Ллойд Джордж не согласится с его стратегическими замыслами, прилагает всю ловкость и все меры, чтобы избежать конфликта, который был бы гибельным. Благодаря своей давнишней связи с Вильсоном, он находит, наконец, компромисс для того, чтобы план кампании, представленный от имени союзных правительств, не препятствовал подготовке к ведению войны, отстаиваемой Фошем. Этот план предусматривает, что союзники предпримут наступление только против Турции, ограничиваясь на других фронтах обороной; но решено, что на французском фронте оборона будет вестись по плану Фоша; что войска, находящиеся на западном театре войны (Франция и Италия), не будут уведены; что американские дивизии, назначенные на англо-французский фронт, прибудут именно туда.

Все же на заседании высшего военного совета 31 января Ллойд Джордж настаивает на наступлении в Турции ради сохранения цельности английского плана. Он приводит довольно странный довод, что будто бы все равно невозможно отбросить немцев за Рейн. К счастью, Клемансо энергично доказывает, что, так или иначе, решающая партия 1918 г. будет сыграна во Франции. Поддерживая его, Робертсон

заявляет, что было бы опасно предпринять задуманное Ллойд Джорджем наступление в Палестине, что, напротив, необходимо сосредоточить во Франции все имеющиеся силы. Оба эти энергичные выступления сумели убедить совет, который высказался за принятие плана, разработанного постоянными военными представителями. Англии предоставляется право напасть на Турцию с теми войсками, которые уже имеются у нее в Палестине и Месопотамии; союзные же правительства будут концентрировать все свои усилия на западном фронте, где действия будут вестись по плану Фоша.

После разрешения вопроса о плане кампании остается вопрос о единстве командования. Если даже дело идет об одном только западном фронте, кто же, в конце концов, будет проводить на нем планы Фоша, принятые союзными правительствами? Прения по этому столь важному пункту ведутся в политических и военных кругах Франции и Англии с конца 1917 г.

Хейг и Петэн легко согласились, что им совсем не нужен высший начальник для согласовывания их действий. Свои возражения против этого назначения они мотивируют своим толкованием будущего сражения. Поскольку англо-французские войска ограничатся на западном фронте оборонительными действиями, зачем менять систему сотрудничества армий, существующую с 1914 г.? Та армия, которая не подвергается удару совсем или в меньшей степени, чем другая, поможет той, сменив ее на каком-либо участке фронта или послав ей часть своих резервов. А при такой простой системе сотрудничества нет надобности в верховном командовании. Итак, с начала января Хейг и Петэн поручили своим штабам тщательную разработку условий и характера взаимодействий, могущих встретиться в предстоящем сражении.

В политических сферах Франции и Англии, по молчаливому соглашению, считают за аксиому, что вопроса о едином командовании нельзя решить просто и разумно, назначив какого-либо генерала верховным главнокомандующим войсками Антанты. В штабах же Фоша и Вейгана это, напротив, считается единственно приемлемым. В этих кругах думают, что один только Фош стоит достаточно высоко, чтобы справиться с подобной задачей.

Из англичан один Вильсон достаточно рассудителен, чтобы сразу понять необходимость в едином командовании. Но раз разрешение этого вопроса полностью кажется в данный момент невозможным, он старается, по крайней мере,

провести другое, которое, по его мнению, значительно улучшит положение. В начале января он представляет Милнеру, а 17 января — Клемансо доклад о преимуществах создания общего союзного резерва, образованного из частей английской, французской и итальянской армий; он убеждает Вейгана, что это предложение является наибольшим, чего можно добиться при существующих условиях. 23 января, получив одобрение Фоша, Вейган от имени всех постоянных военных представителей вносит в военный совет проект Вильсона.

Высший военный совет в Версале утверждает без затруднений создание общего межсоюзного резерва. 2 февраля создается, для руководства им, исполнительный комитет, составленный из четырех постоянных военных представителей, под председательством Фоша. Первой задачей комитета будет, выслушав мнения Хейга и Петэна, определить размеры, состав и расположение общего межсоюзного резерва.

Это является бесспорным улучшением прежнего положения вещей. Союзные правительства, ставя Фоша во главе исполнительного комитета, дали ему, по крайней мере для сражения, высшую военную власть.

Разумеется, это решение не так удовлетворительно, как единое командование, но этому посредственному решению придает ценность личность Фоша.

IV. 6 февраля эти предложения принимаются и передаются трем главнокомандующим—Хейгу, Петэну и Диацу. В общий межсоюзный резерв войдут тридцать дивизий, именно: семнадцать дивизий позади французского фронта (из них десять дивизий французских и семь английских) и тринадцать дивизий в Италии (из них три французских, три английских и семь итальянских). Эти тридцать дивизий будут расположены таким образом, чтобы они могли быстро выступить на поддержку того фронта, в резерве которого они находятся, и чтобы в то же время можно было быстро перебросить их на ту часть фронта, куда будет направлен удар германских войск.

К несчастью, в отношении этих предложений Хейг и Петэн тотчас же обнаруживают непримиримость. Они заявляют, что, какое бы решение ни принял высший военный совет, исполнительный комитет, как всякий комитет, неспособен будет осуществить верховное командование в тех трудных условиях, в каких придется сражаться войскам союзников. Они прибавляют, что уже приняли план кампании, где

придается большое значение резервным дивизиям, и что сократить число их невозможно, не нарушив соглашения, так долго разрабатывавшегося. Петэн заявляет даже, что меры, предложенные исполнительным комитетом, «*чрезвычайно опасны*». Кроме того, сильной поддержкой для главнокомандующих в их отказе подчиниться взглядам Фоша является та перемена, которая произошла в феврале во мнениях правителей государств.

По окончании сессии высшего военного совета, открывшейся в Версале 31 января, Ллойд Джордж вернулся в Англию, решив расстаться с Робертсоном, различие мнений которого с его собственными проявилось во время совещания, отчасти по вопросу о своевременности создания общего межсоюзного резерва, а особенно резко по вопросу о плане кампании. 19 февраля он назначает начальником главного штаба Вильсона. В то же время общественное мнение, многие политические деятели, а в особенности военные, очень недовольны тем, что британская армия будет подчиняться комитету, во главе которого стоит французский генерал. Возражения Хейга и Робертсона против этих нововведений находят сочувственный отклик по ту сторону Ламанша. 19 февраля в палате общин Ллойд Джордж отстаивает дело высшего военного совета; тем не менее, он считает необходимым пойти на уступки и решается вернуться к принятым раньше решениям. Хейг торжествует. 2 марта он попросту начисто отказывается в какой бы то ни было степени считаться с предложением исполнительного комитета об образовании общего межсоюзного резерва.

Что касается французов, то Клемансо очень умеренно восхищается идеей единого командования, независимо от ее формы. В начале февраля, как только окончилась сессия высшего военного совета, он все больше и больше становится на сторону идей, развиваемых Петэном, против плана Фоша и создания общего межсоюзного резерва.

И вот 14 марта высший военный совет, собравшись в Лондоне на четвертую сессию, одним махом уничтожает зародыш единого командования, созданный с таким трудом в ноябре 1917 г. Сначала Ллойд Джордж, а затем Клемансо указывают, что Хейг и Петэн не имеют возможности выделить общий межсоюзный резерв. Однако, в Италию посылают военную комиссию, чтобы рассмотреть, нельзя ли вернуть обратно некоторые из французских и английских дивизий, посланных туда в помощь нашим союзникам в

ноябре 1917 г. Эти возвращенные во Францию дивизии могли бы составить межсоюзный резерв.

Затем оба главы правительств заявляют, что они отказываются от плана Фоша, принятого высшим военным советом на третьей сессии, и присоединяются к плану, созданному совместно английским и французским главнокомандующими.

Такое отбрасывание недавно принятых решений, естественно, вызывает протест представителей Соединенных Штатов и Италии. Фош в энергичном выступлении указывает на опасность принимаемых решений, в особенности умаления власти исполнительного комитета, хотя бы фактом отказа от создания межсоюзного резерва, так как, если можно в крайнем случае обойтись без общего резерва, — говорит он, — то нельзя обойтись без органа, способного согласовывать действия главнокомандующих, ведущих большое сражение. Эти доводы ни к чему не ведут вследствие упорства Ллойд Джорджа и Клемансо. А так как Франция и Англия являются сторонами, наиболее заинтересованными в предстоящем сражении, высший военный совет без долгих обсуждений принимает предложения, выдвинутые главами английского и французского правительств.

Итак, за 6 дней до германского наступления политическое руководство отбрасывает систему единого командования, созданную с таким трудом и с таким опозданием. Оно отменяет создание общего резерва и тем самым сводит на нет значение исполнительного комитета, лишая его всех средств.

Опасно накануне сражения разрушать организацию командования, как бы она ни была элементарна и несовершенна, для того чтобы вернуться к другой, непригодность которой и правители и главнокомандующие уже чувствовали при гораздо менее серьезных и щекотливых обстоятельствах.

Во всяком случае, так как военный совет высказался, оба главнокомандующих, которые так его переубеждали, должны не терять времени и проводить в жизнь план кампании, который они дали штабам для разработки. Они тотчас же заключают соглашение. По условиям этого договора, одна из французских армий (III армия, генерал Умбер) будет готова действовать, смотря по обстоятельствам, либо между Нуайон и Мондидье, либо на обоих берегах Соммы, либо к западу от Арраса; ее сосредоточение будет производиться в два эшелона, причем сбор первого, состоящего из шести дивизий, требует 4 дня. Состав, транспорт и сосредо-

точение второго эшелона будут определены согласно условиям боя. Со своей стороны, английская армия должна нас поддерживать, либо сменив на нашем левом фланге шесть или семь дивизий, либо в более широких размерах, поддерживая нашу северную группу армий.

Таким образом, в этом договоре проявляется торжество методов, поддерживаемых Хейгом и Петэном, и отказ от идей Фоша. Взамен управляемого и согласованного боя приходит сражение по договоренности. Каждая из союзных армий целиком подчиняется своему командующему. Обе они, решившись упорно обороняться, ждут германского наступления, готовые поддержать друг друга резервами по тщательно записанному договору. Уже нет разговора ни «*о сильном контрнаступлении на заранее выбранной и подготовленной местности*», ни о комбинированном наступлении с определенными целями, защищаемых Фошем.

ГЛАВА III

ПОДГОТОВКА СОЮЗНЫХ АРМИЙ ПЕРЕД ГЕРМАНСКИМ НАСТУПЛЕНИЕМ И ОЖИДАНИЕ СРАЖЕНИЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ ФРОНТЕ В НАЧАЛЕ МАРТА

(1 января — 21 марта 1918 г.)[1]

I. Общее положение союзных армий к 21 марта 1918 г. II. Французская армия. Личный состав. Материальная часть. III. Обучение французской армии ввиду предстоящего сражения. Оборонительные работы. IV. Ожидание сражения, начиная с 1 марта. Предположения Хейга и Петэна относительно зоны главного удара. Распределение союзных резервов.

I. В то время как правительство и главнокомандующие обсуждают вопросы о едином командовании и о плане кампании, союзные армии готовятся к отражению угрожающего им наступления. Из рассмотрения соотношения сил к 21 марта, дню германского удара, и предположений главнокомандующих видно, что им трудно будет в течение 1918 г. достичь численного уровня германских войск.

На северном фланге бельгийская армия состоит из 12 пехотных дивизий и 1 кавалерийской. Но ввиду того что ее территория занята неприятелем, у нее для пополнения найдется не больше 10 000 чел. Командующий армией, король Альберт, заявил, что его войско будет участвовать в сражении, растягивая свой фронт, но не выделит ни одного соединения для какой-либо из союзных армий.

---

[1] Схема 1. Общее положение на французском фронте 21 марта 1918 г.

Схема 2. Положение наличных сил 21 марта 1918 г. от Шампани до Северного моря.

Источники: Ж. Револь (подполк.), «Усилия союзников на французском фронте» (Париж, 1921); Шамбрэн и Мараиш, «Американская армия в европейском конфликте» (Париж, 1919).

Британская армия во Франции насчитывала 62 дивизии до отправки пяти из них в Италию. Из этих пяти две дивизии были отозваны в конце февраля, когда окончательно определилась угроза наступления, но прибыла только еще одна, вторая находится в пути. Итак, британская армия вступит в бой в составе 58 дивизий и 3 кавалерийских.

Для поддержания этой численности Хейг и Робертсон потребовали в январе 600 000 чел., но от военного комитета они смогли получить только 100 000 чел., из-за оппозиции Ллойд Джорджа, желавшего сохранить резерв для палестинской армии. Ввиду этого Хейг вынужден сократить число батальонов в дивизии с двенадцати, как было до января, — до девяти [1]; он считает, что, несмотря на это сокращение, он будет вынужден в течение года свернуть 25 дивизий. Английской армии придан португальский корпус в составе двух дивизий.

К 21 марта главнокомандующий американской армией Першинг располагает во Франции лишь шестью дивизиями, из которых ни одна не может участвовать в сражении, а две еще выгружаются. Он не рассчитывает, даже при самых благоприятных обстоятельствах, получить до 1 июля больше пятнадцати дивизий, которые большей частью ни в каком отношении не будут боеспособны. Обучение, снабжение и вооружение американских войск ляжет тяжелым бременем на британскую и французскую армии. Спустя год после вступления страны в войну американская промышленность еще не в состоянии дать своим войскам необходимое вооружение. Франция должна согласиться на уступку своим союзникам большого количества вооружения, именно пушек и снарядов для тяжелой артиллерии.

К 15 марта мы дадим нашим американским союзникам 156 батарей 75-*мм* орудий, 35 батарей 155-*мм* гаубиц Шнейдера, пять дивизионов 155-*мм* пушек большой мощности, 2 894 пулемета Гочкиса, 12 864 ружья-пулемета и т. д.

И, наконец, французская армия, после отозвания из Италии 6 дивизий, насчитывает во Франции 99 дивизий и 6 кавалерийских. Итак, общее число наличных войск союзников на французском фронте составляет 171 пехотную дивизию, следовательно, по количеству эти силы значительно слабее германских.

---

[1] Только в канадских и австралийских дивизиях осталось по 12 батальонов.

Итальянская армия к 15 марта имеет 53 дивизии и в резерве 21 дивизию и 7 англо-французских дивизий, т. е.

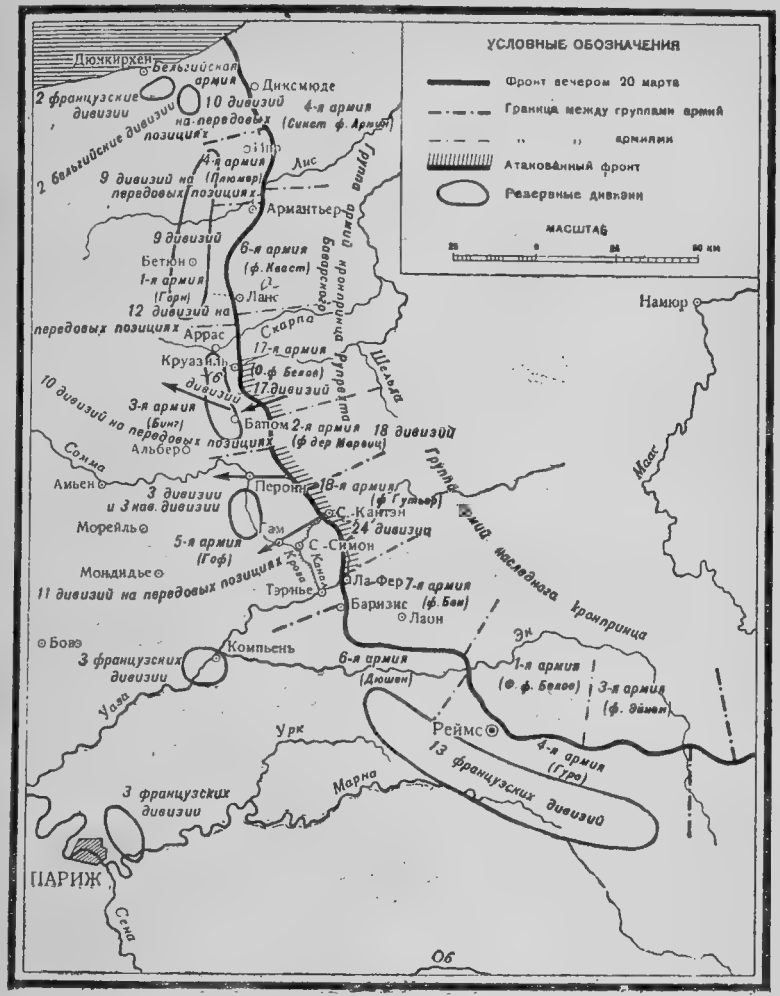

Схема 2. **Положение наличных сил 21 марта 1918 г. от Шампани до Северного моря**

28 дивизий, в то время как у австрийцев в резерве всего 17 дивизий. Следовательно, союзники рассчитывают, что смогут в короткий срок перебросить на французский фронт

часть англо-французских войск, как было решено на заседании высшего военного совета 15 марта.

II. Имея 99 дивизий, французская армия, бесспорно, уже по своему количеству представляет главную силу на северо-восточном театре войны. К 21 марта все соединения укомплектованы полностью, и Петэн в рядах армии имеет 283 400 чел. для немедленного пополнения потерь во время боя. Однако, даже если прибавить к этому 288 000 чел., которых военное министерство должно дать в армию до 1 октября 1918 г., то все же далеко еще до 1 078 000 — числа, которое Петэн считает необходимым иметь к этому времени.

Призыв 1919 г. (в возрасте 19 лет), который рассчитывают провести в апреле и который можно будет ввести в бой в сентябре, не восполнит этого недостатка. Нельзя также уменьшить число оставленных в тылу — 1 225 000 годных для строевой службы. Это количество считается необходимым, чтобы обеспечить работу заводов и жизнь страны. Итак, если расчеты Петэна верны, очевидно, что положение с живой силой неблагополучно. Этот вопрос будет тревожить французское командование во все время боев 1918 г.

В отношении материальной части положение, напротив, значительно улучшилось со времени большого наступления 1917 г. Наши войска с начала сражения будут иметь вооружение хотя не настолько многочисленное и усовершенствованное, как хотелось бы командованию, но, во всяком случае, почти равноценное вооружению противника.

Запасов пехотного снаряжения будет достаточно при всяких обстоятельствах. Все пулеметные роты вооружены пулеметами Гочкиса, а их взводы имеют два-три пулемета.

Артиллерия получила то количество 75-*мм* пушек, которое главнокомандующий считал необходимым. Тяжелых орудий, напротив, недостаточно. Из 99 дивизий только 19 получили по два дивизиона 155-*мм* гаубиц [1]; армейские корпуса имеют только 41 дивизион 105-*мм* вместо 60 и только 13 дивизионов 155-*мм* длинных орудий вместо 30. К 31 марта снабжение артиллерии припасами достигает нормы, исключающей всякое беспокойство. Запасы боеприпа-

[1] С 1 ноября 1917 г. по 1 апреля 1918 г. число наших гаубичных 155-*мм* батарей (330) увеличилось на 73, число длинных 155-*мм* (115) — на 85.

сов для 75-*мм* орудий, именно, 33 401 476 снарядов, значительнее всех когда-либо существовавших.

С 1 ноября 1917 г. до 1 марта 1918 г. число наших самолетов возросло на 388; таким образом, оно поднимается до 2 800 [1], что дает возможность сформировать 53 новых эскадрильи. В течение зимы истребительная и бомбардировочная авиация была сгруппирована в крупные соединения — боевые группы и эскадры, которые широко могут быть использованы в бою. Они будут сомкнутой массой действовать против авиации противника и бомбами и пулеметами расстреливать наземные войска противника, а ночью они будут выполнять мощные и частые бомбардировки тыловых частей противника.

Что касается танков, то министерство вооружений не дало тех 800—850 легких танков Рено, которые были обещаны к 21 марта в декабре 1917 г. Весной 1918 г. мы имели только 383 танка Шнейдера и Сен-Шамона — машины, лишенные подвижности, нужной для свободного продвижения по изрытой местности.

III. Пополняя свое вооружение, французская армия одновременно ведет тактическую подготовку к обороне, которую ей придется выдержать. Она знает, в какой форме будет вестись наступление, так как битвы под Ригой и Камбрэ дали понятие о немецких наступательных методах. Подготовив в строгой тайне все средства, они проводят мощную и скоротечную артиллерийскую подготовку, затем бросают пехоту на штурм в прямом направлении, с тем чтобы как можно быстрее миновать зону оборонительных сооружений и перевести бой на необорудованную местность. Опыт показал, что под таким напором обороняющаяся сторона не в состоянии удержаться на первой позиции.

Чтобы обезвредить этот тактический прием, Петэн в своих двух распоряжениях (директива 23 декабря 1917 г. и инструкция 25 января 1918 г.) указывает, что не следует возводить в догмат метод сопротивления удару на передовых линиях первой позиции. Он предлагает командующим обсудить, не лучше ли рассматривать первые линии как прикрытия, годные для того, чтобы если не сломить, то, по крайней мере, задержать и ослабить натиск пехоты. Оборона же будет вестись основной массой войск и резервов на

[1] К 1 марта английская авиация насчитывает 1 280 самолетов, и мы имеем их на 2 900 больше, чем немцы.

более глубокой позиции, например, на промежуточной или даже на второй [1].

По этим указаниям, не имея точного приказа, командующие с конца января начинают пересмотр своих планов обороны. Большинство их делает это с известным опасением, во-первых, из отвращения отступать заранее, a priori, и может быть, перед простой демонстративной атакой, во-вторых, ввиду примитивного устройства оборонительных сооружений за первыми линиями первой позиции.

В течение всей зимы 1917 г. деятельно ведутся работы по улучшению оборонительных сооружений промежуточных и вторых позиций. На эти работы посылаются все имеющиеся силы (территориальные части, рабочие, присланные из Италии, рабочие, набранные в тылу министерством вооружений) и, наконец, отведенные в резерв дивизии. В этих частях требуется, однако, сочетать необходимость использования их для оборонных работ с требованием подготовки их для маневренной войны, которой не приходилось вести с октября 1914 г. В этих целях Петэн утвердил в конце декабря 1917 г. программу смен, в которой для большей части дивизий предусмотрены сроки лагерного обучения и отдыха. Таким образом, наши дивизии пойдут в бой подготовленными, обученными и не истощенными морально и физически долгим пребыванием на фронте.

К сожалению, вмешательство Клемансо помешало тактическим указаниям Петэна дать ожидаемые результаты. Во-первых, Клемансо не согласен с взглядами главнокомандующего на ведение боя; нужно биться на первой, более укрепленной позиции; нужно также пожертвовать всем обучением, отдыхом, сборами ради работ по укреплению оборонных сооружений. Клемансо заставляет Петэна принять эту установку и соответственно изменить данные уже распоряжения о подготовке армии к сражению.

Петэн старается отстоять свою идею. Ему удается получить от министра поддержку его директив о ведении боя, но вследствие расхождения во взглядах с Клемансо усиливается сопротивление некоторых начальников, которые и так не были склонны изменять свои планы обороны. Главнокомандующий уступает в вопросе оборонительных

[1] Промежуточная позиция — это группа оборонительных сооружений, обычно устроенная в 3—4 *км* от первой позиции. Вторая позиция, как правило, расположена в 6—7 *км* от первой, т. е. настолько далеко, что артиллерия нападения не может разрушить ее одновременно с первой.

сооружений и из-за этого ломает всю свою программу сборов и обучений. Теперь резервные дивизии, вместо того чтобы обучаться боевым действиям, работают по укреплению вторых позиций. Их подолгу оставляют на постройках, чтобы не терять времени на переброску для смены. Дивизии же, находящиеся на передовых позициях, остаются по 3—4 месяца в окопах, в суровых зимних условиях. А оборонительные сооружения во время боев 1918 г., 21 марта, 9 апреля, 27 мая, не повысят сопротивляемости и будут разрушены бомбардировкой и сметены натиском пехоты. Тогда нам придется бросить в бой дивизии, не прошедшие достаточной подготовки для ведения полевой войны, дивизии, из которых одни измучены работой землекопов, а другие истощены долгим пребыванием на передовых позициях.

IV. Затишье, царящее на французском фронте с 1 декабря 1917 г. по 1 марта 1918 г., благоприятствует подготовке союзных армий к сражению. Со времени битвы при Камбрэ (20 ноября 1917 г.) и боев у высоты 344 под Верденом (25 ноября 1917 г.) деятельность той и другой стороны сводилась к нескольким налетам. Начиная с 1 марта, противник изменяет свое поведение. По всему фронту, кроме полосы, занятой английскими войсками, между рр. Уазой и Скарпой, он производит бомбардировки и ряд частных атак, иногда весьма значительных.

Союзники отвечают на это налетами, производимыми с целью захвата пленных, показания которых могут дать сведения о планах противника. Одновременно наши разведывательные органы собирают многочисленные и подтверждающие друг друга данные о неизбежности наступления. Каждый вечер союзники ждут назавтра начала германского наступления.

К 1 марта французский главный штаб установил, что во Франции имеется 179 германских дивизий, из них 70, по всей вероятности, расположены в резерве. К 20 марта, накануне наступления, главный штаб считает, что их 182, из которых 74 дивизии могут стоять в резерве. К тому же главный штаб считает, что это минимальное число и что общее число германских дивизий во Франции может легко достичь 200, из них 80 резервных. Можно видеть, что этот расчет довольно близок к действительности (выше мы видели [1], что германская армия имеет 192 дивизии, из них 85 в резерве).

[1] См. гл. I, стр. 14.

На какую же часть фронта Гинденбург и Людендорф собираются двинуть ударную группу? Петэн думает, что противник начнет два одновременных или почти одновременных наступления: главный удар будет направлен против англичан, от Уазы до Скарпы, а второстепенный — против французов, вероятно, в Шампани от Берри-о-Бак до р. Сюипп. Он считает, что можно ждать нескольких второстепенных ударов также на английском фронте в районе Ланса, Ля-Бассэ, а у нас у Вердена или Бельфора.

Хейг не вполне разделяет мнение Петэна. Он уверен, что будет произведен удар между Уазой и Скарпой, но сомнительно, чтобы этот удар был главным. Он склонен думать, что местом главного удара будет Шампань. Он не считает также, что после резкого прорыва фронта немцы используют его для немедленного перехода к маневренной войне. Союзникам никогда не приходилось вести войны по этому методу, почему же на этот раз немцы будут более счастливы?

Однако, расхождение во мнениях невелико. Важно, что оба, и Хейг и Петэн, думают, что наступление начнется непременно между Уазой и Скарпой, и, возможно, в Шампани. Благодаря согласию их взглядов по этому главному вопросу, они должны логически решить расположение союзных резервов ввиду предстоящего сражения.

В течение зимы оба были вынуждены увеличить число резервных соединений. К 20 марта Петэн оставил на передовых позициях только 60 дивизий, а в резерве — 39 дивизий и 2 кавалерийских дивизии. Он принял меры, чтобы армии, не попавшие под удар, могли отвести с фронта 6 дивизий. Эта масса дивизий получит управление в виде состоящих в резерве — штаба группы армий резерва (Файоль), штаба III армии (Умбер), пяти штабов армейских корпусов, двух штабов кавалерийских корпусов. Они получат для поддержки 35 полков тяжелой артиллерии и 10 полков 75-*мм* полевой артиллерии. Хейг имеет 58 дивизий, из них 40 на передовых позициях, а 18 пехотных и 3 кавалерийские дивизии в резерве.

Обращает на себя внимание распределение английских и французских резервов.

Хейг, ожидающий удара на своем фронте между Уазой и Скарпой, т. е. как раз там, где он действительно должен состояться, располагает свои 18 резервных дивизий так: 15 дивизий к северу от Соммы и только 3 дивизии (вместе с 3 кавалерийскими) между Соммой и Уазой, позади V армии (Гоф).

Петэн поместил две из своих 39 резервных дивизий позади бельгийской армии, а 13 дивизий, т. е. треть своих резервов,—позади фронта в Шампани, где он ждет второстепенного удара; 18 дивизий располагаются между Аргоннами и Швейцарией и три вокруг Парижа. Зато для усиления правого фланга англичан, на который, по его предположению, будет направлен главный удар противника, французский главнокомандующий оставил всего три дивизии, расположенных близ долины Уазы. Однако, и из этих трех ни одна не расположена настолько близко к оборонительным сооружениям союзников, чтобы быстро подойти к ним пешком. Во время сражения придется перебрасывать войска либо на грузовиках, либо по железной дороге.

Таким образом, распределение англо-французских резервов на деле доказывает неудобства двойственного командования, которых высший военный совет не нашел решимости избежать, установив единство командования. Оба главнокомандующих почти бессознательно обеспечивают защиту тех частей фронта, которые кажутся им важнее для их страны. Хейг старается защищать свои базы, порты Ламанша и, тем самым, Англию, Петэн — свою столицу Париж, которому грозит удар через Шампань. Для обоих защита полосы между Уазой и Соммой стоит на втором плане, и каждый рассчитывает на другого в поддержке частей, обороняющих эту местность. Этим объясняется, что из 57 дивизий англо-французского резерва только три расположены близко к V британской армии. Между тем, именно ей, по признанию обоих главнокомандующих, грозит наибольшая опасность. К тому же здесь будет труднее управлять боем, чем где бы то ни было, так как это место стыка двух армий разных национальностей. Это распределение англо-французских резервов будет вызывать тяжелые последствия уже в самом начале германского наступления; оно осложняет условия борьбы союзных армий, в составе 171 дивизии, неоднородных и мало укомплектованных пехотой, против 192 германских дивизий.

ГЛАВА IV

СРАЖЕНИЕ В ПИКАРДИИ ПЕРЕД НАЗНАЧЕНИЕМ ФОША ДЛЯ СОГЛАСОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ СОЮЗНЫХ АРМИЙ

(21—26 марта 1918 г.) [1]

I. Первые 2 дня сражения в Пикардии (21—22 марта). Хейг просит французских войск. II. Сражение 23 и 24 марта. Разногласия между Хейгом и Петэном. Их встреча в Дюри (23 марта). Принятие Петэном важного решения 24 марта. Вторичная встреча Хейга и Петэна в Дюри (24 марта). Их несогласие увеличивается. Письмо Фоша к Клемансо. III. Совещания в Компьене и Аббевиле (25 марта). Сражение 25 марта. IV. 26 марта. Директивы Людендорфа об использовании победы. Совещание в Дулане. На Фоша возлагается координирование действий союзных армий.

I. Ночь с 20 на 21 марта проходит спокойно на всем протяжении фронта, от Уазы до Северного моря; царит полная темнота; до 3 час. утра идет непрерывный дождь. К этому часу все немецкие дивизии первой линии уже на месте, а дивизии второго эшелона подведены. Тогда, в 4 ч. 40 м. 6 200 орудий и 1 000 минометов открывают огонь, награ-

---

[1] Схема 2. Положение наличных сил 21 марта 1918 г. от Шампани до Северного моря.

Схема 3. Сражение в Пикардии с 21 по 26 марта 1918 г.

Источники: Кельц (майор), «Сражение во Франции 21 марта — 5 апреля 1918 г.» (Париж, 1928); Тьери д'Аржанльe (подполк.), «Сражение у р. Авр» (Париж, 1929); Л. Лушер, «Единое командование» (в журнале «Illustration» от 24 марта 1918 г.); Лор (полк.), «В оперативном отделе третьего штаба (1917—1918)» (Париж, 1921); Спарроу, «Пятая армия в марте 1918 г.» (Лондон, 1923); Ворсфольд, «Лорд Милнер и единое командование» (в «United Empire», май и июнь 1929); О. Фер, «Мартовское наступление на западном фронте» (Лейпциг, 1921).

вленный, главным образом, на органы командования и связи, на батареи. В 6 ч. 40 м., когда начинается стрельба на поражение, позиции пехоты также подвергаются сильной бомбардировке. В 9 ч. 40 м. германская пехота начинает штурм. Густой туман почти в течение всего дня застилает поле сражения, он мешает действиям пулеметов и оборонительной артиллерии, стесняет действия английского командования, которое обстрел уже лишил телефонной связи, и делает наблюдательные пункты бесполезными.

К вечеру III английская армия (Бинг), на которую, на фронте в 16 *км*, наступала 17-я германская армия, оказала между Круазилем и северной частью Флекьера сильное сопротивление и потеряла всего 3—4 *км*. Ее поддерживали две резервных дивизии, предпринявшие во второй половине дня мощную контратаку; остальные четыре дивизии находятся в близком резерве.

Хуже положение V армии (Гоф), на которую наступают, на фронте в 46 *км*, между Вакери и Ла-Фер, 2-я и 18-я германские армии. Между тем как на севере 2-я германская армия добилась не бо́льших успехов, чем 17-я, 18-я армия к концу дня сильно продвинулась южнее Сен-Кантэна и до р. Уазы. На правом фланге V армии большое расстройство. В самом деле, надеясь на речную преграду Уазы, Гоф слабо укрепил фронт между Мой и Ла-Фер. Стоявшая в течение долгого времени сухая погода облегчила переход через болота Уазы, а туман совершенно скрыл движение германской пехоты. Штурмующие, перейдя утром реку, продолжают легко и быстро двигаться дальше. Тогда Гоф отдаст своему правому флангу (трем дивизиям) приказ отступить на линию, которая идет с севера на юг, от Гран-Серанкура, западнее канала Крозa.

В этот вечер Хейг, находящийся в своей ставке в Монтрейле, еще не имеет серьезного повода для тревоги, но судя по мощности удара, по количеству немецких дивизий, действующих против V армии (23 дивизии), он не сомневается, что главное усилие противника направлено против англичан. Он считает, что английские резервы достаточно сильны и стоят достаточно близко, чтобы поддержать III армию и левый фланг и центр V армии до Гама и Сен-Симона; но отсюда и до Уазы требуется вмешательство французов.

И вот в ночь с 21 на 22 марта Хейг обращается к Петэну с просьбой как можно скорее прислать три пехотных дивизии для поддержки англичан между Сен-Симоном и Нуай-

оном. Эта просьба входит в рамки договора, заключенного между двумя главнокомандующими об условиях взаимной поддержки в сражении. Петэн тотчас же отдает необходимые приказания, чтобы удовлетворить просьбу союзников. 5-й армейский корпус в составе трех дивизий будет быстро сосредоточен на северном берегу Уазы, чтобы помочь правому флангу англичан защищать линию канала Кроза. Однако, ввиду удаленности от места сражения, дивизии 5-го корпуса не смогут вступить в бой раньше 23 марта.

22 марта сражение продолжается в том же темпе. На севере 17-я германская армия продвигается медленно из-за сильного сопротивления III британской армии, утвердившейся на второй позиции [1]; она вызвала все дивизии второго эшелона и часть армейского резерва. Фронт III британской армии везде является крепким и непрерывным. К несчастью, положение V английской армии совсем иное.

2-я германская армия быстро продвигается своим левым флангом и центром, которые уже миновали Руазель и Вервман. Еще быстрее движется 18-я армия, в особенности левый ее фланг, достигший уже канала Кроза и в некоторых местах перешедший его. V английская армия в середине дня вводит в бой севернее Сен-Симона три дивизии из своего резерва, но между Сен-Симоном и Уазой она может усилить свою оборону лишь слабой поддержкой одной кавалерийской дивизии. В этой бреши в 16 *км* она не может ждать никакой помощи до прибытия 5-го французского корпуса.

В такой обстановке главнокомандующие обеих сторон в конце этого дня и ночью принимают важные решения. Уже накануне, узнав о легко достигнутых успехах фон-Гутьера, Гинденбург и Людендорф придали 18-й армии две дивизии из своих собственных резервов, затем приняли меры, чтобы бросить туда же и к левому флангу 2-й армии еще четыре дивизии. 17-я армия не получила никакого подкрепления. 22 марта Людендорф не оставляет мысли о продвижении к северу от Соммы, но не усиливает ни 2-ю, ни 17-ю армии, зато готов дать несколько дивизий на подкрепление 18-й армии, наступление которой против французских резервов он старается усилить. Кронпринц при-

[1] У англичан вторая позиция соответствует нашей так называемой «*промежуточной*», т. е. организованной между первой и второй позициями; третья позиция у англичан соответствует нашей второй.

казывает 18-й армии двигаться вперед, направляя свой правый фланг на Гам.

Со своей стороны, Хейг с полудня 22 марта считает, что трех французских дивизий 5-го корпуса будет недостаточно, чтобы восстановить положение на правом фланге V британской армии между Сен-Симоном и Уазой. Он требует, чтобы французы полностью выполнили свои обязательства по англо-французскому договору, т. е. выслали на фронт севернее Уазы шесть дивизий (три из которых были затребованы накануне). Петэн немедленно выполняет это требование, которое еще соответствует принятым им на себя обязательствам. Он приказывает III армии (Умбер) в составе двух армейских корпусов, шести пехотных дивизий, с необходимой артиллерией и авиацией, быстро сосредоточиться, чтобы вступить в бой на севере от Сен-Симона до Баризиса (10 *км* южнее Уазы), где находится левый фланг нашей VI армии. Она должна как можно скорее сменить в этой зоне британские войска, действующие севернее Уазы.

Конечно, уже в течение этих двух дней главнокомандующим приходится расплачиваться за ошибку, которую они допустили, не разместив достаточных резервов в тылу V британской армии, но, по крайней мере, они ведут сражение согласно заключенным ими условиям сотрудничества. Согласие между ними полное. В ночь с 22 на 23 марта все меняется, и между Хейгом и Петэном происходит серьезное столкновение.

Вечером 22 марта, по данным разведывательной службы и по донесениям, поступившим от армий, Хейг составляет очень верное мнение о целях и возможностях противника. По числу участвующих в сражении дивизий и батарей, которое удалось установить, по размерам фронта удара, по настойчивости, с которой противник ведет сражение, он уверен, что Людендорф все силы бросил против англичан; он считает, что против французов не будет направлено удара, или, если противник и предпримет что-либо в Шампани или в другом месте, то это будет просто демонстрацией, проводимой с слабыми силами и с единственной целью помешать французам дать резервы в помощь английским войскам. Однако, упорно держась цели, которую он имел в виду во время подготовки к сражению, Хейг обращает больше внимания на борьбу севернее Соммы, где продвижение противника угрожает британским базам, побережью Северного моря и Англии, чем на события южнее

этой реки, где интересы англичан не так непосредственно затронуты.

В зависимости от этого мнения главнокомандующий английской армией очень просто представляет себе ведение союзниками операций. Английская армия не в состоянии собственными силами противостоять наступлению между рр. Скарпой и Уазой, которое, по данным разведывательной службы, ведут 70 или 80 дивизий. Она ввела в бой уже 30 дивизий, т. е. половину всего своего состава, и сможет в нужный момент ввести еще лишь 7 или 8 дивизий, но она не может оказать действительного сопротивления при условии такого численного превосходства противника. Французы, которым не грозит серьезная опасность, должны во что бы то ни стало немедленно оказать англичанам сильную помощь и прежде всего сменить V английскую армию между Соммой и Уазой, т. е. на фронте в 40 *км*. При таком облегчении вся английская армия, в составе 60 дивизий, сможет выдержать борьбу между рр. Скарпой и Соммой, т. е. на фронте в 36 *км*, который тянется от Арраса до Перонна. И вот, 23 марта, в 0 ч. 50 м. Хейг просит Петэна приказать быстро сменить британские войска до Перонна.

Однако, в эту самую ночь французский главнокомандующий дает обстановке совсем другую оценку.

Разумеется, Петэн понимает опасность, нависшую над британской армией, но он сам не спокоен за французский фронт, так как убежден, что нас поминутно могут атаковать в Шампани, от Берри-о-Бак до р. Сюипп. В главном штабе рассчитывают, что из 81 дивизии германского резерва 21 марта против англичан были двинуты только 26; следовательно, остается еще 55 дивизий, т. е. бо́льшая часть германских резервов. Где готовится выступить эта масса? Вполне возможно, что она предназначена для расширения сражения против англичан, но можно допустить, что она готовится начать на французском фронте наступление, может быть, и второстепенное, но тем не менее достаточно грозное. Это было бы как раз осуществлением планов, которые мы приписывали противнику, изучая в течение зимы данные о нем.

Важные признаки и показания пленных заставляют думать, что противник 26 марта неожиданно начнет наступление в Шампани. Не имея никакого намерения начинать наступление на фронте между рр. Уазой и Сюипп в этой фазе сражения, немцы своими демонстрациями очень ловко

ввели наше командование в заблуждение. Генерал Гуро, командующий IV армией, и генерал Франше д'Эспере, командующий северной группой армий, считают германское наступление настолько возможным, что просят принять первые меры для отражения удара. Петэн также каждый вечер ждет назавтра германское наступление в Шампани и для отражения его стремится сберечь все резервы.

Французский главнокомандующий считает требования о помощи тем более не соответствующими нашим ресурсам, что не разделяет взглядов Хейга на размеры опасности в разных зонах пикардийского поля сражения. Хейг считает, что противник направляет главный удар севернее Соммы, где английской армии приходится сражаться, будучи «*прижатой к стене*».

Петэну, напротив, события говорят о том, что главная опасность грозит южнее Соммы, где противник уже показал более значительные силы, чем на севере, и добился уже больших успехов. И вот, приходится брать на себя защиту этого района от Уазы до Соммы. Чтобы обеспечить эти 40 *км* фронта, мы должны бросить туда 20 дивизий из 33, оставшихся в резерве после сформирования III армии.

Наконец, требуемая англичанами помощь значительно превосходит размеры, предусмотренные соглашением между Хейгом и Петэном о совместных действиях их войск. Тем не менее очевидно, что французская армия должна, пока не поздно, помешать поражению британской армии. Здесь, как Фош в ноябре 1917 г. писал Робертсону, колебавшемуся послать английские войска в помощь Италии, «*события преобладают над рассуждениями*». Наконец, Петэн решается взять на себя полосу фронта между Соммой и Уазой, и необходимые меры в этой области принимаются в течение нескольких часов.

Командующий так называемой группой армий резерва (G. A. R.) генерал Файоль назначается командующим всеми французскими и английскими силами между Баризисом (левым флангом соседней группы армий) и Перонном на Сомме. Он должен восстановить положение в этой зоне, либо на линии Перонн, Гюискар, Баризис, либо дальше, на линии Нель, Эрше, Френуа-ле-Гран, Нуайон. Для этого он имеет в распоряжении две армии: на юге — III армия (Умбер), на севере — I (Дебене), каждая по шести дивизий. III армия, сформированная раньше, будет готова выступить 23 марта. Первые части I армии, сформированной из двух дивизий, взятых с фронта в Шампани, и,

четырех дивизий, перевезенных из Вогез, прибудут в Пикардию 25 марта, остальные — 30 марта. Группе армий резерва приданы три кавалерийских дивизии, но две из них стоят слишком далеко и смогут прибыть: одна — к 25, другая — к 28 марта.

Нужно, однако, отметить, что задание, полученное группой армий резерва, не вполне отвечает требованиям англичан. Хейг просит «сменить» английские войска между Соммой и Уазой, для того чтобы освободить свои части для боев, защищающих чисто британские интересы, между Соммой и Аррасом. Петэн, напротив, настаивает, что Файоль должен командовать всеми английскими и французскими войсками, расположенными на вверенной ему полосе фронта. На этот раз Петэн не говорит о смене английских частей, как это было накануне, когда он давал задание III армии.

Образ действий французской армии обнаруживает заметную разницу в целях Хейга и Петэна. Для достижения большего согласия оба главнокомандующих встречаются около 16 час. 23 марта в Дюри (4 *км* южнее Амьена), куда Хейг перенес часть своего штаба, чтобы быть ближе к полю сражения.

II. Под давлением донесений, полученных после полудня и говорящих о том, что положение с каждой минутой становится все серьезнее, Хейг заявляет, что помощь французов должна быть еще увеличена; теперь требуется не только сменить англичан между Соммой и Уазой, но также сосредоточить у Амьена массу резервов, которая сможет вступить в бой либо южнее Соммы, либо севернее, для поддержания III британской армии. Для выполнения этих разнообразных заданий к северу от Уазы требуется немедленно перебросить 20 французских дивизий. Теперь французы могут согласиться на это, так как противник уже не может нанести крупного удара в Шампани, ввиду того что против британской армии занято слишком много войск.

По этому поводу Петэн высказывает диаметрально противоположное мнение. Он повторяет свое убеждение, что до 26 марта французскому фронту в Шампани будет нанесен сильный удар. Он отдал приказы обеспечить район к северу от Уазы группой армий в составе 12 дивизий и соглашается передать в распоряжение генерала Плюмера, командующего II британской армией во Фландрии, одну из диви-

зий 36-го корпуса, для того чтобы освободить одну британскую дивизию. Но бо́льшего сделать он не может.

Совещание двух главнокомандующих не дало никаких результатов. После того как в течение всей зимы они подтверждали свою уверенность в стратегии обороны, основанной на взаимной поддержке, оказалось, что с третьего же дня сражения они не могут договориться. Двойственность командования даст свои неизбежные последствия. Петэн стремится защищать Париж и не хочет итти на риск поражения в Шампани ради того, чтобы помочь союзнику, чьи требования считает чрезмерными. Хейг, убежденный, что противник бросил против него все свои силы, видит, что французские резервы бездействуют из боязни опасности, которая ему кажется воображаемой, в то время как его армии могут быть отброшены к морю. Он объясняет своему правительству по телеграфу, что в таких условиях положение становится серьезным.

23 марта сражение в самом деле принимает характер более тревожный, чем накануне. III армии на севере удалось сохранить третью позицию, но правый ее фланг борется с трудом. V армия теряет предмостное укрепление Перонна, затем самый город и старается оборонять линию Соммы, но ее правое крыло не в состоянии удержаться в Гаме и южнее него. Противник широким фронтом движется к западу от реки и канала Кроза. Чтобы воспрепятствовать этому быстрому продвижению, Умбер выдвигает батальоны 5-го французского корпуса, не теряя времени на перегруппировку их или на ожидание подхода их артиллерии. Вечером французские части входят в соприкосновение с противником севернее Уазы.

Утром 23 марта донесения, поступающие от 17-й, 2-й и 18-й германских армий, представляют положение в таком благоприятном свете, что Людендорф отдает приказания по всему фронту об использовании успеха, который кажется ему уже достигнутым, и о дальнейшем расширении поля сражения. На севере 17-я армия будет продолжать двигаться к западу и к северо-западу; справа ее поддержат 6-я и 4-я армии, которые в свою очередь вскоре начнут наступление; 2-я армия, идя прямо на запад по обоим берегам Соммы, разделит французов и англичан. 18-я армия ударит на французов, дойдя до линии Шольн, Нуайон.

Людендорф на словах объясняет начальникам штабов группы действующих армий цель, на которую должны

Схема 3. Сражение в Пикардии с 21 по 26 марта 1918 г.

ориентироваться армии. Она заключается в том, чтобы расширить первоначальное задание, т. е. отбросить англичан к морю, но теперь к этому присоединяется новое задание— предпринять энергичное наступление против французов и отделить их от англичан.

На стороне союзников Хейг принимает меры для усиления своей III армии, устанавливая позади нее группу из пяти свежих дивизий, взятых из резервов во Фландрии. Севернее Уазы Файоль и Умбер стараются расположить французские соединения фронтом на восток, на непрерывном фронте, который на левом фланге соединится с англичанами у Неля, а когда подойдет I армия, будет продолжен к северу.

Вечером, когда это расположение решено, англо-французы могут безбоязненно принять бой севернее Соммы, куда прибывают крупные английские резервы. Но между Уазой и Соммой положение остается тревожным, потому что I французская армия начнет высаживаться в районе Мондидье не раньше 25 марта.

24 марта III английская армия продолжает успешно сопротивляться в районе южнее Арраса, но отступает, так же как левый фланг V армии, к северу от Соммы, где наши союзники теряют Бапом и Комбль. У Хейга достаточно резервов, чтобы поддержать части, сражающиеся севернее Соммы, но он не помогает войскам, действующим южнее ее, потому что они находятся в распоряжении французского командования. И на этой части фронта положение остается тревожным. На юге наша III армия, все дивизии которой вступали в бой разрозненно, в спешке, теряет Шони и отходит на значительное расстояние. На севере, в районе Неля, она не может установить связь с англичанами, которые удерживают Сомму южнее Перонна. Если Файолю не удастся как можно скорее закрыть эту брешь, нашим союзникам придется отойти от Соммы, и тогда разрыв между французской и английской армиями может стать опасным. После полудня германское радио уже объявляет о победе.

В Компьене, получив донесения, Петэн видит, что у Файоля нет достаточного количества войск ни для того, чтобы обеспечить крупное сражение, которое мы должны вести между Соммой и Уазой, ни для того, чтобы принять меры в случае возможной потери связи между левым флангом группы армий резерва и британской армией. В то же время он продолжает считать, что противник готовится нанести

удар в Шампани. В такой обстановке он во второй половине дня отдает приказ перебросить в распоряжение группы армий резерва шесть дивизий, взятых из восточной группы армий, и если он придает III армии одну дивизию из северной группы армий, он немедленно заменяет ее дивизией из восточной группы армий. Наконец, вечером разрыв между английскими войсками и группой армий резерва представляется Петэну настолько неизбежным, что он идет на крайние меры и указывает их в инструкции командующим тремя группами армий:

«*Намерения главнокомандующего: прежде всего, поддерживать единство всей французской армии, в частности, не допускать отрезать группу армий резерва от остальных войск. Затем, по возможности, сохранять связь с британскими силами. Вести сражение соответственно этим указаниям*». Вследствие этого в группе армий резерва III армия отступит, если потребуется, до линии Нуайон, Руа, в то время как I армия либо «*продолжит левый фланг III, чтобы связать ее с правым флангом англичан, если он удержится*», либо будет поддерживать действия III. Кавалерия, переброшенная на левый фланг расположения, «*будет прикрывать и вести разведку для левого фланга группы армий резерва (главное задание), стараясь поддерживать связь с правым флангом английской армии (дополнительное задание)*». V английская армия отойдет, в крайнем случае, на линию р. Авр, между Мондидье и Амьеном. Эта инструкция дополнена приказом 36-му армейскому корпусу, сокращенному до одной дивизии, использовать железную дорогу, чтобы как можно скорее прибыть для охраны переправ на Сомме, между Амьеном и Аббевилем.

Бесспорно, инструкция 24 марта показывает коренное изменение в ведении сражения со стороны французского главнокомандующего. До этих пор, как в своих приказах, так и при свидании с Хейгом в Дюри, Петэн постоянно подтверждает необходимость сохранять единство обеих армий и не дать врагу возможности разделить их. Вечером 24 марта он оставляет эту руководящую идею. Сейчас главным заданием является сохранение связи между французскими войсками, а связь с англичанами будет поддерживаться «*лишь по возможности*», и для нашей кавалерии это лишь «*дополнительное*» задание. К тому же Петэн считает разрыв связи с англичанами настолько неизбежным, что принимает меры для устройства на линии Нуайон, Руа,

Авр и Сомма западнее Амьена нового фронта, в то время как главная масса английских войск отступит севернее Соммы, к портам Па-де-Калэ. Таким образом, в течение сражения двойственность командования продолжает давать свои результаты. Французский главнокомандующий, убежденный, что удар в Шампани неминуем, не рискует обнажить важную часть своей страны ради того, чтобы бросить свои резервы на помощь англичанам. Он ясно видит, что наши союзники находятся накануне разгрома, накануне «*капитуляции в открытом поле*». Он сам произнес это слово в Дюри, в присутствии Хейга. Неужели перед лицом такой опасности французское командование и правительство не поймут, что союзники или спасутся все вместе или совсем не спасутся?

Во всяком случае, столь важное решение должно как можно скорее быть сообщено английскому главнокомандующему. Петэн едет в Дюри. Прибыв туда в 11 час. вечера, он тотчас же проходит в кабинет Хейга, где находится также начальник штаба английских войск генерал Лоуренс.

Хейг совершенно не ожидает сообщения, которое привез ему Петэн. Для него день 24 марта не был особенно тревожным севернее Соммы, куда назавтра он получит пять резервных дивизий. Южнее реки бой развивается, несомненно, в более трудных условиях, но это уже не его дело, он рассчитывает на Файоля, с которым Лоуренс виделся около 17 час. в Виллер-Бретонэ и договорился в отношении восстановления связи между французскими и английскими войсками, поддержки и смены V армии. Английский главнокомандующий тем более поражен распоряжениями Петэна, что он убежден в том, что противник не в состоянии нанести удар в Шампани. Он считает, что с этих пор французское командование отказывается поддерживать его. Но его возражения тщетны, и главнокомандующие расстаются, не придя ни к какому соглашению. Петэн возвращается в Компьень, откуда на другой день, 25 марта, переносит свою ставку в Провэн. Хейг также уезжает из Дюри к своему штабу в Борепьер, близ Монтрейль-сюр-Мер. Перенесение французского штаба к югу, а английского к северу как бы символизирует разрыв, готовящийся между французской и английской армиями. Тем временем Хейг, прибыв в Борепьер, телеграфирует Вильсону, начальнику великобританского главного штаба, чтобы он как можно скорее приехал во Францию, потому что важные вопросы требуют его

присутствия, и что нужно как можно скорее назначить верховного командующего союзными армиями.

III. Во Франции и в Англии с живым участием, но совершенно спокойно, следят за превратностями сражения. Как в Париже, так и в Лондоне правительства следят за сражением в качестве зрителей. Им ни на минуту не приходит мысль созвать «*высший военный совет*», обязанность которого состоит в том, чтобы «*руководить общим ходом военных действий*», ни даже «*исполнительный комитет*», настолько авторитет его был подорван 14 марта. Вечером 24 марта, получив сообщение о директиве Петэна относительно ведения сражения, Клемансо никак не реагирует на это. Он все еще не понимает необходимости создания единого командования, но все-таки беспокоится, так как на утреннем заседании совета министров он отдает распоряжение о подготовке к эвакуации из столицы министерств и крупных учреждений. В этот трагический день 24 марта один лишь Фош, начальник главного штаба, сразу понимает опасность, которую создает отказ в подкреплениях англичанам, и находит средства предотвратить эту опасность. Свои взгляды он излагает в записке, переданной Клемансо. Он начинает с указания, что опасность грозит с севера от Соммы и что для того, чтобы встретить ее, нужно как можно скорее сосредоточить к северо-востоку от Амьена бо́льшую часть французских резервов, в непосредственной близости к английским войскам; при этом он ни одним словом не упоминает о германском наступлении в Шампани. Это ри́ск, на который вынуждают условия войны. В заключение он заявляет, что для дальнейшего руководства военными действиями нужно немедленно создать верховное командование, которому подчинить обоих главнокомандующих.

25 марта Клемансо еще не согласился с мнением Фоша; он только предлагает лорду Милнеру, английскому военному министру, приехавшему накануне вечером в Париж, созвать днем в Компьене совещание, на котором будут присутствовать Хейг и Петэн, а также Вильсон, только что прибывший во Францию. На этом совещании постараются достичь согласия, к которому не могли притти главнокомандующие, предоставленные самим себе.

Совещание открывается в Компьене около 17 час. под председательством Пуанкаре. Петэн заявляет, что V английская армия не может итти в расчет. Мы уже ввели в

бой семь пехотных дивизий и одну кавалерийскую дивизию севернее Уазы; очень скоро мы бросим туда еще двенадцать дивизий и пять дивизий кавалерии, т. е. всю нашу кавалерию и половину резервов пехоты. Можно ли сделать больше, когда увеличиваются признаки неминуемого наступления в Шампани? Фош в свою очередь развивает тезисы, накануне изложенные им в записке к Клемансо. Опасность разрыва между французской и английской армиями настолько велика, что она оправдывает всякий риск как в Шампани, так и во всяком другом месте. Нужно немедленно ввести в бой ближайшие французские резервы, а также те, которые бездействуют в Шампани,— тогда можно остановить врага. Выступление Фоша убеждает слушателей. Однако, трудно решить что-либо в отсутствие Хейга и Вильсона, которые не смогли прибыть в Компьень. Условлено собраться снова, на другой день, в Дюри [1], на этот раз в присутствии Хейга и Вильсона, чтобы принять окончательное решение.

В этот же день в Аббевиле Хейг, в присутствии Вейгана, встречается с Вильсоном. Английский главнокомандующий подчеркивает неизбежную опасность разрыва фронта, если Петэн, введенный в заблуждение демонстративными действиями немцев в Шампани, будет продолжать отказывать в помощи для восстановления положения, для чего нужно по меньшей мере двадцать дивизий, чтобы обеспечить район западнее Амьена. В ожидании этой поддержки английская армия «*должна будет с боем отступать, прикрывая порты Па-де-Калэ*». На этот раз английская армия становится жертвой двойственного командования, так как Хейг в свою очередь соглашается на разрыв и предусматривает отступление англичан к портам Па-де-Калэ. Наконец, он предлагает Вильсону назначить Фоша,—единственного, кого он считает способным предотвратить опасность,— верховным главнокомандующим. Вечером, сняв копию с записки Хейга, где он излагает свои взгляды, Вильсон и Вейган уезжают в Париж. Таким образом, решение, которое должно прекратить конфликт между Хейгом и Петэном и предотвратить разрыв между французскими и английскими армиями, откладывается до 26 марта.

Однако, 25 марта сражение южнее Соммы принимает очень серьезный оборот.

---

[1] По просьбе Хейга, совещание будет происходить не в Дюри, а в Дуллане.

Севернее реки англичане на правом фланге отходят на значительное расстояние, но днем в резерв этого района прибывают две дивизии; 27 марта вокруг Дуллана будут сосредоточены три свежих дивизии. Противник начинает выказывать признаки утомления; он доходит до места боев 1916 г., его сообщения сильно затрудняются. Зато положение между Соммой и Уазой оправдывает самые тревожные ожидания. Под давлением 2-й и 18-й германских армий отступление становится общим, и на всем фронте оно достигает 7—8 *км*. V британская армия истощает свои силы и теряет связь с нашей III армией, которая мучительно старается собрать свои части; ночью она уступает противнику Нуайон. Однако, следуя директиве Петэна от 24 марта, Файоль в корне меняет идею, которой он до сих пор руководствовался в ведении операций. Еще 24 марта он намеревался удержаться на месте, лицом к востоку, на линии фронта, идущей с севера на юг; теперь он отдает приказ, имеющий целью начать большое отходное движение и поворот, который разъединит нас с британскими войсками, сражающимися севернее Соммы. «*V британская армия получает приказ отступать, маневрировать... в общем направлении на Розье-ан-Сантер, Морейль*», чтобы остановиться на р. Авр, с правым флангом в Мондидье. III французская армия, приняв Нуайон за ось, начнет поворот назад, с целью связать V британскую армию с расположением французских войск.

IV. 26 марта положение еще ухудшается, на этот раз на всем фронте, от Арраса до Уазы. Правда, севернее Соммы противник выказывает все большие признаки истощения и, преодолевая места боев 1914—1916 гг., замедляет темп наступления. Но английские войска и командование также теряют силы. В середине дня III британская армия была сильно взволнована ложным слухом, что немецкие танки проникли на 5—6 *км* в тыл, и появлением небольших отрядов пехоты, пробравшихся к Коленкану (10 *км* севернее Альбера). Корпуса III армии получают приказ произвести общее отступление, в результате которого правый фланг будет отогнут назад, а левый будет как бы осью поворота. Таким образом, сепаратистская стратегия Хейга, как и Петэна, дает на поле сражения трагические результаты. Как Файоль, выполняя приказы своего главнокомандующего, отступает на р. Авр, так и Бинг открывает противнику

путь на Амьен севернее Соммы, отделяясь от французской армии и остатков армии Гофа. Это и есть начало отступления к портам Па-де-Калэ, предусмотренного Хейгом. К счастью, приказ об отступлении отменяется, когда III английская армия получает более точные сведения. К концу дня положение севернее Соммы как будто бы восстанавливается, хотя правый фланг армии отступил на большое расстояние.

Южнее Соммы V британская армия, истощенная, дезорганизованная, отступает в течение всего дня. К вечеру она находится на 12 *км* к востоку от последней линии укрепленных позиций Амель, Марселькав, Мезьер, защищающих Амьен. У Гофа совсем нет резервов. На юге левый фланг III французской армии под командованием генерала Робилло, едва поддерживая связь с V британской армией, также непрерывно отступает, потеряв 12 *км* местности. Наш правый фланг, под начальством генерала Пелле, к вечеру достигает наших старых позиций 1914 г. у Лассиньи и Племона.

Позади фронта сражения между Уазой и Соммой, в районе Мондидье, собирается I армия, но ее первые дивизии 26 марта только начинают выгружаться, а остальные прибудут 27 марта. Но, следуя директиве Петэна от 24 марта, Файоль отдает I армии приказ утвердиться на р. Авр, левый фланг у Морейля, правый — перед Мондидье. Значит, I армия соберется на р. Авр. Она не будет переходить за реку ни для смены, ни для поддержки или усиления союзников. Этим французское командование соглашается на потерю Амьена и на разрыв между его войсками и главной массой британской армии, отступающей севернее Соммы.

Людендорф еще 25 марта понял критическое положение союзников. События 26 марта подтверждают его мнение, что сражение в Пикардии вскоре закончится блестящей победой, так как удалось уже разделить французов и англичан, и остается лишь использовать успех. Людендорф дает новые директивы.

Отступление англичан к морю усиливается вследствие натиска 2-й германской армии. Оно ускоряется расширением фронта наступления, которое было уже предусмотрено на 22 марта, правда, в несколько других условиях. Для этого 17-я армия 28 марта нанесет удар севернее Арраса, а 6-я — 29 марта между Лансом и Ля-Бассэ. Одновременно южнее Соммы постараются окончательно отделить

англичан от французских армий. Прежде всего 2-я и 18-я армии утверждаются на фронте Амьен, Компьень, затем они развернутся к югу, поворачиваясь вокруг своего левого фланга; наконец, восточнее Уазы 7-я армия начнет действия с правого фланга, для того чтобы использовать тяжелое положение VI французской армии, открытой по всему берегу реки вследствие отступления III армии.

Решение это очень важно. Людендорф поручает 6-й и 17-й армиям завершить оттеснение англичан севернее Соммы и предпринимает со 2-й, 18-й и 7-й армиями, двинутыми на Париж по обоим берегам Уазы, наступление против французов. Таким образом, он отказывается от своего первоначального плана — разбить англичан, сдерживая французов, и хочет бороться сразу с двумя противниками.

Однако, в тот самый день, когда Людендорф считает себя победившим и отдает приказы об использовании победы, в Дуллане, в полдень, открывается межсоюзное совещание, решение о котором было принято накануне. Но уже ночью, или по дороге, или в ожидании начала обсуждения, Милнер, Вильсон и Хейг, Фош и Вильсон, затем Пуанкаре и Клемансо с Фошем говорили о важном вопросе, который необходимо разрешить. Все соглашаются, что требуется единое командование. С своей стороны, Милнер и Вильсон, как Хейг говорил об этом уже накануне, пришли к убеждению, что Фош является единственным человеком, способным вести сражение и спасти армии союзников. Пуанкаре и даже Клемансо также склоняются к этому решению. Поэтому совещание, открытое в зале мэрии, продолжается недолго. Хейг кратко излагает свою точку зрения, которую он отстаивает с 23 марта. Он повторяет, что французы должны как можно скорее сменить V британскую армию и сосредоточить западнее Амьена массу резервов, которые смогут вступить в бой южнее — самостоятельно, или севернее — для поддержки III британской армии. Он не скрывает мнения, что, если указанные им меры не будут приняты, его фланг будет охвачен и ему придется отступить к побережью. Петэн в свою очередь повторяет объяснения, данные им накануне в Компьене. Однако, он решил значительно увеличить число французских дивизий, расположенных севернее Уазы, но он не скрывает, как мало надежды на то, что эти силы прибудут во-время, чтобы спасти англичан. Фош почти не выступает. Он ограничивается тем, что в кратких, энергичных, быстрых словах повторяет то,

что говорил с 24 марта: нужно последние оставшиеся резервы бросить для соединения двух армий, а затем во что бы то ни стало удерживаться на месте.

Тогда заседание прерывается. Милнер отводит в сторону Пуанкаре и Клемансо и предлагает им доверить Фошу руководство операциями. Они соглашаются. Клемансо тотчас же составляет текст, которым Фош назначается для «*согласовывания действий французских и британских войск в районе Амьена*», но Хейг справедливо находит формулировку слишком узкой. Останавливаются на редакции, распространяющей данные Фошу права на все войска французского фронта: «*Генералу Фошу поручается французским и английским правительствами согласование действий союзных армий на западном фронте. Для этого он совещается с главнокомандующими, которые приглашаются представлять ему необходимые сведения*».

Итак, в крайний момент, перед катастрофой, французское и английское правительства стараются исправить ослепление и слабость, которые они выказывали в течение 6 месяцев, отказываясь от создания единого командования и «*без колебания доверившись простому соглашению между двумя главнокомандующими, отстаивающими каждый свои интересы*» [1].

---

[1] Фош, «Мемуары», II, стр. 11.

ГЛАВА V

СРАЖЕНИЕ В ПИКАРДИИ И СРАЖЕНИЕ ВО ФЛАНДРИИ

(26 марта — 30 апреля)[1]

I. Фош берет руководство сражением (26 марта). Петэн отменяет свою директиву от 24 марта. Переброска французских резервов из Шампани к месту боев. II. Сражение с 27 по 31 марта. Людендорф прерывает наступление. III. Конец сражения в Пикардии (1—8 апреля). IV. Расширение полномочий Фоша по соглашению в Бовэ (3 апреля). Фош дает инструкции о наступлении. Формирование двух французских армий в резерве севернее Уазы. V. Сражение во Фландрии с 9 по 18 апреля. Указанные Людендорфом объекты. Беспокойство Хейга. Меры, принятые Фошем для помощи англичанам. VI. Людендорф останавливает наступление 6-й армии (19 апреля). Вступление в бой французской северной группы армий. Сражение в Пикардии около Виллер-Бретоннэ (23 апреля). Неудача 4-й германской армии у Фламандских гор (25—29 апреля). Конец сражения во Фландрии (29 апреля). VII. Результаты сражений в Пикардии и во Фландрии для немцев и союзников.

I. Как ни велико было значение принятого в Дуллане решения, все же встает вопрос, не слишком ли поздно уже, чтобы один человек мог выправить сражение, руководство которым он принимает на себя в подобных условиях. Во всяком случае Фош не теряет ни минуты. Программа его проста: она состоит в том, чтобы всеми средствами поддерживать связь между английскими и французскими вой-

---

[1] Схема 4. Сражение в Пикардии с 26 марта по 9 апреля 1918 г. Схема 5. Сражение во Фландрии с 9 по 29 апреля 1918 г.

Источники: Р. Турнэс (полк.) и Р. Бертеме (кап.), «Сражение во Фландрии по дневнику военных действий и архивам 4-й германской армии» (Париж, 1925); Гус (кап.), «Монт Кеммель» (франц. пер., Париж, 1935).

сками, прикрывая Амьен, это «*связующее звено между двумя армиями*» [1]. Для этого войска должны удерживаться на месте, затем нужно создать французские резервы, которые сначала поддержат V английскую армию, а потом составят маневренную группу. Это — тот план, на котором Фош настаивает с 24 марта. Нет надобности сообщать его Хейгу и Петэну, которые уже знают его, зато нужно скорее дать знать о нем французским и английским генералам — Гофу, Дебене, Файолю, ведущим сражение в соответствии с сепаратистскими идеями, выраженными Петэном 24 марта а Хейгом—25 марта. И вот, сразу после совещания в Дуллане, Фош отправляется к месту сражения. Раньше 16 час. он уже в Дюри, у Гофа, где встречает начальника штаба армий Файоля; в 19 час. он в Меньелс, у Дебене. Всем этим генералам он объясняет, что ведение сражения должно быть совершенно изменено. Он подчеркивает новую роль I французской армии, которая, вместо того чтобы ждать врага у р. Авр, двинется с завтрашнего дня вперед, чтобы поддержать V английскую армию там, где она встретится с нею, и связать ее с III французской армией. Разумеется, это очень смелое решение, так как I армия только еще формируется и 27 марта будет иметь только две дивизии, да еще две — в разгрузке, но это решение необходимо для спасения V британской армии и сохранения связи с английскими войсками.

В то время как Фош действует так поспешно, Хейг и Петэн со своей стороны принимают меры для осуществления идей их нового начальника. Хейг, освобожденный от заботы о V армии, рассчитывает теперь твердо удерживаться севернее Соммы, не думая больше об отступлении к портам Па-де-Калэ. Петэн, вернувшись на свой командный пункт, расположенный на вокзале в Шантильи, посылает Файолю инструкцию в отмену директивы от 24 марта и приказывает группе армий резерва прикрывать одновременно Париж и Амьен, поддерживая связь с английскими войсками. И, наконец, пять дивизий, взятых из французских резервов, стоявших до этих пор позади фронта в Шампани, передвигаются к северу от Уазы.

Действительно, во французском главном штабе в ночь с 25 на 26 марта произошел важный перелом; там уже больше не верят в германское наступление в Шампани, которого Петэн ждал с 21 марта и рассчитывал, что оно про-

[1] Фош, «Мемуары», II, стр. 27.

изойдет не позже 26-го. Наша разведывательная служба сообщает об отправке в Пикардию неприятельских дивизий, стоявших в резерве против нашей северной группы армий, и рассчитывает, что у противника нет достаточно сил, чтобы одновременно с первым начать второе наступление. Итак, идеи Фоша о необходимости пойти на риск, чтобы выручить англичан, уже дают результаты.

В 15 час., в отсутствие Петэна, находящегося в Дулланс, и начальника штаба Антуана, с которым не удается связаться по телефону, помощник начальника штаба генерал де-Бареско по своей инициативе отправляет к северу от Уазы пять дивизий из наших резервов в Шампани. Эти резервы будут восстановлены и даже усилены, сначала четырьмя дивизиями, взятыми с фронта северной группы армий, затем еще четырьмя, переброшенными из восточной группы армий. По возвращении из Дуллана в Шантильи Петэн одобряет эти распоряжения.

II. Вполне очевидно, однако, что Фош не может выправить сражение мгновенно. И, в самом деле, еще 27 марта положение остается тревожным. На севере от Соммы III английская армия удерживает свои позиции, но значительный отход ее правого фланга накануне оставил совершенно открытой V армию, левое крыло которой, обойденное с флангов немецкими частями, перешедшими Сомму, поспешно отступает на 9—10 *км* до Амеля и Ламотт-ан-Сантер.

На французской стороне I армия, следуя приказаниям Фоша, подходит вплотную к V английской армии, которой сможет на другой день оказать поддержку. К несчастью, правый фланг V английской армии, составленный из одной слабой дивизии, несет поражение одновременно с левым флангом нашей III армии. Наши войска теряют Мондидье и массив Булонь-ля-Грасс, отойдя, таким образом, в центральной части поля сражения на 13—14 *км*. У Ассенвилье образуется брешь в 6—7 *км* между III и I армиями, где у нас нет ни одной части.

28 марта положение союзников улучшается. 17-я и 6-я германские армии, наступающие на III армию между Соммой и Лансом, добиваются лишь незначительных успехов. Южнее Соммы IV британская армия [1] и левый фланг I французской армии отходят еще на 8—9 *км*, но в рай-

[1] 28 марта генерал Гоф был заменен ген. Роулинсоном и штаб V армии — штабом IV армии, до того времени стоявшей в резерве.

оне Мондидье и юго-восточнее I и III французские армии наносят контрудар, возвращают 2—3 *км* местности и таким образом закрывают образовавшуюся между ними накануне брешь. На остальных участках фронта III армия удерживает свои позиции. Этот энергичный переход французских войск в контрнаступление очень знаменателен. Он показывает, что мы уже не считаем численное превосходство противника таким значительным. Наша полевая и тяжелая артиллерия начинает получать превосходство над артиллерией противника.

Неудача 17-й и 6-й армий севернее Соммы заставляет Людендорфа еще раз изменить направление наступления. 27 марта, вечером, он принимает важное решение — отложить удар 17-й армии до начала апреля, когда 6-я и 4-я армии смогут начать назначенное им наступление на Армантьер и Кассель [1]. Только 2-я и 18-я армии будут продолжать наступление; 2-я — для того чтобы образовать предмостное укрепление юго-западнее Амьена, на рр. Сомме и Авре, между тем как 18-я возобновит 30 марта свое движение, чтобы также развернуться в сторону юго-запада. Итак, теперь Людендорф направляет все усилия против французов.

Ввиду этих распоряжений 29 марта на всем фронте III английской армии царит затишье, а южнее Соммы бой идет только на полосе в 30 *км*, от р. Люс до района юго-восточнее Мондидье. На этот раз IV английская армия и I армия отходят лишь на незначительное расстояние. Наша III армия не подвергается атакам.

Видя эти неутешительные результаты, Людендорф снова сокращает свой план: 2-я армия ограничится занятием Амьена, 18-я армия будет действовать против французов, как позволят условия.

Французское командование со своей стороны считает, что германское наступление в Пикардии пошло на убыль. Оно не тревожится, учитывая, что I армия имеет на первой линии пять дивизий и 30 марта получит еще пять, а III армия имеет 14 дивизий на первой линии и 12 — в резерве.

30 и 31 марта к югу от Соммы противник, несмотря на стремительные атаки, расширяет предмостное укрепление на р. Авр, между Морейлем и Мондидье, всего на 3—4 *км* и завершает овладение массивом Булонь-ля-Грасс. Но эти успехи достаются ему очень дорого из-за мощного

[1] См. гл. I, стр. 20.

огня нашей артиллерии и энергичных контратак I и III армий. Повидимому, на поле сражения устанавливается равновесие. По расчетам нашей разведывательной службы, противник имеет 20 дивизий в первой линии и 14 в резерве против группы армий резерва, имеющей 13 дивизий в первой линии и 14 в резерве, к которым в скором времени присоединятся пять выгружающихся дивизий. Вечером 30 марта Людендорф приказал прекратить наступление. 4 апреля оно будет возобновлено 2-й и 18-й армиями, усилия которых ограничатся захватом Амьена, затем, 5 апреля — 2-й и 17-й армиями — в западном направлении. На стороне союзников Файоль отдает своим войскам приказ укрепиться на занятых позициях, Фош пишет Клемансо: «*Кажется, теперь мы задержали и парализовали инициативу противника*».

III. Союзники используют трехдневную передышку 1—4 апреля, чтобы укрепиться на позициях, занятых к концу сражения, и привести в порядок свои перемешавшиеся части. Но нет сомнения, что передышка эта будет краткой и что противник вскоре возобновит наступление. Наша разведка установила, что удар последует в районе Арраса, на р. Авр, а может быть, также и в долине Уазы.

Наступление 4 апреля против IV британской и I французской армий, произведенное крупными силами после мощной артиллерийской подготовки, не дало большого результата. Не более удачным было наступление 5 апреля севернее Соммы против III британской армии. С этого времени пикардийское сражение заканчивается. Противник довольствуется тем, что 6 апреля продвигает вперед свою 7-ю армию по левому берегу Уазы. Но как только наша VI армия оказывается обойденной с фланга севернее реки, она принимает меры для отражения наступления на ее левый фланг. Под давлением противника она в порядке отводит свое сторожевое охранение, оставив его севернее р. Элет, перед которой противник останавливается 8 апреля, не пытаясь итти дальше.

IV. Фош также пользуется наступившим с 1 апреля затишьем, чтобы улучшить согласованность действий армий, осуществление которой было начато им 26 марта. Он изложил в инструкции 30 марта свои директивы о ведении

Схема 4 Сражение в Пикардии с 26 марта по 9 апреля 1918 г.

обороны, учитывая возможность наступления англо-французских войск. IV британская армия вернулась в распоряжение Хейга, французская и английская авиация получила определенные задания разведывательного и боевого характера. Затем, как только опасность уменьшилась, Фош возвращается к основной идее своего плана кампании 1 января, т. е. к плану захвата инициативы в действиях и перехода к мощному наступлению. Сначала французы нанесут удар в районе Мондидье, затем англичане — с двух сторон Соммы. Этим будет избегнута опасность разобщения между французской и английской армиями, которая еще велика, пока противник близок к захвату Амьена. Однако, в отношении своих полномочий Фош считает, что его полномочий будет недостаточно, когда придется вводить в бой все резервы Антанты. В Дуллане ему было поручено согласовывать действия армий, к этому нужно прибавить право управлять, отдавать приказы во всех обстоятельствах, всем союзным главнокомандующим. На необходимость этого Фош 31 марта и 1 апреля указывает Клемансо.

Эта необходимость слишком очевидна, и Фош, спасши Францию и Англию от поражения, оказал слишком большую услугу, чтобы правительства отказали ему в требуемых правах. 3 апреля Клемансо, Ллойд Джордж и представители американского правительства, собравшись на совещании в Бовэ, где с 29 марта находится ставка Фоша, решают заменить дулланское соглашение следующим:

«*Британским, французским и американским правительствами возлагается на генерала Фоша согласование действий союзных армий на западном фронте. Для выполнения этого ему даются все права. В этих целях британское, французское и американское правительства поручают генералу Фошу стратегическое руководство военными операциями. Главнокомандующие британской, французской и американской армиями в полной мере сохраняют руководство тактическими действиями своих войск. Каждому главнокомандующему предоставляется право обратиться к своему правительству, если, по его мнению, распоряжения генерала Фоша поставят его армию в опасное положение*».

Разумеется, эта формулировка неудовлетворительна. Она дает Фошу право «*стратегического руководства*», но по военному здравому смыслу невозможно представить, чтобы

можно было осуществить руководство только стратегическими операциями, исключая тактические. Это право не распространяется ни на бельгийскую армию, ни на итальянский театр войны. Но и так уже права расширены по сравнению с дулланским договором, и Фош получает власть вести операции на французском фронте. 14 апреля, к счастью, эта власть увеличивается решением французского и английского правительств о присвоении Фошу звания «*верховного главнокомандующего союзными армиями во Франции*». Таким образом, нижестоящие начальники и войска, не знавшие о соглашениях в Дуллане и Бовэ, узнают, что союзники, наконец, осуществили идею единого командования и назначили генералиссимуса.

В конце концов, это были просто формальности, «*устанавливавшие права на бумаге*»[1]. Оставалось оправдать единое командование действиями и результатами. Фош принимается за это сразу после совещания в Бовэ, изложив «*в общей директиве*» свои взгляды относительно будущих операций. Английская армия должна ожидать германского наступления севернее Соммы, от Арраса до Альбера. Для этого она должна твердо укрепиться на этом фронте. Восточнее Амьена, по обоим берегам Соммы и в районе Мондидье, союзники как можно скорее начнут наступление, англичане — придерживаясь берегов Соммы, французы — с запада и юго-востока от Мондидье, с тем чтобы освободить Амьен и крупную железнодорожную линию Париж — Амьен. Для всех этих различных операций французский главнокомандующий должен в районе севернее Бовэ создать резерв, готовый выступить на помощь англичанам севернее Соммы.

С тех пор как Фош принял руководство сражением, начинается сосредоточение мощного французского резерва в районе Бовэ. В него входят две армии: севернее Бовэ, под командованием генерала Мэстра[2] — X армия, в составе шести пехотных дивизий и трех кавалерийских; затем от Клермона до Пон-сен-Максанс, на Уазе, под начальством генерала Мишле — V армия[3], также состоящая из шести пехотных и трех кавалерийских дивизий.

---

[1] Фош, «Мемуары», II, стр. 44.

[2] С 23 марта французское правительство начало переводить из Италии штаб X армии (генерал Мэстр) и четыре дивизии.

[3] Приказом 28 марта штаб V армии (ген. Мишле) был переведен с фронта в Шампани.

Однако, 7 апреля сведения о неизбежном ударе на британскую армию севернее Соммы дают все основания думать, что противник опередит задуманное союзниками наступление. По настоятельной просьбе Хейга, Фош переводит к северу X армию, головы колонн которой расположатся 8 апреля на Сомме западнее Амьена, готовые вступить в бой у Арраса. На другой день, 9 апреля, удар 6-й германской армии — первый акт сражения во Фландрии — не оставляет сомнения, что Фошу придется, если не отменить, то сократить свой план наступления, чтобы помочь союзникам в тех размерах, как того потребует состояние их войск, уже сильно истощенных пикардийским сражением как материально, так и морально.

V. Германское наступление, начавшееся во Фландрии 9 апреля, разрабатывалось и подготовлялось немецким генеральным штабом с января 1918 г. как продолжение сражения в Пикардии. Как мы уже видели, Людендорф отдал 28 марта кронпринцу Рупрехту Баварскому приказ как можно скорее начать наступление 6-й армии (генерал фон-Кваст) и 4-й армии (генерал Сикст фон-Армин). Необходимо еще было дать обеим армиям время подвезти боеприпасы и перебросить дивизии с поля сражения в Пикардии. Пришлось отложить наступление 6-й армии до 9 апреля, 4-й армии — до 10-го.

На этот раз Людендорф не преследует таких решительных и широких целей, которых он добивался в Пикардии. Нужно вторично нанести удар британской армии, заставить англичан и бельгийцев оставить выступ у Ипра и завершить этим их отступление западнее Дюнкерка (Дюнкирхен), который будет захвачен немцами. Для этого 6-я армия в составе семнадцати дивизий наносит 9 апреля удар в направлении Хазебрука, между каналом Ля-Бассэ и Арментьер с целью занять высоты Касселя и Годерфасфельде. 10 апреля 4-я армия в составе пяти дивизий наносит удар правее 6-й, в общем направлении на Вульфергем и Фламандские горы.

Наступление во Фландрии не застает врасплох английскую и французскую армии. Начиная с 4 апреля, французская служба разведки устанавливает, что противник готовит новый удар с большими силами, либо между Соммой и Мондидье, либо (более вероятно) севернее Арраса. Это последнее предположение и занимает Фоша.

8 апреля из 103 французских дивизий [1] только 60, в том числе 11 резервных, стояли между Уазой и швейцарской границей, между тем как между Уазой и Соммой расположены 43 дивизии, в том числе 15 дивизий с 6 кавалерийскими дивизиями — в общем резерве. Следовательно, Фош спокоен в отношении последствий наступления между Уазой и Соммой; британская армия, напротив, внушает ему серьезные опасения. Тогда, как он уже делал это после 26 марта, он решается подвергнуть риску французскую армию, чтобы дать англичанам необходимую помощь. Однако, он постарается уменьшить этот риск, ведя сражение таким образом, чтобы французские резервы, помогая во Фландрии союзникам, были достаточно многочисленны и сильны для отражения удара, который последует в другом месте, а именно между Аррасом и Соммой или между Соммой и Уазой. С большим искусством он сочетает все эти противоречивые интересы во время сражения во Фландрии.

С самого начала сражения становится очевидным, что английской армии снова предстоит тяжелое испытание. 9 апреля португальская дивизия, входящая в состав I армии (Горн), захваченная немецкой атакой во время смены, быстро отбрасывается назад и образует этим большую брешь в линии войск. К вечеру противник достигает р. Лис в районе Эстэр. 10 апреля 4-я германская армия одним натиском занимает Армантьер и Мессин. Вечером пехота противника, двигаясь к Хазебруку и Фламандским горам, перешла р. Лис от Эстэр до района восточнее Армантьера. В некоторых местах она продвинулась на 12 *км*. Днем 12 апреля сражение распространяется по всей зоне между каналом Ля-Бассэ и Ипрским каналом. Южнее противник переходит канал р. Лис; в центре он занимает Мервиль и Меррис, создавая серьезную угрозу для Ньепского лесного массива, главного центра сопротивления обороняющихся. К счастью, 13 и 14 апреля положение улучшается; первый натиск германских частей, повидимому, ослабевает перед усиленной обороной англичан. На юге немцы переходят к обороне, и если севернее им и удается захватить Нев-Эглиз, то лишь после ожесточенной борьбы.

---

[1] К этому времени 99 французских дивизий, находившихся на французском фронте 21 марта, были усилены четырьмя дивизиями, переведенными из Италии.

Возобновление наступления во Фландрии, ожесточение, которое немцы выказывают в действиях против англичан, производят сильное впечатление на британское правительство и командование. 9 апреля Вильсон приезжает во Францию, а 10-го заявляет Клемансо и Фошу, что в случае надобности нужно затопить область от Дюнкерка до Сент-Омер и отвести на линию Аббевиль, Сент-Омер бельгийские и английские войска, взяв как основание порты Кале и Булони. Не менее встревожен и Хейг; он требует от французов немедленной поддержки, которая, по его мнению, должна заключаться в смене английских войск на новом поле сражения нашими дивизиями. 12 апреля английский главнокомандующий выдает свое тревожное состояние отдачей приказа об эвакуации выступа у Ипра и требня Пашендаль, рассчитывая сокращением фронта восстановить резервы и затруднить противнику расширение наступления к северу.

Фош не разделяет мнения англичан и их тревоги относительно размеров наступления во Фландрии. Он считает, что противник предпринял не наступление с решающими целями, а лишь демонстрацию, чтобы отвлечь резервы союзников и скрыть более крупную операцию, назначенную в другом месте и особенно опасную у Арраса в направлении на Аббевиль. Приходится, однако, считаться с состоянием духа английского командования и быть наготове поддержать английские войска либо у Арраса, либо у Фламандских гор. Итак, Фош приказывает с 10 апреля перевести головные соединения X армии к Вилер-Бокаж и посылает одну из французских дивизий в район южнее Дюнкерка. 12 апреля, по неотступным просьбам Хейга, Фош еще продвигает к северу X армию, голова которой дойдет до Дуллана. Он решает возможно скорее создать в районе Касселя, под командованием генерала Плюмера, французскую группу из трех кавалерийских и двух пехотных дивизий. Он просит дать генералу Плюмеру две бельгийские пехотные и одну кавалерийскую дивизию. Однако, эту просьбу не удовлетворяют, так как король Альберт, по причинам конституционного порядка, отказывается выпустить из-под своего командования хотя бы малейшую часть бельгийской армии, но несколько дней спустя он соглашается поддержать II английскую армию, расширив фронт. Наконец, так как можно предвидеть, что ввиду морального состояния английских войск будет невозможно помешать их большому отступлению на линию Аббевиль, Сент-Омер, уже пре-

дусмотренному Вильсоном, губернатор Дюнкерка получает приказ устроить наводнение пресной водой от Сент-Омер через Ваттен и Берг до дороги, ведущей из Дюнкерка в Ферн, что требует несколько дней для осуществления.

Будучи, таким образом, уверены в поддержке, в случае крайности, французскими частями, расположенными в тылу каждой из них, I и II британские армии могут направить все свои усилия на выполнение директив Фоша, адресованных Хейгу. Нужно остановить наступление противника, направив его в русло между линией Бетюн, Сент-Омер, занимаемой I армией, обращенной фронтом к северу, и линией Мон-Кеммель, Кассель, занимаемой II армией, стоящей фронтом к югу, и задерживать противника на последовательных линиях сопротивления, обращенных к востоку, прежде всего, на восточной опушке Ньепского леса. Однако, ввиду того что английская армия истощается благодаря позиционному характеру, который принимает борьба, ведущаяся с большим участием артиллерии, и под влиянием настойчивых просьб английского командования, Фош дает согласие на участие в фламандском сражении французских войск.

15 и 16 апреля продолжаются ожесточенные бои как в центре, так и на севере, в районе Байлеля. II британская армия отброшена к подножью гор, а ее дивизии настолько изнурены, что Фош приказывает двинуть на этот участок, для смены английских частей, две французские дивизии, находящиеся в распоряжении генерала Плюмера. Но он отказывает в смене других частей, несмотря на настояния Хейга. Он указывает, что недопустимо ослаблять наши резервы в тот момент, когда мы знаем, что позади фронта между Аррасом и Уазой стоят 48 немецких дивизий, и видим признаки подготовки наступления от р. Люс до района южнее Мондидье.

Но 17 и 18 апреля германские войска терпят крупную неудачу. 6-я армия не имела успеха в своих атаках на Метерен и Мерис, на Живенши и Фетюбер. 4-й армии не удалось ни захватить Мон-Кеммель, ни занять Бикшоот, севернее Ипра. В этом районе бельгийцы предпринимают крупную контратаку и берут 700 пленных. Но за эти 2 дня ожесточенных боев англичане понесли тяжелые потери, и английское командование все больше тревожится, видя, что не предвидится конца сражению, которое тянется уже целый месяц. 17 апреля, при свидании с Фошем, Вильсон снова предлагает отвести левый фланг союзных армий за

водный рубеж: рр. Эр, Сент-Омер, Ферн, между тем как Хейг не скрывает, что беспокоится за Дюнкерк, и уже готовится к эвакуации и разрушению его.

Фош не согласен с такими крайними мерами, но по растерянности британского командования он видит, что нужно дать британским войскам еще бо́льшую помощь. Он решается дать генералу Плюмеру, для использования на передовых линиях в районе Фламандских гор, французскую армейскую группу под командой генерала де-Митри, в составе пяти пехотных и трех кавалерийских дивизий. Бельгийцы, со своей стороны, соглашаются удлинить свой фронт на одну дивизию до подступов к Ипру. Для наших союзников это является крупной поддержкой. 21 апреля, после смены, произведенной бельгийцами, и вступления в бой нашей северной армейской группы (D. A. N.), II британская армия выведет из боя семь дивизий и одну пехотную бригаду.

Одновременно Фош обеспечивает поддержку на случай нужды для I или для III и IV британских армий, продвинув головные части X французской армии до высот Бетюн, между тем как V армия переходит Сомму западнее Амьена.

Помощь французов имеет для англичан тем большее значение, что признаки возобновления наступления южнее Соммы становятся более явными и многочисленными. Теперь перед нашей I армией мы насчитываем 24 дивизии противника на первой линии. Противник не укрепляется нигде на фронте от р. Люс до Мондидье, он учащает налеты, мелкие местные действия. Одна из дивизий нашей I армии, в свою очередь, наносит 18 апреля удар и несколько продвигается вперед в районе Тенн — Кастель, захватив 650 пленных.

VI. Приток крупных французских резервов во Фландрию не ускользнул от германского командования, которое, таким образом, видит, как рассеиваются его надежды на скорое достижение берегов Северного моря. Ожесточающееся с каждым днем сражение принимает характер позиционной войны, в которой близкие объекты достигаются после установки мощных артиллерийских систем, что всегда отнимает много времени. Слабо насыщенные пехотой германские дивизии изнуряются и гибнут в убийственных частных атаках и под действием беспрестанного обстрела. Ввиду таких условий кронпринц Рупрехт 19 апреля приказывает 6-й армии остановить наступление и оборудовать местность для обороны

против I английской армии. 4-я германская армия одна будет планомерно продолжать стремление одним ударом занять Мон-Кеммель, Шерпенберг и Мон-Руж. Захват таких важных пунктов оборонительных позиций требует нескольких дней подготовки. Значит, 4-я армия начнет действия только утром 25 апреля. Но до тех пор союзники могут ждать возобновления сражения в Пикардии.

В самом деле, 23 апреля, после почти трехнедельного затишья, германский кронпринц снова пытается достичь Амьена, нанеся удар восемью дивизиями, которые первым натиском захватывают Виллер-Бретоннэ и Ангар. Потеря Виллер-Бретоннэ имеет важное значение, так как эта деревня и ее окрестности предоставляют много наблюдательных пунктов и позиций для артиллерии, с которых можно очень удобно обстреливать Амьен. Противник может использовать эти преимущества для возобновления своего первоначального замысла — разобщить обе армии. Вернуть эту местность необходимо. Это удается сделать IV британской армии в ночь с 24 на 25 апреля, между тем как I французская армия переносит свои позиции к окраинам Ангара. Противник не отвечает на эти контрудары; он настолько примиряется со своей неудачей, что на этой полосе фронта, с 26 или 27 апреля устанавливается полное спокойствие. В это же время немцы терпят полную неудачу в своих операциях против Фламандских гор.

Утром 25 апреля, в то время, когда ее пехота идет в наступление между Дранутром и Ипром, 4-я германская армия находит, что противник значительно улучшил свое положение за время относительного затишья с 19 апреля. С 21 апреля II британская армия на всем левом секторе, наиболее опасном, была сменена французской северной армейской группой, имеющей четыре дивизии на первой линии, две спешенных кавалерийских дивизии, расположенных для поддержки у гор, и две пехотные дивизии и одну кавалерийскую дивизию в общем резерве. Первым скачком 4-я армия занимает Дранутр, достигает окраин Локра, захватывает Мон-Кеммель и достигает Вормезеля, но она не в состоянии взять Шерпенберг и Мон-Руж. 29 апреля она снова делает отчаянную попытку занять две эти высоты, но терпит окончательную неудачу. Тогда, перед упорным сопротивлением сильного теперь противника, решившегося, повидимому, во что бы то ни стало отстоять цепь гор, потеря которых открыла бы свободный путь на Дюнкерк, а также

Ввиду огромных потерь, понесенных в течение этих двух дней, Людендорф утром отдает 4-й армии приказ прекратить наступление. Большое сражение в Пикардии и во Фландрии, начавшееся 21 марта, закончилось 29 апреля.

VII. Еще до 21 марта Людендорф выказал намерение бросить в наступление 18-ю армию, ранее предназначенную для обороны и прикрытия. 23 марта, видя, что эта армия легко продвигается вперед, он двигает ее, тем более, что 17-я армия топчется на месте. Он направляет удар не только против англичан, но и против французов. Наконец, 26 марта германский стратег считает сражение выигранным. Оставив две армии для преследования и окончательного разгрома англичан севернее Соммы, он бросает главную массу своих войск на Париж, против французов. Но вот против него выступает Фош, тогда он возвращается к более скромным планам — захватить Амьен и уничтожить выступ фронта у Ипра, чтобы подойти к побережью.

Ввиду изменений в планах высшего командования, германские армии, действующие в Пикардии, выполняя шесть важных директив, полученных в течение восьмидневного сражения, принуждены постоянно изменять оси ударов, количество войск на передовых линиях, расположение резервов. Во время тяжелого, изнурительного сражения во Фландрии, нуждаясь в ободрении и поощрении, эти армии получают только слабые подкрепления и советы благоразумия. И в конце концов, ни одно из этих больших, тщательно подготовленных предприятий не могло осуществиться. С 21 марта по 29 апреля германские армии ввели в бой 126 дивизий — 90 в Пикардии и 36 во Фландрии. Они потеряли 12 807 офицеров и 325 962 солдата. Потери велики не только в пехоте, но также в артиллерии, минометах, авиации, которые все время перебрасывались из одного района фронта на другой. Наконец, положение двух армий, образовавших в конце сражения два больших выступа (на севере — у Хазебрука, на юге — у Морейля, Мондидье), благоприятствует ударам противника, если он сможет возобновить наступление.

Союзники также серьезно обеспокоены положением 29 апреля. Конечно, Фош оправдал оказанное ему доверие, и британские и французские войска чувствуют, что твердая рука руководит ими в общих интересах. На заседании высшего военного совета в Аббевиле 1 и 2 мая итальянцы

Схема 5. Сражение во Фландрии с 9 по 29 апреля 1918 г. Положение утром 24 апреля

дают согласие, с некоторыми оговорками, вызванными особенностями положения на их театре действий, на распространение на их армию «*права координирования*», данного Фошу дулланским соглашением.

Но все же сколько еще поводов для тревоги! Если два выступа, образовавшиеся на фронте севернее Уазы, опасны для немцев, не менее опасны они и для англо-французов. Противник находится в 16 *км* от Амьена, в 60 *км* от Аббевиля. При самом незначительном продвижении он разобщит союзные армии, его орудия уже и теперь делают невозможным движение на большой железнодорожной линии, идущей от Парижа на север, через Амьен. Поэтому мы можем пользоваться только одной линией Париж, Бовэ, Эн, Аббевиль, Калэ, одноколейной на некоторой части своего пути. Во время сражения во Фландрии это являлось большой помехой.

Во Фландрии противник подошел к Калэ на расстоянис 60 *км*; он держит под обстрелом угольный бассейн Брюэ, эксплоатация которого очень важна для нашей хозяйственной жизни. Сражение во Фландрии помешало Фошу предпринять энергичное наступление, чтобы отвести опасность, угрожающую Амьену. Он должен также считаться с тем, что англо-французские армии вышли сильно ослабевшими из сорокадневного сражения.

С 21 марта до 30 апреля французская армия потеряла 92 000 человек. В сражениях участвовала 41 дивизия, занимаемый ею фронт увеличился на 97 *км*, достигнув 580 *км*, между тем как английский фронт, уменьшившийся на 45 *км*, занимает теперь всего лишь 135 *км*.

Английская армия сильно пострадала, она потеряла 14 803 офицера и 288 000 солдат, т. е. ¼ состава; из ее 60 дивизий 55 приняли участие в сражении. На пополнение она получила из Англии только 81 000 чел., она должна расформировать 10 дивизий. Войска и командование подавлены силой и ожесточением, с которыми немцы повторяли свои атаки против англичан. Вся проблема войны, по мнению Фоша, заключалась теперь в том, смогут ли англичане сопротивляться третьей атаке и не придется ли французам рисковать еще более, помогая союзникам.

ГЛАВА VI

СРАЖЕНИЕ НА ШМЕН-ДЕ-ДАМ И НА МАТЦЕ

(27 мая — 15 июня)[1]

I. Людендорф решает нанести удар на Шмен-де-Дам. II. Союзники в ожидании сражения. Неизвестность относительно места удара. Расположение главных резервов. III. Вопрос о силах союзников. IV. Фош подготовляет возобновление наступления. Его расхождения с Петэном. V. VI французская армия 26 мая. Резервы. Решение принять бой на первой позиции. VI. Меры, принятые французским командованием 26 мая. VII. 27 мая. Могли ли быть разрушены мосты через р. Эн? Введение в бой резервов. VIII. 28 мая. Людендорф решает использовать успех. Встреча Фоша с Петэном. Директивы о ведении боя. IX. 29 мая. Людендорф назначает германским армиям отдаленные цели. Петэн готовит контрудар. Фош считает преждевременным лишать англичан поддержки французских дивизий. X. 30 и 31 мая. Тревожное состояние Петэна и его директива к Кастельно. Вмешательство Фоша. XI. 1—5 июня. Передышка в сражении. XII. Ожидание нового наступления между Мондидье и Нуайоном (4—9 июня). Петэн предлагает эвакуировать Фландрию и, если нужно, также и Лотарингию. Обращение Хейга к своему правительству. Уверенность Фоша. XIII. III французская армия перед сражением на Матце (9—13 июня). Контрудар войск Манжена. XIV. Результаты сражения на Шмен-де-Дам. XV. Заключение.

I. Прекращая наступление во Фландрии, Людендорф не только признает неудачу своего плана операций, но обнаруживает также моральное и физическое ослабление германских войск, последовавшее в результате шестинедель-

---

[1] Схема 6. Сражение при Шмен-де-Дам с 26 мая по 4 июня 1918 г.

Схема 7. Сражение при Матце с 9 по 12 июня 1918 г.

Источники: Бозе (майор Т., фон), «Германское наступление 1918 г. 7-й армии на рр. Элет, Эн, Вель и Урк до Марны (с 29 мая до 13 июня)» (Берлин, 1929).

ных боев. 15 мая, в письме к принцу Рупрехту Баварскому, он заявляет, что нужно отныне избегать «*промахов и больших потерь. Мы не сможем их вынести. У нас есть снаряжение, но солдат становится мало*». Конечно, верховное руководство не отказывается еще от наступления и все еще полно решимости завершить победу над англичанами, но оно в то же время убеждено, что удар между Соммой и морем обошелся бы слишком дорого в отношении живой силы, ввиду того что на британском фронте собрано большое количество французских резервов. Поэтому Людендорф считает необходимым нанести предварительно сильный удар, чтобы отвлечь французские резервы от фландрского театра войны. Наступление на французов произойдет от Реймса до Мондидье, как будто германские войска хотят двинуться на Париж концентрическим путем долинами рр. Марны и Уазы. Оно начнется победой у Шмен-де-Дам, за ним быстро последует удар против англичан от северо-восточной части Ипра до Неф-Беркэн, направленный на Дюнкерк и Калэ. Эта новая операция во Фландрии будет продолжена ударом от Арраса до Соммы в направлении Дуллана.

Готовя удар на Шмен-де-Дам, Людендорф ясно понимает трудности захвата возвышенного плато, на котором противник хорошо укрепился, но он знает также, что французская линия обороны на этом участке чрезмерно растянута, что она состоит из французских и английских дивизий, сильно изнуренных недавними боями, что у нее нет поблизости больших резервов. С другой стороны, демонстративный удар на Шмен-де-Дам отвлекает германские силы не слишком далеко от Фландрии. После удара на французов потребуется очень мало времени для переброски артиллерии, минометов и авиации на север для действий против англичан. Этот довод тем важнее, что соображения другого порядка заставляют отложить удар на Шмен-де-Дам до конца мая. Отсрочка эта необходима для того, чтобы дать отдохнуть и пополнить дивизии, которые будут участвовать в операциях, а они все пострадали в марте и в апреле. Кроме того, за эти 4 недели нужно подготовить для удара материальную часть.

Сражение против французов будет вестись группой армий германского кронпринца, 1-й армией (Отто фон-Белов), 7-й армией (фон-Бен) и 18-й армией (фон-Гутьер). Ввиду недостатка в артиллерии, минометах, авиации, оно будет расчленено на последовательные фазы. В течение

первой фазы 7-я армия и правый фланг 1-й армии ударят между Бримоном и Лейли в трех направлениях—на Реймс, Фим и Суассон, объектом их будут высоты к югу от р. Вель. Следовательно, эта операция рассчитана на большой фронт, с тем чтобы привлечь большую часть французских резервов, но с намерением не допускать германские силы слишком углубляться к югу и превзойти размеры порученной им простой демонстрации. 27 мая на основном фронте протяжением в 55 *км* ударят две армии в составе 20 дивизий в первой линии, 6 дивизий — во второй и 7 дивизий — в резерве, всего 33 дивизий.

Во второй фазе сражения, 30 мая, т. е. спустя 3 дня, нужных для переброски артиллерии и минометов, участвовавших в наступлении 27 мая, 7-я армия своим правым флангом продолжит наступление до р. Уазы, при поддержке 18-й армии, которая перейдет реку между Семпиньи (2 *км* к югу от Нуайона) и Аббекуром. После переброски с места сражения восточнее Уазы необходимых материалов для новой подготовки будет точно определен день, когда 18-я армия, имея исходным положением линию Мондидье, Нуайон, нанесет удар в общем направлении на Компьень. Таким образом, даже допустив, что все замыслы верховного руководства встретят наиболее благоприятные условия, наступление во Фландрии не может начаться раньше 7 или 8 июня.

Конечно, не следовало бы давать противнику месячную отсрочку с 29 апреля по 27 мая. Оправданием этому служит лишь необходимость дать отдых и перестроить дивизии, которые после боев в Пикардии снова пойдут в бой. С другой стороны, перемена противника, перенесение сражения на французский фронт и предоставление англичанам возможности восстановить свои силы является ошибкой, которую теперь, когда мы знаем игру обеих сторон, можно считать самой важной из приведших немцев к поражению в 1918 г.

Конечно, было бы трудно возобновить в конце мая наступление против англичан, и возможно, что наступление продвигалось бы не очень быстро, но зато оно взволновало бы английское командование и войска, о чем мы можем судить по состоянию духа наших союзников во время сражения во Фландрии, и нанесло бы тяжелые потери английским дивизиям, недостаточно укомплектованным рядовым и командным составом. При этих условиях британская армия была бы так ослаблена, а французкая должна была бы бросить

такие значительные силы для поддержки англичан, что они не смогли бы в 1918 г. перейти в наступление, даже после прибытия американских частей.

На французском фронте американцы все еще не в состоянии принять участие в действиях, и их дивизии еще нигде не вступили в бой. Германская же армия во Франции может пополняться войсками, уведенными с русско-румынского фронта. С 15 марта по 22 мая она получает 12 дивизий, которые увеличивают ее состав до 204 дивизий.

С точки зрения политики Австрия в апреле снова дала повод для тревоги. После спора в печати между Клемансо и Черниным император Карл вынужден был признать (несмотря на то, что он раньше отрицал этот факт), что он, без ведома Германии, передавал в 1917 г. через своего зятя, принца Сикста Бурбона, предложения о мире на условиях признания им законности французских претензий на Эльзас-Лотарингию.

Германия прекратила это, еще крепче стянув путы, которыми она привязала к себе Австрию. Чернин получил отставку; император Карл явился к Вильгельму II в Спа с извинениями и 11 мая согласился на оборонительный и наступательный договор между Австрией и Германией, заключенный на 12 лет.

Попытка англичан в марте и апреле разбить турок в Палестине окончилась неудачей.

На болгарском фронте восточная армия союзников ведет оборонительную войну.

II. Перенесение боев на французский фронт к востоку от Уазы остается ошибкой. Фош доказывает это в течение всего периода с 29 апреля по 17 мая распределением общих англо-французских резервов.

Среди союзников никто не сомневается, что затишье, державшееся во Фландрии начиная с 29 апреля, будет лишь временным и борьба вскоре возобновится. Противник располагает большими резервами. По нашим расчетам, к 25 апреля у него 69 дивизий в резерве, к 19 мая — 81 дивизия. Однако, если мы знаем число дивизий, мы не можем установить их расположения и определить, какому участку нашего фронта угрожает наступление. Сбивчивые сообщения заставляют думать, что противник ударит либо во Фландрии, либо у Арраса, либо на Амьен. Один из пленных германских офицеров и французские солдаты, бежавшие

из Лаона, сообщают, что неизбежно приближается большое наступление между Уазой и Реймсом, но эти сообщения остаются неясными и непроверенными. Действительно, на стороне немцев наблюдаются более тщательные и значительные приготовления, чем перед 21 марта: все передвижения происходят ночью, батареи главного командования не производят пристрелок, по внешнему виду фронта и зоны позади него не заметно никаких перемен. Наши воздушные разведки, производимые и днем и ночью и направленные в глубь расположения противника для наблюдения за шоссейными и железными дорогами, не замечают никаких признаков концентрации германских сил к востоку от р. Уазы.

Вследствие неосведомленности нашей разведывательной службы командованию остается между 29 апреля и 26 мая только строить предположения. Хейг убежден, что противник возобновит наступление против английских войск. Это также и мнение Петэна, который, кроме того, считает, что возможен удар к востоку от р. Уазы. Фош на основании логических рассуждений, — поскольку мы не можем разорвать покров, скрывающий намерения противника, — считает, что наступление будет направлено против британской армии, во-первых, ввиду ее ослабления, во-вторых, ввиду близости защищаемых ею важных пунктов; следовательно, нужно быть готовым поддержать ее своевременно и сильными средствами. Вследствие этого верховный командующий союзными армиями твердо решил сохранить то же расположение резервов, какое было принято во время наступления во Фландрии. Поэтому он оставляет Хейгу все английские войска, прося его лишь послать на французский фронт дивизии, слишком измученные для того, чтобы принять участие в боях. После отдыха эти части сменят на тихих участках французские дивизии, которые пойдут для усиления главной массы резервов. Итак, 15 мая наша северная группа армий получила пять сильно утомленных британских дивизий.

Неудобство этого расположения французских резервов состоит в том, что оно слишком ослабляет резерв французского фронта к востоку от Уазы. 7 мая мы имеем только 12 резервных дивизий от Уазы до швейцарской границы; 26 мая, накануне сражения на Шмен-де-Дам, этот фронт, протяжением в 500 *км*, слабо удерживаемый 41 дивизией (из которых три дивизии английских и одна итальянская),

получил в подкрепление только 19 французских дивизий, 2 английских и 1 итальянскую, расположенные в резерве. Другая половина французских резервов, 19 дивизий, расположена между Уазой и Северным морем.

В течение мая Петэн много раз жалуется, что на долю французской армии выпадают бо́льшие опасности и более тяжелые задания по сравнению с английской, но Фош не поддается на эти жалобы. Он повторяет, что вследствие неопределенности, в которой мы находимся относительно германских планов, самым опасным является удар между р. Уазой и р. Лис. Поэтому он оставляет в силе свое решение сохранить в этом районе не только группу армий резерва и северную армейскую группу, но и X армию (четыре дивизии) в резерве к северу от Соммы и V армию (пять дивизий) в резерве к югу от нее.

III. Петэн беспокоится не только о распределении наших резервов, он жалуется также на то, что английское командование слишком легко свертывает дивизии и что лондонский кабинет не принимает мер для пополнения своих армий во Франции. В конце концов французы принуждены брать на себя выполнение задач, которые оказываются не по силам англичанам. Эти упреки справедливы, и высший военный совет, собравшийся в Аббевиле 1 и 2 мая, внимательно рассмотрев вопрос о пополнениях, вынужден принять важные решения. Из всех союзных армий британская находится в самом критическом положении. Ввиду бессилия правительства послать во Францию достаточное количество сил, чтобы пополнить потери [1], Ллойд Джордж представил 9 апреля в палату общин законопроект об обязательной военной службе для английских граждан от 18 до 50 лет; 12 апреля закон принимается и 18-го вступает в силу.

Разумеется, закон об обязательной службе имеет большое значение, но он сильно запоздал. Из 400 000 чел., которых он даст, 230 000 годных для службы в войсках во Франции должны быть предварительно обучены, а поэтому не смогут раньше осени быть влиты во фронтовые части. Несомненно также, что из палестинской армии будет взято значительное число белых войск, две пехотных дивизии, 24 батальона, пять тяжелых батарей, всего 80 000 чел.,

[1] См. гл. V, стр. 78.

но перевозка этих войск требует времени и, начавшись в апреле, продлится до августа [1].

Чтобы восполнить этот пробел, за недостатком других контингентов, Хейг получает от военного министерства обученных людей, но по физическим качествам стоящих ниже, что даст возможность создать, по примеру немцев, неравноценные дивизии. На заседании высшего военного совета в Аббевиле Фош получает согласие Вильсона на доставку во Францию в конце мая еще 70 000 чел. Но в общем этих ресурсов нехватает для пополнения потерь, которые нанесены пикардийским и фландрским сражениями и которые сражение при Шмен-деДам увеличит еще более.

К 15 мая, несмотря на подкрепления из Англии и на прибывшие из Палестины 2 дивизии, британская армия, имевшая 21 марта 58 дивизий, насчитывает всего 52 дивизии, и английское правительство не может присылать во Францию больше 34 000 чел. в месяц. Если Людендорф будет продолжать действия против британских войск, Хейг не сможет восстановить свернутые им 9 дивизий и даже сохранить настоящую численность английской армии.

Эта медлительность англичан в пополнении своих потерь увеличивает тревогу Петэна относительно своих собственных сил, появившуюся в самом начале кампании 1918 г. Нужно ли будет, по примеру союзников, свернуть несколько дивизий? Эта мера уменьшила бы нашу маневренную способность в тот момент, когда она особенно нужна; она была бы первым шагом к разрешению вопроса путем наименьших усилий, разрешению, по которому постепенно прибывающие американские дивизии будут служить лишь для пополнения потерь, понесенных союзниками.

Фош, напротив, думает, что американские части явятся подкреплением, которое, в сочетании с нашими материальными средствами, позволит захватить в свои руки инициативу в операциях. Однако, нельзя будет сохранить настоящую численность армии, если правительство не найдет необходимых внутренних ресурсов, которые позволят дождаться осени, когда произведенный в апреле призыв 1919 г. вольется во фронтовые части. 4 апреля Петэн требует посылки на фронт 200 000 чел. более поздних призывов, чтобы сменить 1 225 000 строевиков, занятых в тыловой полосе, но 8 апреля Клемансо отвечает, что не смо-

---

[1] См. гл. X, стр. 180.

жет дать больше чем 40 000. Но даже и при таком сокращении эта мера вызывает в стране серьезные осложнения. Стачечное движение рабочих не прекращается в марте и апреле. Приходится послать в Лион и Сент-Этьен две кавалерийские бригады, которые поэтому запоздают к сражению на Шмен-де-Дам, точно так же, как 21 марта при аналогичных обстоятельствах наша кавалерия не могла полностью участвовать в боях в начале наступления.

Чтобы избежать уменьшения англо-французских резервов и строевых частей, Першинг 28 марта великодушно предлагает Фошу поддержку всех находящихся во Франции американских сил. Из 14 дивизий, находящихся в распоряжении Першинга, только две могут принять участие в сражении, три находятся на стажировке на спокойных участках и девять, еще недостаточно обученных, находятся в пути или разгружаются. В самом деле, американские части прибывают во Францию слишком медленно (60 000 чел. в марте, 93 000 чел. в апреле), чтобы оказать сильное влияние на ход действий. На заседании высшего военного совета союзники признают необходимым исправить ошибки, допущенные в отношении транспорта. Решено доставить в первую очередь пехотинцев и пулеметчиков, причем Англия должна присоединить к американскому флоту нужное количество судов для перевозки в мае 130 000, а в июне 150 000 бойцов специальных войск. Флот Соединенных Штатов будет продолжать подвозить своими силами остальные войска. Благодаря этим новым распоряжениям, количество перевезенных американских войск достигает в мае 240 000, в июне — 280 000 чел.

Но если французское командование проявляет справедливое беспокойство в вопросе о живой силе, оно зато видит, что его материальные средства борьбы увеличиваются. В конце мая армия получает 36 новых батарей 75-*мм* орудий и первые четыре батальона танков Рено, каждый батальон из 75 танков. С этих пор каждую неделю армия будет получать по одному такому батальону. Производство иритовых снарядов возрастает с 7 000 (апрельская цифра) до 180 000.

Наконец, Петэн создал из некоторой части боевой и бомбардировочной авиации воздушную дивизию, разделенную на две бригады и эскадру ночных бомбардировщиков. Авиационная дивизия, всего в числе 770 самолетов, покажет свои качества в будущем сражении

IV. Фош считает, что захват инициативы и переход в наступление рассеят беспокойство, вызываемое у Хейта боязнью удара по английской армии, у Петэна — неравномерным распределением наших резервов и у обоих — заботой о пополнениях. С первых же дней своего командования, 3 апреля, он отдает приказ о наступлении, которое начнется ударом группы армий резерва в районе Мондидье, и все время следит за приготовлениями к этой операции и торопит их. 3 мая, как только прекратилось германское наступление во Фландрии, Фош предлагает Хейгу без задержки подготовить удар английских войск, который начнется на фронте Робек, Фетюбер (схема 5) и пойдет в направлении на Мервиль, Эстер. Затем, по мере того как стабилизация противника затягивается, Фош настаивает на необходимости перейти к назначенному им наступлению англо-французских войск, ставшему возможным благодаря нашему превосходству в авиации, танках и артиллерии.

Осуществление планов наступления в этой фазе войны кажется Петэну фантастическим и опасным; он считает, что в этой операции мы израсходуем и без того слабые резервы и все равно не удержим немецких атак. Поэтому он старается, поскольку это от него зависит, сократить размах и глубину наступления группы армий резерва. Но Фош тотчас же возражает против такого искажения его приказов. В директиве от 20 мая он указывает, что дело идет не о том, чтобы наносить небольшие удары, а о том, чтобы бить противника, продвигаясь «*как можно дальше и со всей энергией. Только наступление позволит союзникам победоносно закончить сражение и, взяв инициативу в свои руки, поднять дух армии*». Затем верховный главнокомандующий определяет цель операций, о которых он отдал приказ. Первой задачей наступления между Уазой и Соммой будет освобождение железнодорожной линии Париж—Амьен, важной для жизни страны и связи между французской и английской армиями. Наступление в районе р. Лис должно освободить наш угольный район и защитить Фландрию от неприятельского наступления. К тому же мы совершенно не в состоянии начать удар с востока, от Уазы, так как должны быть все время готовыми отразить наступление противника на фронте пикардийского и фландрского сражений.

Фош предлагает начать наступление не только на французском фронте. По его просьбе, Клемансо написал генералу Гильома, что восточная армия, твердо державшаяся

оборонительной тактики, должна теперь вести наступательные действия, с тем чтобы помешать противнику отвести войска с этого фронта.

Наконец, 7 мая Фош просит Диаца немедленно напасть на австрийцев, которые, по всем данным, испытывают экономические затруднения и упадок духа. Однако, прежде чем союзники будут в состоянии перейти к наступлению на каком-либо фронте, немцы возобновляют на Шмен-де-Дам бои, прерванные во Фландрии 29 апреля.

V. 26 мая два пленных немца, захваченных: один — в районе Жювенкура, другой — на 20 *км* западнее, на р. Элет, к северу от Куртекон, — заявляют, что завтра, после короткой артиллерийской подготовки, которая начнется в час ночи, будет нанесен удар на Шмен-де-Дам.

VI французская армия (Дюшен), которой, по этим сведениям, угрожает германское наступление, расположена от Уазы до Реймса (не включая его) на фронте протяжением 90 *км*. У нее на передовых позициях 11 дивизий (восемь французских и три английских), усиленных 31 территориальным батальоном и 27 пулеметными ротами. Из 11 дивизий 7 сильно пострадали во время пикардийского сражения. По расчету, на одну дивизию приходится около 8 *км* фронта, но в середине 21-я дивизия занимает 11,5 *км*, а 50-я английская — 10 *км*.

В резерве, на довольно близком расстоянии от VI армии, Петэн разместил 12 пехотных дивизий и кавалерийский корпус. В распоряжении Дюшена находятся четыре из этих дивизий, но две из них сильно истощены: одна, английская, — во время боев в Пикардии, другая, французская, — во Фландрии.

В феврале, согласно директивам от 23 декабря 1917 г. и инструкции от 25 января 1918 г., в которых излагались мнения Петэна о ведении обороны [1], Дюшен составил для своей армии план обороны, по которому позицией сопротивления является вторая позиция. Но с тех пор во время сражений в Пикардии и Фландрии Фош постоянно повторял, что мы «*не должны больше терять ни одного дюйма земли*»; он подтвердил это указание в инструкциях от 19 апреля и 5 мая, подчеркивая, что иначе невозможно вести борьбу в зонах, где нет оборонительных сооружений и где смешиваются позиции передовых постов и позиции

[1] См. гл. III, стр. 39.

сопротивлений. Но он указывал также, что это относится только к частям, расположенным между Уазой и морем. Таким образом, вопрос ясен: к северу от Уазы бой принимают на первой позиции, из которой заведомо не теряют ни одной части, напротив, между Уазой и Швейцарией действуют согласно взглядам Петэна, т. е. охотно уступают часть первой позиции и сражаются на промежуточной или даже на второй позиции.

Дюшен всегда принимал эту теорию Петэна лишь скрепя сердце, поэтому он с готовностью хватается за предлог, который ему предоставляет отступление в начале апреля его левого фланга на р. Элет, чтобы изменить этой теории [1]. Он считает, что его армия участвует в сражении как часть войск севернее Уазы и что, следовательно, он должен полностью применять планы Фоша. Итак, VI армия примет сражение на первой позиции, как на левом фланге — на Уазе, так и в центре—на нижнем течении р. Элет, и на правом фланге — на северных склонах Шмен-де-Дам. Резервы этой армии будут с самого начала приведены на вторую позицию, либо для того, чтобы обеспечить ее охранение, либо с тем, чтобы выступить на поддержку первой позиции, либо для контрудара. Нельзя было хуже понять взглядов Петэна. Почему же наш главнокомандующий терпел это?

Надо согласиться, что доводы Дюшена, которыми он оправдывает свое решение принять бой на первой позиции, довольно убедительны для того момента. Он указывает на тактическую невозможность оставить плато Шмен-де-Дам, которое считается одной из самых крепких систем французского фронта и обладание которым дало бы противнику прекрасную возможность подготовить удар на нашу вторую позицию, еще недостаточно укрепленную. Наконец, с точки зрения моральной, что скажет страна, если мы по своей воле отдадим эту местность, завоеванную в 1917 г. ценою кровопролитных боев?

Убежден ли сам Петэн в апреле и мае 1918 г. в ценности им же разработанной системы обороны? Если внимательно перечесть его инструкции, данные по этому вопросу в начале года, можно видеть, что они очень неточны и допускают разные толкования. Во всяком случае они не имеют того категорического характера, какой будут иметь июльские приказы в боях в Шампани, после того как

[1] См. гл. V, стр. 66.

германское наступление на Шмен-де-Дам покажет опасность принимать штурм на первой позиции. Тогда, после безуспешной попытки переубедить Дюшена, Петэн 19 мая одобряет измененный план обороны VI армии.

Это решение достойно сожаления, так как выбор северных склонов Шмен-де-Дам в качестве поля сражения лежит в основе германской победы, от которой даже Людендорф не ожидал такой полноты.

VI. Во всяком случае 26 мая, по сведениям, полученным от пленных, французское высшее командование не сомневается в возможности удара, объявленного назавтра, и принимает необходимые меры, чтобы быть готовым к нему.

Петэн отдает предварительные распоряжения о переброске четырех дивизий, стоящих в долине Уазы, Франше-д'Эспере — о продвижении к северу 1-го кавалерийского корпуса. В 19 час. Дюшен вызывает все войска на линию и приказывает производить в продолжение всей ночи стрельбу беспокоящим и заградительным огнем [1]. Он, однако, приказывает не начинать контрподготовительной стрельбы [2] до того момента, пока артиллерия противника не начнет мощного обстрела. Четыре резервных дивизии двинуты ко второй позиции, которой их авангарды достигнут между 3 и 4 час. утра, три дивизии—позади р. Эн, от Понтавера до Сель-сюр-Эн, четвертая — на Шмен-де-Дам, между рр. Эн и Элет. Дюшен воздерживается отдать приказ зарядить подрывные заряды мостов р. Эн и приказ взорвать мосты.

VII. Однако, вторая половина дня и вечер 26 мая проходят на фронте VI армии в полном спокойствии. Наши сторожевые посты, наблюдательные пункты, аэропланы не замечают никаких признаков, которые говорили бы о неизбежном наступлении, они не улавливают никакого шума, когда, с 22 час., германские дивизии выходят на исходные позиции.

Внезапно, в час ночи 27 мая, 1 158 батарей и сотни минометов начинают ожесточенный обстрел наших позиций,

---

[1] Стрельба беспокоящим огнем производится артиллерией с целью помешать передвижению, подвозке снабжения, смене и т. д. Стрельба заградительным огнем имеет целью запретить переход через мост, перекресток и т. д.

[2] Контрподготовительная наступательная стрельба производится всей артиллерией обороны с целью помешать атаке; ее объекты — батареи противника и плацдармы штурмующей пехоты.

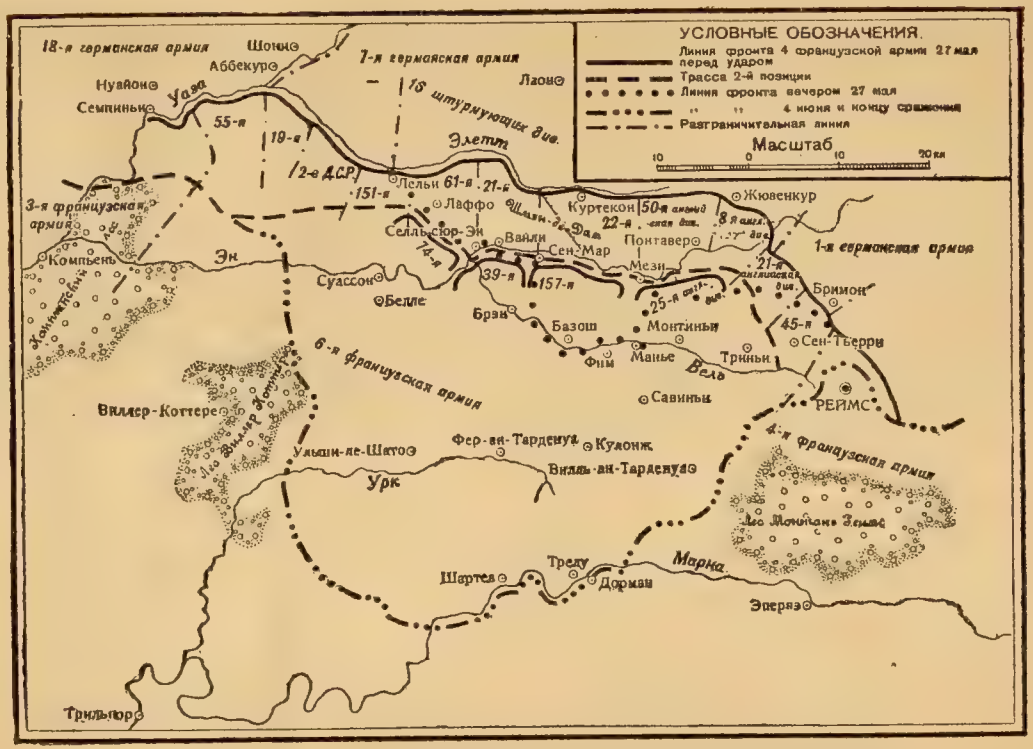

Схема 6. Сражение при Шмен-де-Дам с 27 мая по 4 июня 1918 г.

проникающий на глубину 10—12 *км*. Приказывая начать наступательную контрподготовку лишь с того момента, когда противник откроет огонь, командующий армией допустил ошибку, ставшую теперь очевидной. Наши батареи позволили нападающему совершенно спокойно занять исходное положение и, разбитые или отравленные газами, они были уничтожены в самом начале сражения.

В 3 ч. 40 м. германцы переносят огонь вперед, и под прикрытием плотного огневого вала 20 дивизий первой линии бросаются на штурм.

На Шмен-де-Дам на три дивизии—21-ю и 22-ю французские и 50-ю английскую, образующие наш центр,—наваливаются 12 дивизий. Эта масса сокрушает нашу пехоту, сильно пострадавшую от обстрела. Противник движется молниеносно. Между 5 и 7 час. он появляется на гребне Шмен-де-Дам, около 8 ч. 30 м. противник подходит к р. Эн между Сен-Маром и Мези и находит мосты нетронутыми. Действительно, Дюшен слишком поздно принял меры для разрушения мостов через реку. Только в 8 ч. 30 м. он отдал приказ зарядить подрывные заряды. Работа, требующая нескольких часов, далеко еще не закончена, когда в 9 ч. 30 м. он посылает командирам корпусов приказ произвести подрыв.

В 1918 г., после сражения на Шмен-де-Дам, генерала Дюшена упрекали в том, что он оставил мосты противнику; он оправдывался, говоря, что было бы рискованным зарядить подрывные заряды раньше, так как от бомбардировки они могли бы взорваться преждевременно, и, кроме того, взорвать мосты в нужные моменты было бы очень трудно при отступлении большей части армии через р. Эн.

Начиная с 4 ч. 30 м., узнав о серьезности положения на Шмен-де-Дам, Дюшен придает дивизиям первой линии (21-й, 22-й, 50-й английской) некоторое количество батальонов, принадлежащих к резервным дивизиям, занимающим вторую позицию (три батальона 39-й дивизии, пять батальонов 157-й дивизии, три батальона 25-й английской дивизии). Но если он продолжает держаться своей идеи ведения боя на первой позиции, он досадным образом обнажает вторую и лишается последней возможности остановить противника на р. Эн. 157-я дивизия, расположенная как раз в зоне, где продвижение немцев было особенно стремительным, сразу становится бессильной помочь дивизиям первой линии или обеспечить защиту р. Эн. Пять батальонов, двинутых к реке, не могут перейти ее (исклю-

чая двух рот), они сражаются изолированно, бесполезно, в то время как дивизия, уменьшившаяся до четырех батальонов, не в силах удерживать фронт в 10½ *км*, который она занимает во второй линии, и она невероятно быстро оказывается разбитой. В 10 час. немецкая пехота переходит р. Эн между Сен-Маром и Мези, решительно продвигаясь в брешь, образовавшуюся в центре VI армии. Вечером она переходит р. Вель у Базоша и у Манье, продвинувшись за день на 20 *км* без значительных потерь. В то время как на флангах мы удерживаем вторую позицию, в центре образуется глубокий мешок. Чтобы заполнить его, мы в течение дня могли привести лишь одну дивизию из резерва главного командования.

VIII. 28 мая, на рассвете, германские войска возобновляют штурм. Около 12 ч. 30 м. 7-я армия достигает Фима и высот южнее р. Вель, которые были указаны ей в качестве объектов, и в соответствии с полученными инструкциями здесь останавливается.

Видя такой неожиданный успех, Людендорф в полдень отдает приказ продолжать наступление до линии: высоты к юго-западу от Суассона, Фер-ан-Тарденуа, Кулонж, южный фронт Реймса. Он указывает, что позже будет решено, нужно ли продвигаться дальше до линии Компьень, Дорман. Итак, задание 7-й армии изменяется. Это уже не простая демонстрация, это становится крупной операцией, в конце которой уже видится триумфальное вступление в Париж.

К концу дня 28 мая немецкое наступление, возобновленное около 15—16 час., дало большие результаты. Наш правый фланг отброшен к высотам Сен-Тьерри, Триньи и Савиньи, к северо-западу и к западу от Реймса. В прорыве нашего центра, куда мы могли бросить только две кавалерийских дивизии [1], нас, разрозненных, лишенных связи с левым флангом, оттеснили на 10 *км* южнее р. Вель, на голое плато Суассон. На левом фланге 11-й корпус теряет высоты, что севернее Суассона, и ночью противник вступает в город. На фронте между р. Эн и Реймсом VI армия вытеснена с укрепленных позиций. Позади нее остались теперь только так называемые линии парижского военного губернаторства, передовые линии укрепленного лагеря

[1] Из которых одна состоит из одной бригады.

столицы, организованные наспех и по своему расположению не отвечающие нуждам момента.

К счастью, французское командование очень быстро поняло размеры опасности и спешно перебросило имеющиеся резервы. 27 мая Петэн и Франше д'Эспере двинули к месту сражения штаб V армии (Мишле), десять дивизий, три дивизии кавалерии. 28 мая Петэн берет из восточной группы армий две дивизии, а из группы армий резерва с севера от Уазы — восемь дивизий. Файолю предлагается, кроме того, ослабить фронт своей группы армий на четыре дивизии, которые перевести в резерв. Из этих различных частей две были двинуты в бой 27-го, три — 28-го, еще три прибудут 29-го, остальные будут прибывать последовательно 30 и 31 мая и 1 июня.

Эта задержка делает тем более обязательным разумное распределение прибывающих резервов. Однако, как раз в первые два дня, 27 и 28 мая, ведение боя ускользает от командования. В штабе VI армии в Беллё (к югу от Суассона) бомбардировка очень скоро разрушила телеграфные и телефонные линии, задерживая доставку сведений и отправку приказов. Утром 28 мая Дюшен должен был перевести свой штаб в Ульши-ле-Шато, но в этой местности нет установки линий связи, потому что в своем плане обороны он не захотел предусмотреть возможности отступления. Таким образом, к нему плохо и с запозданием поступают донесения, а следовательно, и его донесения — к высшим командным инстанциям. В этих условиях его приказы становятся недейственными; они обусловливаются той обстановкой, которая была 5—6 час. назад и которая изменяется уже к тому времени, как приказы составляются, а когда они доходят до низшего командования, — изменяется еще больше. Дюшен приказывает защищать гребень Шмен-де-Дам, когда противник находится на р. Эн, и запрещает допустить переправу через эту реку в то время, когда противник уже переходит р. Вель.

Французское командование, впрочем, во всех своих инстанциях не решается уже в эти первые два дня избрать позади центрального прорыва линию, куда бы систематически направлялись все прибывающие резервы. Несмотря на явное численное превосходство противника, оно приказывает итти в наступление, практически невыполнимое. Нужно «*нанести контрудар, по возможности скорее вернуть потерянное расстояние*». Еще 28 мая, в 9 ч. 45 м., Франше

д'Эспере получает приказ «*восстановить целость линии на р. Вель, отбросив противника*», как раз в том месте прорыва, где у нас совсем нет средств.

Несмотря на наше быстрое отступление утром 28 мая в Сарсю, Фош очень спокоен, он ясно видит, что германское наступление — не более как демонстрация. Он говорит это приехавшему к нему Клемансо. Однако, в особенности ввиду перестановки резервов, он считает нужным встретиться с Петэном. Встреча происходит в Провэне, в конце дня. Вечером Фош пишет Пуанкаре, выражая надежду, что благодаря принятым мерам противник будет скоро остановлен.

Действительно, в тот же вечер Петэн принимает план действий, могущий дать нашей обороне метод, противоположный беспорядочности этих дней, 27 и 28 мая. Этот план применяет к положению мешка, образовавшегося в нашем расположении, те принципы, которые Фош излагал Хейгу в апреле, когда направлял наступление противника в долину р. Лис [1]. По условиям директивы 28 мая, 23 часа, нужно твердо удерживать обе стороны бреши, пробитой неприятелем, на востоке — Монтань-де-Реймс, на западе — северное и южное плато Суассона; на каждой из этих, так сказать, дамб обороны помещаются три из прибывших дивизий. На юге натиск немцев должен быть задержан на укреплениях парижского военного губернаторства и на линии Фер-ан-Тарденуа, Виль-ан-Тарденуа.

IX. После этих первых двух дней сражения пришло время организовать сопротивление, так как Людендорф, видя, что германские войска продолжают двигаться легко и быстро, назначает еще более дальние объекты: 7-я и 1-я армии имеют теперь целью Компьень, Дорман и Эперне, причем главное усилие направляется северной стороной Марны на Париж. Переправляться через реку не будут, а только захватят переправы.

События, развертывающиеся 29 мая, позволяют думать, что эта программа осуществится легко. Если на правом фланге, в районе Реймса, мы отступили на незначительное расстояние, то на левом фланге VI армии, между рр. Эн и Элет, Дюшен отводит на вторые позиции войска, которые вследствие продвижения немцев с юга, от Суассона, образовали опасный выступ. Но особенно мы отступаем в центре, где образовалась брешь в 25—30 *км*, куда мы

[1] См. гл. V, стр. 73.

могли дать всего только две пехотных и три кавалерийских дивизии. К концу дня противник находится в 5 *км* от Марны и значительно продвинулся в долине р. Урк.

Во французском главном штабе Петэн, ввиду такого продвижения противника, выказывает сильное беспокойство, тем более, что по некоторым признакам следует опасаться расширения сражения к северу и к востоку от Реймса. Противник уже оставил далеко позади себя линию сопротивления, указанную накануне вечером VI армии. Внушает тревогу его продвижение к западу, в направлении Парижа, между рр. Марной и Урк, где мы еще не можем собрать больших сил. Тогда Петэн думает, что единственным решением в соответствии с идеей маневра, указанного им в директиве от 28 мая, будет переход к общему контрнаступлению, на обоих краях бреши, двигаясь с восточной и западной сторон. Нельзя было надеяться на очень большие результаты от такой операции ввиду значительного превосходства сил противника. В этом видят лишь средство запугать германское командование и заставить его замедлить напор войск, брошенных на Марну и на Париж. Операция будет выполнена 31 мая с обеих сторон р. Эн четырьмя свежими дивизиями, которые ударят в направлении Лаффо и Брена, и с востока тремя свежими дивизиями, которые пойдут от Монтань-де-Реймс на Фим и Монтиньи.

В тот же день, 29 мая, когда Петэн дает сражению определенное направление, командование армий также начинает действовать. С утра Мишле принял командование правым флангом VI армии и левым флангом IV, для того чтобы оборона Реймса и Монтань-де-Реймс руководилась одним лицом. На следующий день штаб V армии сможет работать всеми своими органами. Облегченной таким образом VI армии Петэн приказывает перевести свой штаб из Ульши-ле-Шато в Трильпор, где найдется телеграфная и телефонная связь, которой ей нехватает уже с 27 мая, потому что ее командующий не посмел достаточно отойти. Охрану мостов через Марну несут специальные отряды. Наконец, Петэн старается обеспечить обе ведущие бой армии более значительными силами, чем те, которые двигаются к ним. Он просит Фоша дать ему X армию (Мэстр) в составе четырех дивизий и взять у англичан нашу северную армейскую группу из девяти дивизий.

Фош отказывается полностью удовлетворить это требование. 29 мая, по данным наших органов разведки, герман-

ское командование имеет в своем распоряжении еще 65 резервных дивизий, из них 41, в том числе 28 свежих, находятся в группе армий принца Рупрехта. Таким образом, наступление против англичан еще остается возможным, поэтому нужно быть готовым к нему, и уводить X армию, а тем более наши силы из Бельгии, — преждевременно. Однако, еще накануне Фош приказал генералу Митри уменьшить свой фронт на одну дивизию и отдать в распоряжение Петэна штаб армейского корпуса. Хейгу он предлагает создать себе необходимый резерв на случай возможного отвода X армии, и для этого он заставляет бельгийцев расширить их фронт до предместий Ипра. Однако, верховный главнокомандующий понимает, что сражение, начавшееся 27 мая, приведет нас к кризису в резервах. В начале июня, если придется послать Петэну X армию, и после того как Файоль увеличит свои резервы, уменьшив плотность своего фронта, в резерве к северу от Уазы останется только 12 французских дивизий; позади фронта от Реймса до швейцарской границы у нас есть всего пять французских дивизий и три американских, еще не вполне обученных.

X. 30 и 31 мая стратегическое положение еще более осложняется, в то время как успех неприятеля возрастает. Чтобы расширить узкий мешок, в который она попала, 7-я германская армия делает 30 мая на правом берегу р. Эн мощное усилие, которым заставляет нас отдать плато к северу от Суассона. 31 мая в этом же районе наши войска под сильным натиском оставляют вторую позицию; к югу от р. Эн наш контрудар, произведенный тремя дивизиями между р. Эн и Шодэном, сталкивается с чрезвычайно сильным ударом немцев, останавливающим его почти в самом начале. Со стороны Реймса V армия не в состоянии перейти в контрнаступление. Уже накануне она ввела в бой для этой операции три резервных дивизии. 31 мая, больше чем когда-либо, ее теснят между рр. Ардр и Марной.

30 мая Людендорф отдает приказ 1-й армии помочь своим правым флангом 7-й армии взять Реймс с юга. В центре противник уже 30 мая достиг Марны от Шартёва до Трелу, в долине же р. Урк он продвинулся еще больше; 31 мая он грозит охватить с юга лес Виллер-Котрэ, являющийся важным центром сопротивления в направлении Парижа.

К тревоге, вызванной быстротой германского наступления, данные нашей службы разведки прибавляют новую: 30 мая

Мы узнаем о вступлении в бой шести свежих дивизий, которые до сих пор баварский кронпринц держал против фронта англичан. Наша авиация сообщает, что крупные колонны немцев движутся к Парижу. Заметны также верные и многочисленные признаки готовящегося удара к северу от Уазы, между Нуайоном и Мондидье. Не следует ли на основании всех этих данных заключить, что Людендорф, отказавшись от мысли разбить англичан, переносит на нас всю тяжесть удара своих армий, идущих на Париж вдоль Марны, а вскоре и вдоль Уазы?

Оценив эти данные, Петэн испытывает большую тревогу. 30 мая он еще рассчитывает задержать противника контрударом, назначенным на 31 мая, но для этой операции он двинул резервы сначала к югу от р. Эн и на Монтань-де-Реймс в ущерб району между лесом Виллер-Котрэ и Марной. После этого мы не раньше 1 или 2 июня получим достаточные силы для этой части поля сражения, куда направлено главное усилие неприятеля. И Петэн рассчитывает, что если контрудар не удастся, то 1 июля противник будет в 50 *км* от Парижа. Где же, наконец, взять дивизии, необходимые для отражения удара, намечающегося между Нуайоном и Мондидье? Охваченный тревогой, Петэн представляет себе крушение всего французского фронта и отступление перед давлением превосходных сил противника. Но если ему кажется, что Файоль и Франше д'Эспере, находящиеся в центре сражения, достаточно осведомлены на случай таких важных событий, то не нужно ли подготовить к ним Кастельно, который находится дальше и армии которого, лишенные резервов, занимают огромное пространство от Аргонн до Швейцарии?[1] Тогда в этот же день, 30 мая, Петэн отправляет Кастельно длинную и подробную инструкцию, приказывая ему быть наготове, чтобы отвести свои три армии (II, VIII, VII) к западу, эвакуировав или, в случае нужды, уничтожив припасы, непригодные для маневренной войны. Таким образом, главнокомандующий предполагает, что мы можем быть вынужденными в ближайшем будущем оставить Верден, Лотарингию с Нанси и Вогезы.

31 мая, после неудачи нашего контрудара, тревога Петэна возрастает, и он заявляет Клемансо, что правительство должно покинуть Париж. Франше д'Эспере, ввиду сильного удара, направленного в этот день против V армии, с своей стороны отдает приказ эвакуировать Реймс. Мера очень

[1] Петэн. Доклад. Оборонительное сражение, IV, стр. 38.

серьезная; прежде всего, она отдает противнику важный железнодорожный узел, имеющий для него большое значение, в момент, когда его продвижение на юг делает ненадежным продвижение по железным дорогам. Став хозяином города, он сможет пользоваться железной дорогой Ретель—Реймс — Фим и также линией Лаон — Реймс. Наконец, падение старинного французского города будет иметь для нас и для заграницы большое моральное значение. К счастью, Мишле считает, что ничто еще не требует такой крайней меры, и не выполняет полученного приказа.

К счастью, Фош тотчас же замечает серьезность «*кризиса доверия*» [1], угрожающего командованию с 30 мая, и старается его избежать. Нужно еще отметить, что он не знает об инструкции, отправленной в этот самый день Петэном к Кастельно. Конечно, он считает, что нужно, не медля, произвести перераспределение союзных сил, учитывая признаки удара между Мондидье и Нуайоном и появление в сражении резервов принца Рупрехта, но в особенности нужно принять меры для поднятия пошатнувшегося морального состояния армии. В духе этих соображений он высказывается в течение этих дней, 30 и 31 мая.

Присутствие на Марне шести дивизий из группы армий принца Рупрехта Баварского не настолько уменьшило резервы, собранные перед английским фронтом, чтобы не опасаться наступления севернее Соммы. 30 мая Фош отдает Петэну X армию в составе четырех дивизий, но 31-го он отказывает французскому главнокомандующему, который просит дать ему еще несколько французских дивизий из бельгийской армейской группы и американские дивизии, обучающиеся в английской зоне, а, кроме того, хочет, чтобы Хейг подкрепил левый фланг группы армий резерва британскими дивизиями, расположенными в резерве—с юга от Соммы. Фош считает, что Петэн, имея 31 дивизию пехоты, уже прибывших или прибывающих к месту сражения, имеет в данный момент вполне достаточные средства, чтобы остановить германское наступление к югу от р. Эн. При этих условиях ведение боя является вопросом морального порядка, и французское командование должно как можно скорее восстать против всяких признаков упадка.

Фош энергично защищает эти идеи во время разговора в Трильпоре, в конце дня 31 мая, с Клемансо, Петэном и Дюшеном. Нужно отныне, как 26 марта, «выправить сраже-

[1] Фош, «Мемуары», II, стр. 99.

ние». Чтобы лучше взяться за выполнение этого плана, а также по просьбе Петэна, Фош располагает свою ставку сначала, 1 июня, в Муши-ле-Шатель, затем, 5 июня, в Бомбоне, в 35 *км* западнее Провэна, где находится французский главный штаб.

XI. Под влиянием улучшения в согласовании действий французского командования, а также ввиду затруднений противника, вызванных чересчур быстрым продвижением вперед, 1 июня восстанавливается некоторое равновесие боя, и сражение значительно утихает в течение следующих четырех дней. 1 июня бой почти совсем затихает между Реймсом и Марной, а на реке немцам не удается захватить переправы. Однако, с севера и с юга от лесного массива Виллер-Котрэ движение на запад продолжается, особенно 3 июня, когда нам приходится отступить на значительное расстояние к югу от р. Эн. Но это — последний порыв. Германский кронпринц убеждается, что 7-я армия натолкнулась на сильного противника, обладающего мощной артиллерией и смелой авиацией; он считает, что эти условия заставляют его, прежде чем начать бой между Марной и Уазой, дождаться результатов наступления, которое произойдет между Нуайоном и Мондидье. Днем 3 июня с согласия верховного командования он отдает приказ 7-й армии прекратить наступление. 4 июня на поле сражения устанавливается затишье; наша авиация сообщает о заметном уменьшении движения позади германских линий.

Несмотря на затишье, установившееся 1 июня, Петэн не хочет верить, что сражение между Марной и Уазой кончилось, и германский удар 3 июня убеждает его в этом. По крайней мере, в соответствии с директивами Фоша, он старается добиться от командования большей планомерности в руководстве, прежде невозможной ввиду стремительности событий. С 31 мая по 1 июня мы ввели в дело, чтобы остановить 7-ю и 1-ю германские армии, 37 дивизий (в том числе 3 английские). Теперь нужно соблюдать экономию при введении в 1-ю линию крупных соединений. Петэн тотчас же приказывает VI и III армиям поставить в резерв между Уазой и Марной шесть пехотных дивизий и три кавалерийские дивизии, которые не могут быть двинуты без его приказа. Наконец, 2 июня он реорганизует командование, что создает лучшие условия для отражения предполагаемых планов противника. Северная группа армий протянет

свой левый фланг (VI армию) только до окраин леса Виллер-Котрэ; отсюда до Уазы новая X армия (Местр), введенная на фронт, образует правый фланг группы армий резерва. Таким образом, III армия (Умбер) сможет полностью посвятить себя отражению удара, грозящего ей между Нуайоном и Мондидье, и командующий группой армий резерва Файоль будет иметь руководство почти полностью в своих руках в случае, если противник начнет сражение на еще большем фронте, от Шато-Тьери до Мондидье.

XII. Достаточно ли будет этих мер, чтобы противостоять наступлению немцев между Мондидье и Нуайоном, о котором наши органы разведки собирают все больше данных, и одновременно возобновить сражение между р. Марной и р. Эн? Петэн не надеется на это, учитывая слабость наших резервов. Он предлагает Фошу в письме от 4 июня для избежания опасности принять меры, подобные тем, которые он выдвигал 24 марта, в момент, когда он считал совершившимся разрыв между французскими и английскими армиями, а также тем, на которые он указывал Кастельно 30 мая. Для того *чтобы во что бы то ни стало выделить резервы*, союзные армии оставят позиции между Амьеном и Дюнкерком и отойдут последовательными скачками, чтобы установить левый фланг на Сомме между Амьеном и морем. С другой стороны, «*в случае натиска противника в восточной полосе*» они также отведут три армии правого фланга (II, VIII и VII) на «*естественные рубежи*»; наконец, будут созданы две группировки союзных резервов: одна, *главная* — между Бовэ и Уазой, другая — между Эпернэ и Эстерпэ, с тем чтобы прикрывать Париж и «*произвести контрудар на фланги подходящего противника*».

Не заходя так далеко, как Петэн, в мысли об отступлении, английское правительство и командование охотно принимают решение оставить Фландрию с Дюнкерком и установить англо-бельгийский левый фланг за водной линией Сент-Омер, р. Эр. Фёрн, как уже предполагалось в апреле [1]. 31 мая генерал Вильсон, приехавший во Францию с Ллойд Джорджем и Милнером, высказался в пользу этого проекта, который позволял сэкономить девять дивизий.

Узнав о предложениях Петэна и о намерениях англичан, Фош отвергает и те и другие. Он считает, что союзники, которым американцы с каждым днем оказывают все большее содействие, не дошли еще до такой крайности, чтобы отдать

[1] См. гл. V, стр. 72.

порты Ламанша, которые мы так упорно отстаивали в 1914 г., так же как союзники не отдали Вердена, Лотарингии и Вогезов, когда фон-Клук был у ворот Парижа.

Эти взгляды Фош излагает и развивает 7 июля в Париже президенту республики, а также на совещании в тот же день, на котором присутствуют Милнер, Вильсон, Лоуренс, Клемансо и Вейган. На вопрос Вильсона, каковы будут его намерения, если противник будет одновременно угрожать и Парижу и английским морским базам, Фош отвечает, что рассчитывает защитить и Париж и порты благодаря разумному распределению союзных резервов. Нужно только, чтобы он мог свободно распоряжаться резервами, а в этом именно и имеется затруднение, возникшее из-за Хейга, который заранее сообщил свои соображения совещанию 7 июня.

С самого начала боев на Шмен-де-Дам Хейга беспокоила переброска Фошем французских и американских сил, назначенных для поддержания британского фронта на случай удара. С 27 мая по 2 июня он видит, как уводят V и X армии, т. е. восемь дивизий, затем пять американских дивизий, обучавшихся там, но которыми он мог сменить британские дивизии на участке, не подвергшемся удару. 31 мая он узнает, что французская северная армейская группа будет уменьшена на две дивизии. Наконец, при сообщении об ударе, готовящемся между Мондидье и Нуайоном, Фош не довольствуется отправлением к востоку от Уазы французов и американцев, и предвидит, что британские резервы будут применяться для поддержки французов. 3 июня он требует, чтобы три английские дивизии были расположены в резерве на берегах Соммы, чтобы быть наготове действовать либо к северу от реки, либо к югу, для поддержки французов. 4 июня он выражает желание, чтобы английский штаб рассматривал перевозку на французский фронт всех британских резервов, *главных резервов и частных резервов*. К тому же в этот день, по английским расчетам, баварский кронпринц имеет еще 49 дивизий в резерве; следовательно, он вполне может начать мощное наступление с севера от Соммы. Словом, Хейг считает, что он находится в положении, предусмотренном последним пунктом соглашения в Бовэ 3 апреля: «*Каждый главнокомандующий имеет право обращаться к своему правительству, если, по его мнению, какое-либо распоряжение генерала Фоша ставит его армию в опасное положение*». Итак, он обращается к британскому правительству.

Разногласие улаживается на совещании 7 июня. Со своим обычным добродушием Фош объясняет, что, по его мнению, произошло недоразумение, что он вовсе не имел намерения лишать англичан необходимых резервов, а только просит подготовить их. Хейг заявляет, что он удовлетворен этим объяснением.

Несмотря на это, инцидент заслуживает серьезного внимания. Прежде всего, он показывает, насколько английское командование, даже после 5—6 недель передышки, опасалось возможности удара против своих войск, насколько Фош был мудр, считаясь с этой нервозностью и будучи готовым обеспечить нашим союзникам, насколько можно дольше, помощь французских резервов. Все же серьезность заключалась в том, что это состояние могло привести англичан к отказу в той поддержке, которую Фош считал необходимой, и это заставляло верховное командование задуматься о будущем, в особенности накануне нового германского наступления на французском фронте.

XIII. Это наступление, порученное 18-й армии (фон-Гутьер), правофланговой армии группы армий германского кронпринца, рассматривалось как последний акт диверсии, начатой 27 мая; 30 мая минометы и артиллерия, участвовавшие в штурме Шмен-де-Дам, были направлены к западу от Уазы для участия в новом сражении, к которому шли деятельные приготовления. Но на этот раз германское командование, торопясь нанести удар, не смогло скрыть подготовки. Начиная с 4 июня, мы получаем точные сведения о действиях немцев как от наших агентов, так и от воздушной разведки и от наземных наблюдательных пунктов. Из допросов многочисленных дезертиров, переходящих к нам, чтобы избежать участия в готовящемся сражении, точно выясняются место и время удара. Лишь один вопрос остается без ответа: нам не удается установить, какие силы будут двинуты противником.

Фош и Петэн стараются сосредоточить позади группы армии резерв—возможно большее число дивизий. 9 июня на правом берегу Уазы у нас будет 12 пехотных дивизий и 3 кавалерийских дивизии; эти силы могут быть быстро увеличены 3-м английским корпусом в составе трех дивизий, расположенных на Сомме, а в случае надобности — 2-м английским корпусом, который готов к переброске. Эти резервы весьма слабы по сравнению с 59 резервными

дивизиями, которыми, по нашим данным, располагает германское командование; но необходимость быть настороже также и на английском фронте и между Уазой и Реймсом не позволила сделать больше; судя по данным разведки, наши резервы почти наверное расположены позади того фронта, где они потребуются.

Со времени реорганизации командования 2 июня III армия (Умбер), на которую будет направлено германское наступление, имея в своем составе семь дивизий, занимает полосу от р. Уазы до Мондидье. Что касается местности, то эта полоса делится ручьем Матц на две различных по характеру части: на востоке — заросшая, неровная местность, называемая «*Малой Швейцарией*», на западе — голая равнина Пикардии.

С востока от Матца оборона, которой помогают природные условия, опирается, кроме того, на укрепления, возведенные с 1914 по 1917 г.; с западной стороны речки она слабее, так как мы пришли туда только в конце мартовских и апрельских боев. III армия располагает двумя позициями: первой — хорошо укрепленной, второй — более слабой, местами едва намеченной.

В соответствии с директивами о ведении обороны в зоне западнее Уазы Умбер составил план обороны, который предусматривает, на случай атаки, сопротивление на первой позиции. В начале июня III армия создала весьма прочные оборонительные сооружения и имеет возможность изменить указания Фоша, запрещающие соединениям всякое самовольное отступление во время боя. Однако, опыт боев на Шмен-де-Дам послужил ярким примером того, что опасно принимать первоначальный удар на первой позиции. 4 июня, при первом известии об ударе, готовящемся западнее Уазы, Петэн приказывает Файолю как можно скорее изменить план обороны III армии так, чтобы сопротивление было перенесено за передовые линии первой позиции. Файоль и Умбер спешно берутся за выполнение этой задачи; 5 июня была определена новая позиция сопротивления: такой позицией явились теперь редюиты первой позиции. Однако, хотя дивизии в ночь с 5 на 6 июня начинают передвижение с целью занятия новых позиций, не всем удается полностью закончить совместное размещение пехоты и артиллерии к 9 июня, дню германского удара. Командование дивизий и корпусов также мало подготовлено к ведению сражений по совершенно

измененному плану. По крайней мере, командующий армией на этот раз не делает той ошибки в отношении артиллерии, какая была допущена 27 мая: уже 6 июня значительно усиливается запретительный огонь, а 7 июня начинается контрподготовительная стрельба, как будто бы перед началом удара. Наконец, 8 июня, почти уверившись, что штурм начнется назавтра с рассветом, Умбер приказывает открыть мощный огонь по зонам предполагаемого сосредоточения пехоты противника, затем, с 22 ч. 50 м. до 23 час. — общий контрподготовительный обстрел.

XIV. В полночь германская артиллерия открывает огонь, чтобы, по принятой формуле, подготовить штурм пехоты. Обстрел, распределенный по фронту Нуайон, Мондидье на глубину в 10—12 *км*, продолжается до 3 ч. 45 м. 9 июня. Тогда 18-я германская армия бросается на штурм от Айенкура (2 *км* южнее Мондидье) до Тьекура, затем, в 6 час.— от этого селения до Уазы. На этом фронте, протяжением в 34 *км*, идут в бой 13 дивизий, но главная сила удара направлена в центр, шириной в 18 *км*, от Ролло до Тьекура, где расположены девять дивизий, между тем как каждый фланг от Тьекура до Уазы (7 *км*) и от Ролло до Айенкура (9 *км*) имеет лишь по две дивизии. По мощности этот удар не может сравниться ни с ударом 21 марта, ни с ударом 27 мая, произведенными 20 дивизиями в первой линии. На Шмен-де-Дам группа прорыва в 12 дивизий шла против трех англо-французских дивизий. На этот раз она имеет девять дивизий против трех с половиной (58-й, 125-й, спешенной кавалерийской и половины 53-й). Разница в силах хотя и значительна, но все же менее разительна.

План удара фон-Гутьера был выполнен хорошо. Он заключался в нанесении удара по долине Матца и к западу, с целью быстрого охвата массивов *Малой Швейцарии*, которую захватят, окружив ее с юга. Этому благоприятствует то обстоятельство, что две находящихся на этой части фронта дивизии, 58-я и 125-я, принадлежат к тем, которым не удалось изменить свое расположение; на их позиции прикрытия слишком много войск, на позициях сопротивления — недостаточно. Первый удар раздавил их. В 10 час. противник уже в Рессон-сюр-Матц, в 11 час. он захватывает наши вторые позиции на протяжении 12 *км*, от Мери до Марейль-Лямота. После этого он начинает охват плато и лесных массивов с востока от Матца, Пле-

мон, плато Сен-Клод, Буа-де-Тьекур, которые он одновременно штурмует с севера. Зато на наших флангах удар с самого начала разбился о наши дивизии. Но продвижение немцев в середине не останавливается и уже угрожает Компьеню.

Однако, 9 июня фон-Гутьер не имел перед собою, как было 27 мая с фон-Беном, растерявшееся и тотчас же лишившееся всех материальных средств ведения боя французское командование. Хорошо осведомленные Файоль

Схема 7. Сражение при Матце с 9 по 13 июня

и Умбер действуют спокойно: их приказы выполнимы, резервы расходуются планомерно и экономно, располагаются на определенных участках местности. Даже потеряв позиции сопротивления, они воздерживаются от намерения тотчас же вернуть ее и бросить прибывающие дивизии в частичные контратаки, где они были бы бесполезно истощены.

С самого начала сражения Умбер подкрепил одной дивизией каждую сторону мешка, куда углубляется противник, и с помощью резервов группы армии он тотчас же приводит еще четыре дивизии, чтобы задержать продвижение противника в центре. Таким образом, к концу дня

противника удерживают на линии Мери, Белуа, Маркеглиз, Ванделикур.

10 июня штурм продолжается, но немцы продвигаются лишь немного западнее Матца. На востоке они действуют удачнее: там они утверждаются на правом берегу Уазы, между Монмаком и Семпиньи, заставив нашу правофланговую дивизию (72-ю) отступить на другую сторону реки.

Но это местный успех, а в общем итоге наша оборона, организованная в глубину, опирающаяся на многочисленную авиацию и артиллерию, по-видимому, хорошо справилась с неприятелем. Файоль считает, что настал момент для контрудара с целью заставить противника окончательно остановиться.

Удар будет произведен пятью дивизиями, находящимися пока в резерве. Четыре пойдут на штурм первым эшелоном, каждая опираясь на танковую группу, пятая составит второй эшелон. Части, назначенные для контрудара, будут сосредоточены на западном фланге мешка, образованного противником в нашем расположении; они двинутся с исходного положения Курсель, Мери, Вакмулен в направлении к востоку.

По настоянию Фоша удар назначается на 11 июня; им будет руководить генерал Манжен, снятый с командования VI армией после апрельских ударов 1917 г. и назначенный в I армию, в резерв командования.

Несмотря на краткость срока, все готово утром 11 июня, благодаря энергии Манжена, и в 11 час. утра французские дивизии бросаются на штурм. Успехи их неравномерны: на севере, под огнем частью во фланг германских батарей с массива Ролло, Булонь-ля-Грасс, они довольно скоро останавливаются; на юге, где они лучше укрыты от артиллерийского огня, продвижение легче. В итоге победа доставляет нам деревни Мери и Беллуа, 1 000 пленных и 10 орудий. В первый раз после 21 марта французское наступление увенчалось успехом.

Важно, однако, остановить наступление, как только оно достигло цели поразить противника, не дожидаясь, чтобы оно захлебнулось на поле сражения перед превосходными силами противника. Мы считаем, что фон-Гутьер ввел в бой только десять дивизий, взятых из 59 резервных дивизий, большая часть которых все еще находится между Соммой и морем в группе армий кронпринца Рупрехта. Поэтому мы должны быть наготове каждую минуту вы-

ступить на поддержку англичан. На необходимость этого Фош сослался еще 9 июня, отказывая Петэну в поддержке 22-го английского корпуса. Эта необходимость заставляет нас крайне экономно расходовать свои резервы. 12 июня Фош и Петэн соглашаются остановить контрнаступление III армии.

В этот же день противник также прерывает действия на правом берегу Уазы; 7-я армия, напротив, штурмует с некоторым местным успехом местность между р. Эн и лесом Виллер-Котрэ; однако, 13-го она не продолжает этой операции, и с этого дня на французском фронте от Шато-Тьери до Мондидье устанавливается затишье. Сражение при Шмен-де-Дам закончено.

XV. Для союзников оно окончилось неудачей, которая глубоко отозвалась во Франции, как в стране, так и в армии. 4 июня в палате Клемансо должен был встать на защиту Фоша и Петэна, подвергшихся нападкам социалистов и левого крыла собрания. Армия, до 27 мая такая гордая своими действиями в марте и апреле во Фландрии и в Пикардии, с тревогой спрашивает себя, как могло высшее командование дать так застигнуть себя врасплох и так долго не суметь восстановить сопротивление. Материальные потери тяжелы. С 27 мая по 16 июня, т. е. за время сражений при Шмен-де-Дам и Матце, потери убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести достигают следующих цифр:

	Офицеров	Солдат
Французы	3 424	135 736
Англичане	1 306	27 373
Американцы	16	458

Кроме того, 212 орудий, большая часть которых приведена в негодность, попали в руки немцев.

С точки зрения стратегической успех германцев значительно стесняет нашу свободу маневрирования. Большая железнодорожная линия Париж—Нанси отрезана. Германские армии по долинам Уазы и Марны подошли на расстояние 70 *км* к столице, защита которой от нового наступления заставляет нас держать большие резервы между Бовэ и Марной. Но сражение как раз сильно истощило наши резервы. В конце его, 11 июня, Петэн имеет в резерве всего пять дивизий. 17 июня из 27 дивизий, имеющихся в его распоряжении (из которых одна итальянская и одна бри-

танская, неукомплектованная), у него только девять боеспособных дивизий и шесть дивизий кавалерии; девять дивизий восстанавливаются, но семь еще не восстановлены.

Итак, Людендорф полностью выполнил свой план — отвлечь французские резервы дальше от театра действий во Фландрии; кроме того, он их значительно ослабил. В конечном итоге, он нанес тяжелый удар французской армии. Однако, он купил этот успех дорогой ценой.

Благодаря неожиданному успеху с самого начала демонстративный удар превратился в поход на Париж, и туда пришлось дать 39 дивизий из армии фон-Бена и десять из армии фон-Гутьера, так что германский кронпринц израсходовал почти все свои резервы и должен был взять несколько дивизий баварского кронпринца. Прекращение действий создало между рр. Эн и Марной сильно выдвинутый опасный мешок, а на правом берегу Уазы—выступ Мондидье. 7-я армия подвергается опасности быть атакованной с двух флангов; ее снабжение должно итти по железной дороге через мосты Суассона, обстреливаемые нашей дальнобойной артиллерией и авиацией. Это положение не может продолжаться бесконечно. В то же время английская армия, которую Людендорф продолжает считать главным объектом, против которой он всегда хотел направить решающий удар, отдыхала в течение полутора месяцев и за этот срок восстановила свои силы.

Можно ли, однако, осуждать германское командование за то, что оно совершило крупную ошибку 28 мая, дав приказ продолжать наступление, которое оно сначала ограничило линией южнее склонов р. Вель? Кто посмеет упрекнуть его за то, что оно приняло протянутую судьбой руку и схватилось за возможность победы, от которой оно ждало захвата Парижа? Нет, Людендорф действовал разумно; он одержал действительно крупный успех. Сумеет ли и сможет ли он использовать его — вот вопрос, возникший в середине июня.

ГЛАВА VII

В ОЖИДАНИИ НОВОГО ГЕРМАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

(15 июня — 15 июля 1918 г.)[1]

I. Людендорф и Гинденбург против мирных переговоров. Их взгляды на продолжение наступления. План удара в Шампани. II. Конфликт между Фошем и Петэном. III. Австрийское наступление в Италии. IV. Восточная армия. V. Союзному командованию не удается выяснить намерения противника (15—30 июня). Фош готовит новое наступление. VI. Сведения, добытые с 1 по 9 июля. Приготовления к отражению удара в Шампани и во Фландрии. VII. Союзное командование узнает о германских планах (10—12 июля). Фош принимает план обороны и наступления в Шампани. VIII. Директивы об обороне. Французские войска уверенно ждут германского удара в Шампани.

I. В этой стадии войны, после трех месяцев блестящих, но безрезультатных успехов, перед политическими и военными деятелями Германии снова, на этот раз еще тревожнее, встает тот же вопрос, который приходилось решать после выхода России из войны: могут ли центральные державы силой оружия навязать желательный им мир? Не пора ли вступить в переговоры о мирном соглашении? 1 июня принц Рупрехт Баварский советует канцлеру начать переговоры с союзниками, он уже не верит в возможность решительного успеха на поле сражения. В начале июня министр иностранных дел Кюльман старается завязать сношения с Англией, которой он даст знать, что Германия готова договориться о западе на основе status quo ante, т. е. отказаться от притязаний на Бельгию. 24 июня, не посоветовавшись предварительно с канцлером Гертлингом, все более отходящим от дел, Кюль-

[1] Схема 8. Сражение в Шампани с 15 по 17 июля 1918 г.

ман заявляет с трибуны рейхстага, что «*нельзя добиться конца войны одним оружием без дипломатических переговоров...*». Это неожиданное выступление вызывает сильное волнение и резкие протесты со стороны правого крыла. Оно заставляет Гинденбурга тотчас же телеграфировать Гертлингу, который 1 июля приезжает в Спа. На другой день, 2 июля, Гинденбург и Людендорф набрасывают перед канцлером картину политических требований, от которых они не отступятся. Бельгия, разделенная на два государства — Фландрию и Валлонию — должна быть присоединена к Германии в самом полном смысле, она не будет иметь армии. На востоке Польша, вполне подчиненная германскому влиянию, должна будет отдать Германии все нужные ей земли. Оба генерала прибавляют, что они отказываются впредь сотрудничать с министром иностранных дел. Император становится на их сторону: 8 июля он отставляет Кюльмана и заменяет его адмиралом Гинце.

Этот случай показывает, насколько еще военное руководство верит в победу. 24 июня в рейхстаге, возражая Кюльману от лица националистов, граф Вестарп воскликнул, что германский меч завоевал мир на восточном фронте и он же завоюет его и на западном. Таково же мнение Гинденбурга и Людендорфа. Они чувствуют еще в своих руках оружие достаточно сильное, чтобы навязать противнику мир, если не такой, о каком мечтали до 21 марта, то во всяком случае *почетный*, с захватом больших земель как на западе, так и на востоке.

Смогут ли германские войска завоевать этот мир, ограничиваясь оборонительными действиями, испытывая тяжелый кризис в живой силе[1], в то время как силы союзников все возрастают благодаря прибытию американских войск? Людендорф обсуждает это решение и приходит к выводу, что только наступление может принести победу достаточно быстро, пока еще прибытие американцев не дало ощутительных результатов.

С 14 июня, как только закончилось сражение на Матце, Людендорф намечает основы нового удара. Он все еще считает, что решающей операцией должно быть наступление во Фландрии, но и на этот раз он решает отсрочить его, потому что находит, что союзники сосредоточили слишком сильные резервы позади и вблизи английского фронта.

---

1 См. гл. I, стр. 16.

Поэтому он решает раньше произвести демонстративное наступление, чтобы оттянуть и удержать французские резервы от фламандского фронта. Эта операция невозможна между Соммой и Марной, где французы сосредоточили слишком крупные резервы для защиты столицы. Зато полоса между Шато-Тьерри и Аргоннами представляет хорошие условия. Позади этой полосы немного резервов, и, наконец, что очень важно, удар в этом месте выведет 7-ю армию из опасного мешка на Марне.

Как всегда, с самого начала демонстративной операции во Фландрию будут отправлены артиллерия, минометы,

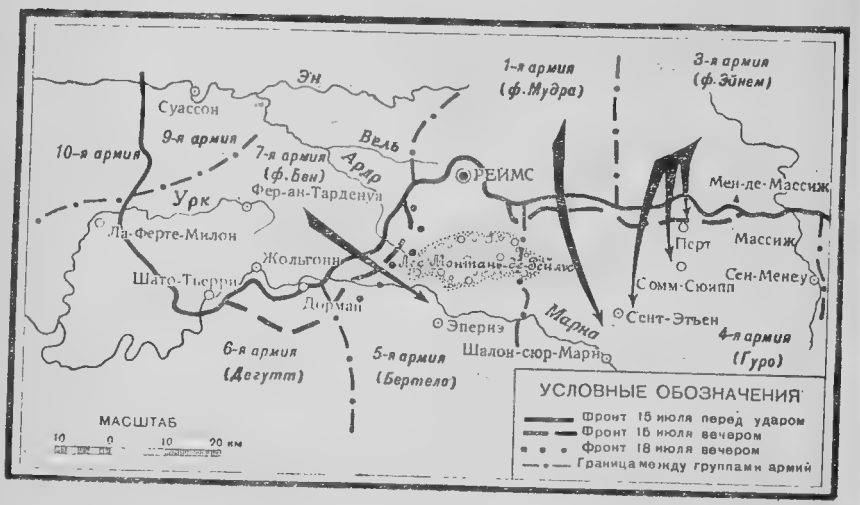

Схема 8. **Сражение в Шампани с 15 по 17 июля 1918 г.**

авиация, назначенные для операции, так чтобы через 15 дней кронпринц Рупрехт мог перейти к наступлению. Как только начнется сражение во Фландрии, германский кронпринц ударит по обоим берегам Уазы в направлении Парижа, в то время как кронпринц Рупрехт двинется на Амьен своим левым флангом.

Демонстративная операция в Шампани соответствует этим грандиозным замыслам по важности поставленных целей и количеству занятых сил. К югу от Реймса 7-я армия (фон-Бем) перейдет Марну восточнее Шато-Тьерри и пойдет на Эперне по обоим берегам реки; между рр. Эн и Марной, фронтом к таинственному лесу Виллер-Котрэ, ее будет при-

крывать новая армия, 9-я (генерал фон-Эбен), штаб которой 9 июля берет командование над полосой между Уазой и Ля Ферте-Милон. Восточнее Реймса 1-я армия (фон-Мудра) сначала дойдет до Шалона. Ее удар будет прикрываться 3-й армией (фон-Эйнем) фронтом к востоку и юго-востоку, которая продвинется до линии Сент-Этьен, Сомм-Сюипп, Перт, затем правым флангом до Шалона. Под прикрытием 9-й и 3-й армий 7-я и 1-я армии, соединившись на Марне от Эпернэ до Шалона, используют свой успех, продвинувшись к югу. Выступ, образованный городом Реймсом и северной частью Монтань-де-Реймс, не подвергнется удару. Его падение будет естественным результатом концентрического движения 1-й и 7-й армий.

Демонстративное наступление, осуществленное под командованием кронпринца, будет иметь исходную полосу в 120 *км*, считая бездейственный сектор у Реймса. В нем будут участвовать 47 дивизий, из них 21 дивизия — 7-й армии, 14 дивизий — 1-й и 12 дивизий — 3-й, при поддержке 2 000 батарей. Удар назначен на 15 июля ввиду необходимости переформировать и дать отдых дивизиям, предназначенным для удара, большая часть которых участвовала в боях при Шмен-де-Дам. Наступление во Фландрии начнется 1 августа.

Вторично Людендорф откладывает решительный удар. Он знает, однако, что с мая прибывает все больше и больше американских войск; он не может не знать, что 1 августа, после трехмесячного отдыха, моральное и физическое состояние англичан будет уже не то, что 29 апреля, после сражения во Фландрии. Однако, демонстративное наступление в Шампани задумано в таких широких размерах, что можно спросить, оставит ли оно достаточно сил для удара на англичан 1 августа.

Решительное наступление во Фландрии, остановленное на главных линиях в начале мая, должно начаться 4-й и 6-й армиями севернее р. Лис в общем направлении на Дюнкерк и Кале; оно требует участия 47 дивизий и от 1 100 до 1 200 батарей на исходной полосе в 43 *км*. В первых числах мая баварский кронпринц начал отводить с фронта дивизии, предназначенные к участию в наступлении, для отдыха и подготовки, но в конце июня из собранных им 32 дивизий 14 дивизий он должен уступить германскому кронпринцу для наступления в Шампани; словом, все расчеты меняются. Как теперь восстановить число

47 дивизий? К оставшимся во Фландрии 18 дивизиям Людендорф обещает прибавить еще 8 дивизий, когда понадобится, но все же нехватает еще 21 дивизии. Кронпринц Рупрехт старается пополнить это число, постепенно уводя с фронта позиционные дивизии, но, как бы то ни было, они не могут сравниться с ударными дивизиями для использования при наступлении.

Итак, имеются важные неудобства, оставшиеся на передовых линиях позиционные дивизии принуждены растягивать фронт, что делает их положение опасным и утомительным. Под действием английской артиллерии, обильно снабженной боеприпасами, они ежемесячно теряют в среднем 1 000—2 000 чел., а депо нелегко дают пополнения; наконец, ввиду свирепствовавшего в мае и июне гриппа, у них 1 000—1 200 больных. К началу июля состав дивизий сократился до 2 000—3 000 чел., и восстановить его невозможно; число человек в батальонах не превышает 675. При этих условиях будет ли у кронпринца Рупрехта достаточно средств для решительного наступления против англичан? В некоторых военных кругах возникают сомнения в этом, и кронпринц считает, что сражение в Шампани может стать высшей точкой наступления, после чего германские войска должны будут перейти к обороне. В середине июля будущее германской армии рисуется не в радостных красках.

II. Если у Гинденбурга и Людендорфа бывают столкновения с правительством, если подчиненные сомневаются в ценности их замыслов, то Фош в это же время также встречается с подобными трудностями. Только что он успокоил Хейга в отношении переброски английских резервов на французский фронт, как ему приходится защищать свои мнения против Петэна.

После окончания сражения на Матце Петэн продолжает сильно опасаться германского наступления на Париж. По директиве, посланной им Кастельно 23 июня в дополнение к директиве 30 мая с указаниями на случай отступления войск на восточной части фронта (II, VIII и VII армий), видно, что он опасается колебания всего французского фронта. По его мнению, Фош, обеспокоенный возобновлением наступления против англичан, не придает должного значения возможности удара на Париж. Под влиянием этой навязчивой идеи он в мае упорно удерживал половину французских резервных дивизий возле Уазы, чему

немцы в большой мере обязаны успехом у Шмен-де-Дам. Неужели он будет упорствовать в этой ошибке? В то же время французская армия с 21 марта истощается, постоянно жертвуя собой ради союзников. К 15 июня ее 81 дивизия на передовых позициях и 19 резервных занимают 670 *км* фронта, а англичане, имея 37 дивизий на передовых линиях и 18 в резерве, занимают 150 *км;* распределение явно неравномерное. И вот, 17 июня Петэн пользуется приказом Фоша об отправке нескольких артиллерийских полков во французскую армейскую группу в Бельгии как предлогом для ссылки на договор в Бовэ и обращается к правительству относительно его несогласия с мнениями верховного главнокомандующего союзными армиями. В этот же день он вступает в спор с Фошем о теоретических методах ведения обороны.

16 июня Фош разослал всем главнокомандующим союзными армиями директиву, где он резюмировал выводы, которые можно извлечь из опыта сражения при Шмен-де-Дам в отношении ведения обороны; он придавал важное значение разведке, дающей возможность избежать внезапности, и необходимости одновременно или заранее занять по тревоге первую и вторую позиции, во всяком случае последнюю в главных пунктах; он рассчитывает избежать этим внезапного прорыва и обеспечить прибытие резервов к полю сражения.

Петэн считает эту теорию бесполезной и недейственной; бесполезной, потому что армии уже получили достаточно директив о ведении боя; недейственной и даже ошибочной, потому что никогда нельзя быть уверенным в своевременном получении сведений о противнике, а если даже это удастся, то нельзя надеяться иметь достаточно сил, чтобы занять крупными соединениями и первую и вторую позиции, которым угрожает удар. Итак, он отказывается передать войскам директиву верховного главнокомандующего союзными армиями.

Председатель совета министров и военный министр отдают себе отчет, что нельзя оставить дела в таком положении, не рискуя помешать работе единого командования. После обсуждения в военном комитете Клемансо решает, что соглашение в Бовэ не касается Петэна, который полностью подчинен Фошу.

III. С тех пор как на высшем военном совете 2 мая в Аббевиле полномочия Фоша были распространены на италь-

янский театр войны, он убеждал Диаца начать наступление, которое нанесло бы сильный удар инертной и нерешительной австрийской армии или, по меньшей мере, заставило бы немцев послать с французского фронта войска для поддержки союзников. Но в конце мая он соглашается, чтобы итальянская армия ждала, не нанося удара, наступления австрийцев, о котором разведка сообщает, что оно будет сильное и неизбежное.

В самом деле, в соответствии с обязательствами, которые он принял 11 мая в Спа, Арц 15 июня наносит удар четырьмя армиями на фронте в 150 *км* между горным районом Азиаго и морем. В этой операции участвуют 50 дивизий из 63, находящихся в Италии. 20 июня австрийцы терпят полное поражение, и 23-го им приходится отступить за р. Пиаве, которую они перешли в нескольких местах. Их потери велики — 150 000 убитыми, ранеными и пленными; их моральное состояние, и перед атакой не блестящее, теперь совсем падает.

Поскольку австрийцы окончательно переходят в Италии к обороне, они должны, по крайней мере, дать войска на французский фронт, и Людендорф тотчас же требует шесть дивизий. Требование наталкивается, как и в декабре 1917 г., на противодействие императора, а в особенности императрицы Зиты. Однако, после осторожных переговоров Арц решается послать две дивизии по «доверию», сформированные — одна из австрийцев, другая из венгерцев и словаков; еще две будут даны в августе.

Что касается союзников, то поражение австрийцев позволяет надеяться, что итальянское наступление сможет помочь войскам французского фронта. В начале июля итальянская армия, насчитывающая 1 305 201 бойца, в составе 57 дивизий (из них 3 английских, 2 французских и 1 чешская), численностью равняется австрийской армии; она превосходит ее в отношении материальной части; к тому же французское правительство снабдило итальянскую армию танками и ипритными снарядами. Но итальянское командование находится под впечатлением потерь, понесенных во время последнего сражения; итальянцы продолжают опасаться возобновления австрийцами наступления, а еще больше — появления в Италии немецких дивизий.

Фош должен считаться с этим состоянием духа; он довольствуется тем, что просит итальянское командование

начать наступательные действия и в гористых районах провести ряд местных атак, которые явятся хорошей подготовкой для общего наступления на всех фронтах, которое союзники предпримут, *по всей вероятности, в сентябре*.

Итак, с обеих сторон борьба будет продолжаться на французском фронте, а итальянцы и австрийцы будут простыми зрителями.

IV. В Салониках генерал Гильома, прибывший туда 22 декабря 1917 г., счастливо устроил восточную армию; во главе ее стоит теперь межсоюзный штаб с хорошо организованными отделами. Усердно работая над улучшением своих позиций, она подняла свое моральное состояние благодаря планомерным сменам, периодическому обучению и отдыху. С марта увеличиваются силы ее ввиду постепенного прибытия греческих дивизий; в июле она будет иметь 26 дивизий (8 французских, 6 сербских, 6 греческих, 4½ английских, 1 итальянская), т. е. более 430 000 бойцов. Против нее, по данным нашей разведки, болгарская армия имеет не более 17 дивизий, состав которых не превышает 400 000 чел.; состояние ее малоудовлетворительное.

В соответствии с инструкциями, полученными ею 16 декабря 1917 г., восточная армия до сих пор держалась оборонительного положения; ее деятельность ограничивалась несколькими налетами. Это поведение оправдывалось тем, что не все австро-германские войска были заняты на западном фронте; но приемлемо ли оно в июле, когда мы уверены, что болгары не будут поддержаны союзниками настолько, чтобы перейти к наступлению, и когда мы значительно превосходим их количеством и боеспособностью войск? Фош не думает так, и 3 июля в высшем военном совете он старается заставить союзную восточную армию как можно скорее перейти в наступление. Здесь он наталкивается на противодействие Ллойд Джорджа, которое заставляет его бояться, что план удара на Балканах если и не будет отвергнут, то станет предметом изучения и рассуждений, которые сильно задержат его выполнение [1].

Фош принимает меры, чтобы восстановить в России фронт, который помешал бы немцам продолжать отзывать с востока свои дивизии для усиления армий во Франции. Он предлагает, чтобы сильные японские войска, поддержанные несколькими американскими полками, двинулись

[1] Положение и действия союзных армий на востоке рассмотрены в гл. X.

через Сибирь, имея в авангарде 45 000 чехов, освобожденных из лагерей военнопленных в России. В июле французское, английское и американское правительства вступают в соглашение для организации интервенции на этих основах, но эта диверсия поневоле не сможет дать скорое облегчение войскам западного фронта.

V. Итак, в период, следующий за сражением на Матце, Фош и главнокомандующие союзными армиями не смогут рассчитывать на какую-либо поддержку войск, занятых на внешних театрах войны; они знают, что им придется, как и до сих пор, нести всю тяжесть германского давления; они все согласны в том, что немцы очень скоро возобновят наступление. Но до конца июня мы не можем установить, на какую часть нашего фронта будет направлен следующий удар. Мы хорошо знаем, что он будет мощным, так как установлено, что противник имеет в резерве 75 дивизий. Мы считаем, и это подтвердилось впоследствии, что раньше 15 июля удар не состоится; но расположение германских резервов, размещенных от Северного моря до Аргонн, не дает никакого указания на возможное направление удара; наша разведка может лишь утверждать, что ничто не угрожает французскому фронту между Аргоннами и Швейцарией.

Ввиду этой неточности высшему союзному командованию приходится ограничиваться предположениями относительно намерений противника. Вначале Фош, как и Хейг, думает, что немцы направят свой удар против англичан; затем, 1 июля, он заявляет, что Париж и Аббевиль представляют не менее интересные объекты по своему значению и близости к расположению германских войск и что, следовательно, нужно расположить главную часть союзных резервов фронтом к полосе Шато-Тьери, Ланс. Петэн думает, что объектом удара может быть только Париж, падение которого имело бы тяжелые последствия для союзников, и что резервы должны быть размещены исключительно в направлениях, угрожающих Парижу.

Если сравнить план Людендорфа с намерениями, приписываемыми ему союзным командованием, видна большая ошибка последнего. Она, естественно, сказалась на расположении наших резервов, законченном к 1 июля, которое плохо обеспечивает защиту фронта в Шампани, где готовится германское наступление. По крайней мере, после конфликта с Петэном, около 17 июня Фош уступил дово-

дам французской стороны и уменьшил тяжесть, возложенную на наши армии, сравнительно с английскими войсками. Северная армейская группа численностью в шесть дивизий была возвращена нам, а мы в то же время вернули Хейгу 22-й британский корпус в составе двух дивизий, участвовавший в сражении при Шмен-де-Дам. Благодаря этому британская армия к 1 июля располагает всеми своими силами, 52 дивизиями, и Петэн считает, что к 10 июля основная масса резервов в 24 дивизии (из них 3 американские) с 3 кавалерийскими дивизиями расположится между Соммой и Марной, с тем чтобы прикрывать Париж. Зато позади фронта в Шампани, где через две недели последует удар, от Шато-Тьерри до Аргонн будет лишь 5 дивизий и 3 кавалерийские. Гильома, вызванному для этого из Салоник, поручается оборона Парижа. Под начальством Фоша он будет командовать французскими войсками, действующими в долинах рр. Уазы и Марны, в том случае, если немцы достигнут линии Мо, Крейль, долина Терэна.

Но даже в этот период неуверенности и тревоги Фош продолжает готовить одновременно с обороной возможно более скорое наступление. К двум плацдармам, подготовляемым в соответствии с прежними приказаниями, в равнине р. Лис и между Уазой и Соммой, он добавляет третий. С 14 июня он приказывает разработать наступление нашей X армии (Манжен), целью которого будет захват плато, господствующего западнее Суассона.

Наша артиллерия всех калибров обстреливает железную дорогу Лаон—Суассон—Фим, единственную артерию, обеспечивающую снабжение 7-й германской армии в мешке у Марны. 20 июня Петэн одобрил план операций, разработанный Манженом.

VI. Полная неизвестность относительно намерений противника, в которой находилось до конца июня союзное командование, рассеялась в период с 1 по 9 июля. Наша служба разведки на этот раз точно устанавливает место готовящегося удара — Шампань.

Удар противника будет произведен от Шато-Тьерри до Мен-де-Массиж, с обеих сторон выступа фронта у Реймса, который не будет атакован. В эту операцию входят переправа через Марну юго-западнее Реймса и продвижение по обоим берегам реки в направлении на Эперне. Судя по протяжению фронта удара, он потребует участия 40—45

дивизий из общего количества 75, которыми мы исчисляем резервы противника.

В направлении Парижа не предвидится наступления. Но британский главный штаб утверждает, что удар во Фландрии неизбежен.

Итак, союзное командование не узнало о всех намерениях противника, но, во всяком случае, оно уже вышло из той неосведомленности, при которой приходилось думать только о двух возможностях: ударе во Фландрии или в Шампани, так как вероятность одновременности этих двух наступлений устраняется. Фош утверждает расположение резервов на основании этих сведений.

Хейгу будут оставлены все его силы для отражения удара между Соммой и морем. Петэн перебросит в Шампань большую часть своих резервов, назначенных защищать Париж. Таким образом, к 9 июля у него в резервах от Шато-Тьери до Аргонн будет 16 дивизий и 3 дивизии кавалерии; между Марной и Соммой он оставит 15 дивизий и 3 кавалерийские дивизии, либо для того, чтобы поддержать англичан, либо для того, чтобы быть переброшенными к месту сражения в Шампани. В это время позади французского фронта от Аргонн до Швейцарии совсем не останется резервов.

В этот период, с 1 по 9 июля, ожидая удара, который по размаху превосходит все предыдущие, Фош, не колеблясь, придает еще большие размеры своему проекту наступления в мешке возле Марны. Об этом просят оба командующих армиями. Во время местных атак, произведенных с середины июня, VI армией — для укрепления своих оборонительных позиций, X армией — для занятия удобного исходного положения, Манжен и Дегутт добились местных успехов, давших нам 3 000 пленных и обнаруживших снижение боеспособности германских войск. Тогда 5 июля Манжен предлагает увеличить размеры наступления, о котором он получил приказ, настолько, чтобы совершенно уничтожить мешок у Шато-Тьери. 8 июля Дегутт просит разрешения атаковать противника одними собственными силами с целью захватить плато между рр. Урк и Марной. Петэн тотчас же одобряет оба проекта, и Фош приказывает V армии принять участие в наступлении X и VI армий и ударить с востока на край мешка у Марны. Однако, новые данные о противнике, полученные с 9 июля, заставят сильно изменить первоначальный план наступления,

VII. В самом деле, сведения, полученные за три дня — 10, 11 и 12 июля, — рассеивают все существующие сомнения. Покров сорван: германский удар в Шампани представляет, безусловно, грандиозную операцию, которая будет выполнена тремя армиями от Жольгона до Мон-де-Массиж, причем выступ фронта у Реймса останется пассивным участком; удар будет нанесен 14 или 15 июля. Наступление во Фландрии откладывается, и, начиная с 24 июня, резервы кронпринца баварского перебрасываются в группу армий наследного кронпринца.

Узнав о планах противника, Фош тотчас же принимает решение. Он старается привести колоссальное сражение в Шампани к тяжелому поражению немцев, стянув туда все наличные войска союзников и сочетав выгоды обороны, знающей о намерениях противника, с выгодами внезапного наступления.

Петэн переведет к месту сражения не только все резервы, стоявшие до этих пор между Уазой и Соммой, но даже те три дивизии, которые он хотел сохранить на всякий случай северо-восточнее Парижа. Хейг пошлет в Шампань армейский корпус в составе четырех дивизий, который начнет выгружаться 15 июля в районе Ревиньи, Витри, и будет готов послать второй корпус такой же численности. Чтобы не лишать резервов фронт между Уазой и Соммой, он переведет две дивизии южнее Соммы. Фош указывает на важность удара англичан на фронте Фестюбер, Робек в случае, если большая часть германских резервов будет участвовать в сражении в Шампани.

Приняв эти меры, союзники будут располагать для сражения в Шампани 38 дивизиями резерва (29 французскими, 5 американскими и 4 английскими) и 6 дивизиями кавалерии. Из этого числа 24 дивизии и 3 кавалерийские дивизии предназначены для обороны, для которой, считая 20 дивизий, уже находящихся на передовых линиях, у нас будет 44 дивизии пехоты. Это — недостаточные силы по сравнению с силами противника, который нанесет удар, по нашим данным, 60 или 70 дивизиями, но мы рассчитываем, с одной стороны, на планомерное приложение нашей теории обороны, теперь уже четко разработанной, с другой стороны — на наш удар между рр. Эн и Марна.

Утвердив мероприятия для сражения в Шампани, Фош решил превратить готовящееся наступление наших войск в мешке у Марны в контрнаступление. Без сомнения, V армия, которая подвергнется удару, не сможет теперь

участвовать в этой операции, но зато X и VI армии, при условии сохранения своих приготовлений в полной тайне, должны произвести решительное воздействие на немецкие армии, занятые южнее Марны и расположенные фронтом к востоку, между Марной и Реймсом. Из резервов, стянутых в Шампань, 14 дивизий и 3 кавалерийские дивизии назначены для контрнаступления. Итак, наши две армии начнут наступление с 24 дивизиями при поддержке более 2 000 орудий и 520 средних и легких танков.

Это — значительные силы, которые не примут участия в обороне, пока не наступит момент перехода в контрнаступление. Но эта операция требует еще некоторых приготовлений и сможет начаться, самое раннее, 18 июля. Фош обращает внимание Петэна на необходимость пойти на риск и ничего не отнимать от соединений, назначенных для наступления, что бы ни произошло во время оборонительного сражения. Если, согласно полученным нами сведениям, германское наступление начнется 14 или 15 июля, у нас будет 3 или 4 дня, в течение которых атакованные французские армии должны будут держаться, несмотря на превосходство сил противника, только теми средствами, которые им даны по плану распределения резервов. Они уверены, что выполнят возложенное на них задание.

VIII. Три армии, которые поведут оборону,—IV (Гуро), V (Бертело), VI (Дегутт),—сведены в группу армий, прежде называвшуюся северной группой армий (G. A. N.) и после 6 июля переименованную в группу армий центра (G. A. C.) под командованием генерала Мэстра, сменившего Франше д'Эспере. Файоль будет руководить наступлением, для которого располагает X армией (Манжен), принадлежащей к его группе армий (G. A. R.), и VI армией (Дегутт), подчиняющейся ему тактически, в отношении сил, которые будут участвовать в ударе к северу от Марны.

После опыта боев на Шмен-де-Дам французская теория обороны установлена окончательно; она ясно изложена в последних директивах Петэна от 24 июня и 2 июля, которые Фош приказал 3 июля еще более уточнить там, где дело касается задач сторожевых охранений и занятия позиции сопротивления.

Армии, которым грозит удар, оставят на первых линиях первых позиций лишь сторожевые охранения; позади данной позиции сопротивления они изберут сильную, непре-

рывную позицию, расположенную по меньшей мере в 2 *км* от фронта противника, для того чтобы избежать комбинированного разрушительного огня минометов и артиллерии. Позади, еще более глубоко, устроена заградительная позиция на случай прорыва позиции сопротивления; она будет занята в главных пунктах резервными дивизиями и артиллерией.

Принципы даны, армиям остается применить их соответственно обстановке каждой.

IV армия, восточнее Реймса, не встречает затруднений в согласовании своего плана сражения с теоретическими установками; она стоит с 1915 г. почти без перемен на местности, для организации которой она имела 2½ года и где она могла устроить, имея очень сильную позицию первой линии, вторую позицию, расположенную в 5—6 *км* позади, подкрепленную в то же время третьей позицией. Свою линию сопротивления она переносит на превосходную промежуточную позицию, устроенную в 3 *км* от ее фронта, оставив впереди только сторожевые охранения, имея в виду, что для обороны второй позиции, которая явится заградительной, придут резервы. Приняты все меры, чтобы укрытия и тоннели, покинутые на первых позициях, были в последнюю минуту разрушены или отравлены ипритом; роли сторожевых охранений и часовых, оставленных на линии, разработаны во всех подробностях.

V и VI армии, оставленные на своих позициях в конце сражения при Шмен-де-Дам, около 4 или 5 июня располагают гораздо более слабыми оборонительными сооружениями, чем IV армия. Первые их позиции недостаточны, вторые только намечены. Для VI армии, несмотря на естественное препятствие — реку, нельзя установить позицию сопротивления на берегу реки, где ее разрушила бы бомбардировка; ее переносят на 1—2 *км* южнее, на склоны долины, в которой мы концентрируем огонь наших пулеметов и батарей, чтобы захватить немецкую пехоту в тот момент, когда она, перейдя реку, построится для атаки. Артиллерия выбирает позиции для открытия мощного огня по местам переправ противника.

Положение V армии, которая должна принять главный удар противника, еще менее благоприятно, чем VI армии. Прежде всего, 5 июня она переменила уже трех командующих, потому что Мишле сменил Бюа, который вскоре был назначен начальником штаба и заменен генералом Бертело. Ей пришлось не только организоваться для

обороны, но с 8 июня готовиться к наступлению на Фим и, наконец, в начале июля готовиться вместе с X и VI армиями к наступлению на мешок у Шато-Тьери. В этих условиях работы по созданию оборонительных сооружений не могли вестись с желательной быстротой, и план обороны несколько раз менялся. Промежуточная позиция за первой позицией представляет просто линию окопов; постройка второй только начата. Наконец, если Бертело решил, после некоторых колебаний, перенести оборону на промежуточную позицию, ему пришлось все же сохранить на некоторых важных пунктах первой позиции вместо сторожевых охранений настоящие гарнизоны, которые обнаружат свою бесполезность и непригодность с первых же часов наступления противника. Однако, несмотря на несовершенство своей обороны, французская армия ожидает удара с надеждой на победу в своем сердце и с надеждой победить и отплатить за дело при Шмен-де-Дам, от которого пострадала ее гордость. Она понимает, что планы немцев обнаружены, видит сосредоточение резервов и военной техники, меры, принятые для замаскирования нашей оборонительной тактики и подготовки контрудара. Она полна надежды, что враг попадет в западню, приготовленную Фошем. Моральное состояние армий поднято на большую высоту, — ни один из тех солдат, которые имели несчастье попасть в руки противника, не дал ни малейшего намека на наши приготовления к сражению.

Начиная с 6 июля, в группе армий центра учащают налеты с целью захватить пленных и добыть сведения; батареи производят беспокоящий огонь; они концентрируют боеприпасы, среди которых в первый раз имеются иритовые снаряды.

ГЛАВА VIII

СРАЖЕНИЕ В ШАМПАНИ И ФРАНЦУЗСКОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ 18 ИЮЛЯ[1]

I. Германский удар в Шампани (15 июля). Петэн хочет отложить французское контрнаступление. Вмешательство Фоша. II. Людендорф останавливает наступление восточнее Реймса и южнее Марны (16 июля). Сражение 16 и 17 июля. III. Французский контрудар 18 июля. Людендорф отводит войска, перешедшие Марну. IV. Германское отступление. Людендорф отказывается от удара во Фландрии (20 июля). Новое отступление немцев (23—27 июля). V. Сражение 24 июля — 5 августа. Отступление немцев на рр. Эн и Вель. VI. Результаты победы французов.

I. Полагаясь на точность сведений о противнике, три армии, входящие в группу армий центра (IV, V, VI), принимают окончательное боевое расположение в ночь с 13 на 14 июля: на первых позициях оставлены только сторожевые охранения, главные силы занимают позицию сопротивления, резервы отведены на заградительные позиции. 14 июля увеличиваются признаки неминуемого наступления; наблюдатели сообщают об увеличении движения в проходах, на дорогах, железнодорожных линиях. Наконец, в 20 час. в IV армии, благодаря налету, захватывают 27 пленных, от них узнают, что немцы будут штурмовать в эту же ночь, после 3—4-часовой артиллерийской

---

[1] Схема 8. Сражение в Шампани с 15 по 17 июля 1918 г.
Схема 9. Французское контрнаступление 18 июля 1918 г.
Источники: Манжен (ген.), «Как закончилась война» (Париж, 1920); Мюллер-Бранденбург, «От Марны до Марны» (Берлин, 1919); Штенгер, Ланге, Герман, «Поворот судьбы. От Марны до Веля, 1918 г.» (Берлин, 1930), в собрании «Сражения мировой войны», т. XXXV.

подготовки, которая начнется в 12 ч. 10 м. Эти сведения тотчас же передаются другим армиям. Начиная с 23 час., вся артиллерия группы армий центра открывает огонь, уничтожая пехоту противника, сконцентрированную для атаки, и ведя борьбу с неприятельскими батареями. Пораженному германскому командующему не остается сомнения в том, что его удар обнаружен.

15 июля, в 12 ч. 10 м., германская артиллерия начинает мощную подготовку; затем, в 4 ч. 40 м. пехота бросается на штурм как раз на той полосе фронта, где мы ее ждем. Перед IV армией она тотчас же наталкивается на серьезные препятствия, будучи охвачена сразу огнем артиллерии и автоматического оружия наших сторожевых охранений. Только около 7 или 8 час. она подходит вплотную к нашим позициям сопротивления, против которых она до 11 час. производит многочисленные, но бесплодные атаки.

На фронте V армии противник, наоборот, быстро достигает крупных успехов. В полдень французские войска еще удерживаются на позициях сопротивления, но в долине р. Ардр итальянский армейский корпус с трудом удерживается на второй позиции. Положение VI армии не менее тревожное.

Ночью, во время артиллерийской подготовки, германская пехота перешла р. Марну сначала на лодках, потом по мосткам и мостам, построенным саперами. Наши сторожевые охранения, смятенные бомбардировкой, не могли вступить в бой, и если артиллерия, расположенная для фланкирования западнее фронта атаки, значительно затруднила переправу через реку, огонь артиллерии правого фланга был менее действенным. В 6 час. VI армия ведет бой на позициях сопротивления; в 10 час. ее правый фланг оказывается отброшенным на заградительные позиции. С этого момента противник владеет южнее реки предмостной позицией глубиной в 5—6 *км*, на фронте в 14 *км* длиной.

Около 9 час., несмотря на неудачу противника восточнее Реймса, Петэн считает положение очень серьезным, во-первых, ввиду продвижения немцев против V армии, ставящего под угрозу Монтань-де-Реймс, во-вторых, ввиду продвижения южнее Марны, где можно опасаться разобщения наших VI и V армий. В помощь этим армиям он уже дал Мэстру три из дивизий резерва, сконцентрированных для оборонительного сражения, и теперь у него осталась только одна дивизия, могущая вступить в бой к югу от Марны.

При этих условиях ему кажется невозможным ждать до 18 июля, чтобы контрнаступление дало некоторое облегчение группе армий центра. В 10 час. он решается дать Файолю приказ прекратить подготовку контрнаступления, резервы которого будут питать оборонительное сражение; вначале они вместе будут участвовать в контратаке, которая будет нанесена как можно скорее, с целью отбросить противника к северу от Марны. Мэстр тотчас же подготавливает эту операцию, которая будет произведена 16 июля под командой Дегутта пятью дивизиями в первой линии и двумя дивизиями во второй линии; он усиливает V армию тремя дивизиями (из них две кавалерийские).

Но утром 15 июля Фош, ехавший в Муши-ле-Шатель [1], где он должен встретиться с Хейгом, заезжает в Ноайль, ставку Файоля; там он узнает, что Петэн приостановил подготовку контрнаступления, и немедленно применяет «*нужное исправление*» [2]. В самом деле, в то время как Петэн уступает победу противнику и готовится исправлять наше поражение, Фош считает немцев побежденными и готовится использовать успех.

По его мнению, Людендорф потерпел неудачу на всем фронте в Шампани, в 40 *км*, а его успех в долине Марны, на полосе в 20 *км*, не таков, чтобы можно было использовать его для решительного действия ранее 18 июля. Но наше контрнаступление 18 июля будет настолько внезапным и мощным, настолько угрожающим в смысле направления, что все преимущества, полученные противником, будут не только потеряны, но усугубят его поражение.

Не только нельзя останавливать контрнаступление X и VI армий, но нужно его упорно продолжать и даже усиливать. В 12 ч. 15 м. Фош телефонирует Петэну, что *никаким образом не может быть разговора о том, чтобы замедлить, а тем более прекратить приготовления Манжена* [3].

Но в то же время главнокомандующего союзными армиями беспокоит недостаток в резервах для оборонительного сражения. В Муши-ле-Шатель он добивается от Хейга, чтобы две британские дивизии, предназначенные

---

[1] Муши-ле-Шатель находится в 14 *км* к юго-востоку от Бовэ и в 3 *км* к востоку от Ноайля.

[2] Фош, «Мемуары», II, 148.

[3] Под словами «приготовления Манжена» нужно понимать приготовления X и VI армий к контрнаступлению.

следовать за двумя другими, уже отправленными на французский фронт, были также немедленно двинуты в путь; две первых он даст Петэну для группы армий центра, а двум другим приказывает выгрузиться в долине Уазы для участия либо в контрнаступлении X и VI армий, либо в оборонительном сражении, которое мы должны будем принять между Соммой и Уазой. Английское правительство и командование не могут не быть обеспокоены такой значительной убылью английских резервов; Хейг все еще убежден, что удар в Шампани является второстепенной операцией и что главное усилие противника будет направлено севернее Соммы.

Однако, в ночь с 15 на 16 июля на вопрос спешно присланного Ллойд Джорджем генерала Смутса, не следует ли протестовать против ослабления английских резервов, Хейг с исключительной честностью отвечает, что нужно «продолжать играть партию» и довериться начальнику, назначенному командовать союзными армиями.

К концу дня 15 июля сражение развивается в явно благоприятных условиях, предвиденных Фошем с утра. На фронте в полосе IV армии противник истощает свои силы в тщетных попытках сокрушить нашу позицию сопротивления; восточнее Реймса он ввел в бой значительные силы, по нашим расчетам, — 20 дивизий. Южнее Марны противник не смог значительно увеличить свои утренние успехи перед заново организованным сопротивлением, которое поддерживается энергичными контратаками на западном фланге предмостного расположения. Артиллерия VI армии осыпает снарядами мосты и переправы, построенные и строящиеся на реке; в свою очередь, воздушная дивизия дважды производит сильные бомбардировки мостов. Дегутт готовит назавтра контрудар, который должен отбросить немцев в Марну.

Положение V армии, напротив, ухудшилось. Наши части, отброшенные на вторые позиции, понесли тяжелые потери, а для поддержки осталась только одна резервная дивизия. Но может ли противник к концу первого дня грандиозного наступления считать достаточным результатом захват ненадежного предмостного расположения южнее Марны, а севернее ее — продвижение на 4—5 *км* на фронте в 14—15 *км*?

II. Действительно, германское командование очень скоро, 15 июля, поняло крушение надежд, возлагавшихся на сра-

жение в Шампани; уже вечером кронпринц приказывает 3-й армии прекратить наступление, в котором нет уже надобности ввиду полной неудачи 1-й армии. 16 июля, в полдень, Людендорф принимает решение: к востоку от Реймса 1-я и 3-я армии прекратят штурм и перейдут к обороне. Южнее Марны 7-я армия также прекратит наступление, дожидаясь решения, нужно ли перейти на север от реки; зато между рр. Ардр и Марной она будет продолжать действия, чтобы уничтожить выступ у Реймса, что будет, по крайней мере, значительным местным успехом.

Однако, хотя Людендорф не сомневается, что его план оттянуть и заставить ввести в бой крупные резервы союзников в Шампани не удался, он считает, что можно еще нанести решительный удар во Фландрии, если только не терять ни одного мгновения, чтобы сокрушить фронт англичан, лишенный французских резервов. Вечером 16 июля начинается переброска в группу армий принца Рупрехта Баварского артиллерии, авиации и дивизий, необходимых для предстоящего сражения. В конце концов, в течение двух дней, 16 и 17 июля, никакое событие в Шампани не даст германскому командованию повода думать, что наступление во Фландрии не осуществимо.

16 июля IV французская армия, уверившись, что наступление немцев остановилось на всем фронте, немедленно предпринимает ряд атак с целью вернуть позиции сторожевых охранений и продолжает эти атаки и 17 июля. Указанный Петэном контрудар VI армии также встречает перешедшего к обороне противника; но ей не удается оттеснить уже перешедших Марну немцев на значительное расстояние.

7-я германская армия не добилась на фронте нашей V армии успеха, на который рассчитывал Людендорф; она продвигается всего на 2—3 *км*. К концу дня Мэстр может дать в распоряжение Бертело две дивизии, так что в этой части поля сражения наше положение значительно улучшается.

Ввиду благоприятного изменения хода сражения и согласно указаниям Фоша Петэн стремится усилить наше контрнаступление между рр. Эн и Марной, назначенное на следующий день. Для того чтобы Дегутт смог посвятить все свое внимание удару своей армии к северу от Марны, Петэн освобождает его от руководства операциями южнее реки, которое он поручает де-Митри, командующему

IX армией [1]. Он приказывает V армии как можно скорее также начать наступление с восточного края «мешка»; он предусматривает распределение оставшихся резервов между VI и V армиями таким образом, что 17 и 18 июля у него не останется ни одной резервной дивизии. 19 июля он сможет собрать еще четыре дивизии, из которых две — первые английские дивизии, посланные Хейгом.

Однако, ход сражения в течение дня 17 июля показывает, что на фронте группы армий центра установилось равновесие, которое не может нарушить ни один из противников. Ни 7-й германской армии, ни V французской не удается продвинуться вперед. Южнее Марны VI французская армия не более счастлива в попытках оттеснить немцев за реку. Тогда Людендорф начинает думать, что союзники удовольствуются тем, что задержали удар, и что они не смогут, как не могли за 4 последних месяца, воспользоваться неудачей немцев, чтобы перейти в наступление. Ночью с 17 на 18 июля, желая сам лично решить в подробностях план удара, назначенного на 1 августа во Фландрии, он уезжает из Авена в Турнэ к принцу Рупрехту. Там утром 18 июля он узнает о контрнаступлении армий Манжена и Дегутта; он поспешно уезжает обратно в Авен, куда прибывает в 14 час.

III. Около 10 июля Людендорфу было сообщено, что французы под прикрытием леса Виллер-Котрэ готовят к 15 июля крупный удар, в котором будут применены танки. Будучи, однако, убежденным, что даже если эти сведения верны, то лучшим средством для отражения намерения французов будет германское наступление в Шампани, он не счел нужным усилить войска, обороняющиеся на фронте, которому грозит удар.

К счастью, шум грозы и дождя ночью с 17 на 18 скрывает от врага установку наших войск и танков, выдвинувшихся к первой линии, а днем местность затянута легким туманом. И вот, в 4 ч. 45 м. на полосе фронта, заключенной между Нувроп-Вэнтрэ (4 *км* севернее р. Эн) и Марной, разражается канонада нашей артиллерии. Одновременно на 50 *км* южнее р. Эн 18 дивизий в первой линии и 7 дивизий во второй начинают штурм. Перед пехотой движутся танки, а над ней летают самолеты. С целью демонстрации в 4 и

[1] Северная армейская группа (A. G. N. ген. де-Митри), уведенная с фламандского фронта в резерв, получила 8 июля название IX армии.

5 час. артиллерия IV, V и IX армий также начинает бомбардировку. 9-я и 7-я германские армии застигнуты врасплох. К 10 час. на фронте атаки их девять дивизий первой линии потеряли пленными 10 000 и несколько сот пушек, а вечером, несмотря на вмешательство семи резервных дивизий, имевшихся в распоряжении двух армий, X армия продвинулась своим центром на 10 *км*, а VI левым флангом — на 5 *км*.

Во второй половине дня ввиду достигнутых результатов Фош решается усилить наше контрнаступление; он приказывает Петэну произвести расширение полосы удара к северу от р. Эн и спешно послать X и VI армиям всевозможные резервы, имеющиеся позади группы армий центра. Эта группа армий сама должна также перейти к наступательным действиям, перестроив оставшиеся у нее силы.

Однако, для того чтобы привести в исполнение эти приказания, нам нужны четыре английских дивизии, которые начнут выгружаться, начиная с 19 июля. И вдруг их требует Хейг, утверждая, что во Фландрии умножаются признаки готовящегося наступления. К счастью, Фошу удается убедить английского главнокомандующего, что противник теперь уже не в состоянии начать крупное наступление севернее Соммы.

Как ни велико было желание Фоша скорее ударить на «мешок» у Шато-Тьери сразу с запада, юга и востока, все же такая концентрация сил не может осуществиться раньше 19 июля. Командующие V и IX армиями заявляют, что, прежде чем начать какое-либо наступление, им необходимо перестроить их армии; в частности, Бертело настаивает, чтобы сильно истощенный 2-й итальянский корпус был заменен 22-м британским корпусом, данным в его распоряжение. Вследствие этого 19 июля X и VI армии одни продолжают наступление, усиливая натиск на плато к северу и югу от р. Урк. К вечеру X армия продвинулась на 5 *км* к Ульши-ле-Шато, а VI — около 3 *км* к дороге Шато-Тьери — Суассон. В течение двух дней эти 2 армии образовали в расположении противника брешь в 50 *км* шириной и 2 *км* глубиной, захватив 17 000 пленных и 300 орудий. Мосты на р. Эн в Суассоне взяты под огонь полевой артиллерией Манжена. Это — хорошие предзнаменования для общего наступления четырех армий (V, IX, VI и X), готового теперь к 20 июля.

Фош уточняет цель общего наступления — перерезать коммуникационные линии германских войск, задержав-

шихся к югу и к северу от Марны. IX армия постарается сбросить в реку перешедшие ее германские части; X и VI армии с запада, V армия с востока нанесут удар так, чтобы соединиться в направлении Фер-ан-Тарденуа. К несчастью, отсрочка на сутки, которая потребовалась нашим V и IX армиям, позволила германскому командованию спасти свою 7-ю армию.

18 июля, получив первые сведения о французском контрнаступлении, Людендорф и германский кронпринц поняли, что нужно как можно скорее отвести на северный берег Марны части 7-й армии, оказавшейся в таком опасном положении на южном берегу. Но этот отход по переправам, находящимся под сильным обстрелом, возможен только в ночное время и с принятием больших мер предосторожности. Решено, что сначала отведут бо́льшую часть артиллерии, в ночь с 18 на 19 июля, а затем, в ночь с 19 на 20 июля, — пехоту. Кроме того, для спасения 7-й армии нужно, чтобы не сдали два шарнира «мешка» у Шато-Тьери, т. е. с восточной стороны — позиции, удерживаемые поперек рр. Вель и Ардр, а с западной — у Суассона. А на эту последнюю французы сильно давят. Людендорф поспешно направляет в район Суассона четыре резервных дивизии и решается прекратить перевозку всех частей, назначенных для группы армий принца Рупрехта. Однако, он надеется, что еще может осуществиться решительный удар во Фландрии.

IV. Распоряжения, отданные германским командованием 18 июля, оказались действительными 20-го. IX французская армия впустую наносит удар к югу от Марны, к которой она подходит, но которую не может перейти. X и VI армии продвигаются медленно, а V не может сломить упорного сопротивления противника.

21 июля общий характер сражения X и V армий остается прежним; зато VI армия легко продвигается между рр. Урк и Марной благодаря отходу противника в течение ночи; она входит в Шато-Тьери и проходит еще на 8 *км* к востоку, тесня немецкие арьергарды, обильно снабженные пулеметами.

Под впечатлением размаха и ожесточения сражения, которое французы ведут против германского кронпринца, Людендорф считает необходимым как можно скорее перебросить в Шампань часть резервов кронпринца баварского.

Он сразу отказывается от решительного удара во Фландрии, ради которого в течение 10 месяцев вел такие тяжелые демонстративные действия. С этих пор на всем фронте все германские армии переходят к обороне.

Можно ли удержать «мешок» у Марны даже при поддержке всех прибывающих из Фландрии сил? Германский кронпринц не думает этого, как ввиду опасности быстрого продвижения противника с восточной и западной сторон, так и ввиду затруднений снабжения с тех пор, как Суассон находится под обстрелом. По его мнению, нужно немедленно отступить за р. Вель. Людендорф, напротив, не считает необходимым отступление в таких размерах; он допускает лишь отход на дугу круга Суассон, Фер-ан-Тарденуа, Виль-ан-Тарденуа, причем нужно провести его в два скачка: первый — ночью с 23 на 24 июля, второй — с 26 на 27 июля; таким образом, будет несколько дней для эвакуации материальной части и продовольствия.

С французской стороны на четвертый день сражения Фош ясно понимает размеры нашей победы и поражения противника. Без сомнения, наш маневр по обоим берегам р. Урк с целью отрезать отступление германских войск, расположенных в «мешке» у Марны, не удался ввиду быстроты отхода по приказу Людендорфа и кронпринца. Но, по крайней мере, мы можем севернее Урка держать под угрозой коммуникационные линии противника. Фош приказывает сосредоточить наши усилия на X армии, целью которой будет захват плато севернее Фер-ан-Тарденуа и которую VI, IX и V армии поддержат по мере своих сил. Однако, несмотря на весь свой пыл, четыре французских армии не могут значительно ускорить отступление противника в течение 22 и 23 июля.

V. Как исправить эту медлительность, последовавшую за блестящим продвижением первых четырех дней? Фош считает, что прошел момент общего наступления по всему фронту и что каждая из трех армий, оставшихся на фронте[1], должна сосредоточить силы на одном определенном направлении. Он уточняет эти идеи в директиве от 23 июля, напоминая, что на X армию возлагается главный удар в направлении плато к северу от Фер-ан-Тарденуа.

Итак, 24 июля VI армия возобновляет преследование 7-й германской армии, произведшей ночью первый отход по при-

[1] IX армия была выведена в резерв.

казанию Людендорфа. 25 июля X и VI армии координированными действиями с обоих берегов р. Урк блестящим образом занимают Ульши-ле-Шато и Ульши-ля-Виль и укрепляются на западных склонах холма Шальмон, что позволяет обстреливать анфиладным огнем долину Урка. Начиная с 27 июля, при первых признаках второго отходного движения, производимого тремя германскими армиями (9-й, 7-й и 1-й) в ночь с 26 на 27 июля, три французских армии (X, VI и V) идут вперед; вечером 28 июля они приходят в соприкосновение с противником, который снова оказывает сопротивление от Суассона до Реймса через Феран-Тарденуа и Виль-ан-Тарденуа.

Но уже накануне, 27 июля, Людендорф сдался на доводы кронпринца и приказал продолжить отступление после того, как будет эвакуирована материальная часть. Три германские армии расположатся позади естественного препятствия, созданного рр. Эн и Вель, что даст значительную экономию в силах на передовой линии. Условлено, что отходное движение начнется с 1 августа и должно быть закончено к 3 августа.

Согласно этим директивам, 29, 30 и 31 июля три германские армии энергично, ценою больших потерь, отстаивают свои позиции. 1 августа, однако, X французская армия прорывает германский фронт и после ожесточенной борьбы занимает высоты Гран-Розуа и деревню Крамайль.

2 августа по всему фронту французские части обнаруживают быстрое отступление противника и тотчас же начинают двигаться; 3 августа они достигают рр. Эн и Вель от вновь занятого ими Суассона до Реймса. С этого момента освобождается железнодорожная линия Париж—Нанси через Шато-Тьери и Эпернэ.

Следует ли ударить на германские армии, укрепившиеся за водной линией, которую они, очевидно, намерены защищать? Несомненно, что эта операция требует некоторого срока для концентрации необходимых средств. Однако, Фош твердо решил не давать противнику времени, чтобы отдохнуть и перестроиться. Он уже развивал эти мысли перед тремя главнокомандующими, которых он собрал 24 июля, чтобы изложить им план операций на лето и осень [1]. Он тем более утвердился в решимости провести этот план, видя, что Людендорф потерпел поражение потому, что допускал

[1] Этот план рассматривается в следующей главе.

большие перерывы между всеми крупными наступлениями немцев. Главнокомандующий союзными армиями быстро убедился, что лучше всего прекратить операции на рр. Эн и Вель и нанести подготовлявшийся с апреля и уже готовый удар в Пикардии. Вечером 6 августа Файоль и Мэстр получают приказ перейти X, VI и V армиями к обороне, оставляя в то же время противника в убеждении, что на этом фронте мы подготавливаем удар.

VI. Таким образом, сражение в Шампани, начавшееся 15 июля, заканчивается в первых числах августа блестящей победой французов. Германское командование не обольщает себя относительно размеров понесенного им поражения; рухнули все его надежды, лелеянные с начала года. Вследствие недостатка *маневренных* дивизий (mobiles), недостатка в средствах передвижения для артиллерии и минометов, оно не в состоянии было быстро повторять наступления. После каждого сражения оно допускало паузы для отдыха и перестраивания своих дивизий, перегруппировки артиллерии и авиации, и эти паузы давали противнику время. В конце апреля оно увеличило свою постоянную ошибку, отпустив англичан, уже схваченных за горло.

С этих пор германская армия должна ограничиться обороной, условия которой очень тяжелы ввиду кризиса живой силы. Принц Рупрехт Баварский должен был отдать германскому кронпринцу часть дивизий, которые он отвел на отдых и в резерв, готовясь к наступлению во Фландрии; он должен пожертвовать другой частью для смены несчастных *позиционных* дивизий, оставленных, несмотря на истощение, на передовых позициях, на фронте удара; с этих пор боеспособность резервов этой группы армий становится очень слабой. Потери германского кронпринца тяжелы; французы захватили в плен 659 офицеров, 28 708 солдат, 612 пушек, 220 минометов и 3 300 пулеметов [1].

Германская армия ослабела не только в материальном отношении. Людендорф считает, что войска дрались слабо. Война достигла поворотного пункта: инициатива действий перешла к Фошу.

Поворотом в борьбе союзники обязаны прежде всего ему. Своей энергией он настоял на возобновлении наступления. Он сумел нанести первый удар внезапно, в самом опасном

[1] Эта цифра включает также добычу американских и английских дивизий, участвовавших в операциях с 18 июля по 5 августа.

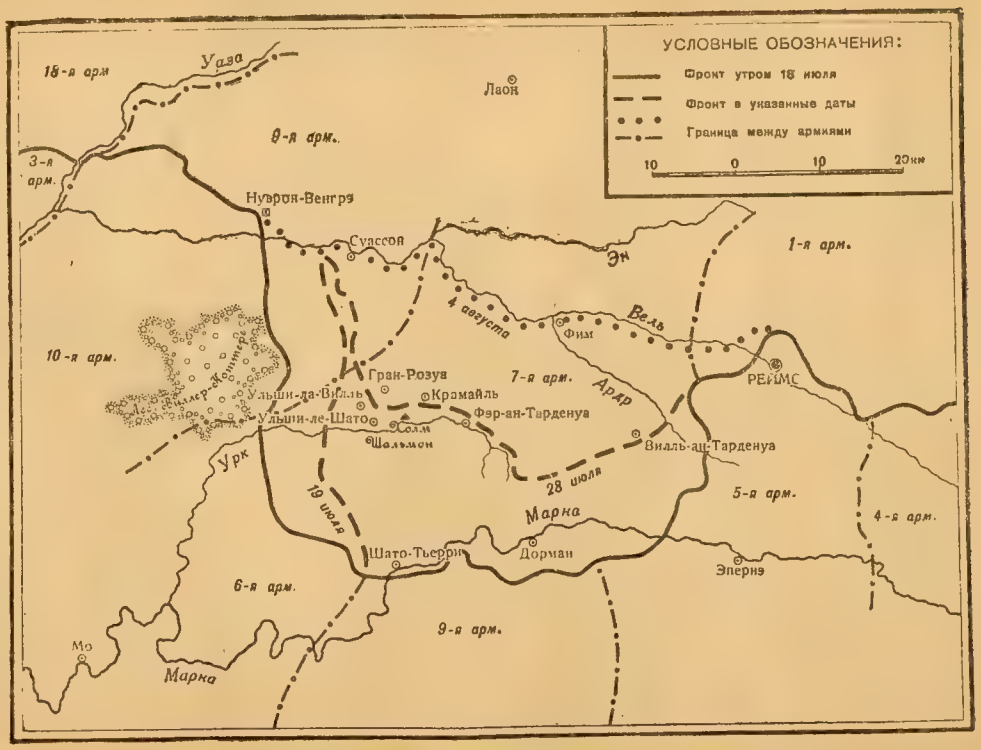

Схема 9. Французское контрнаступление 18 июля 1918 г.

для противника направлении. 7 августа, в знак признания услуг, оказанных им с 26 марта, Фош, по предложению Клемансо, возводится в звание маршала Франции.

Под влиянием Фоша Петэн и его командующие группами армий, Файоль и Мэстр, командующие армиями Манжен и Дегутт, Гуро и Бертело умело использовали уроки, полученные во время германских наступлений 1918 г.: они вели оборонительное сражение новыми тактическими приемами, сбившими с толку консервативного в методах противника: когда подошел момент начала удара, они достигли полной внезапности, отказавшись от всякой бомбардировки, предшествовавшей штурму.

Из опытов наступательных боев между рр. Эн и Марной союзное командование извлекает данные, которые оно применит в будущих наступлениях. А именно, оно констатирует, что танки, в первый раз введенные в бой в сомкнутом строю, оказались прекрасными боевыми средствами по своему материальному и моральному действию. Зато Манжен не мог ввести в бой наши большие кавалерийские соединения, корпуса и дивизии, для использования и расширения успеха пехоты. Мы увидим, что эта непригодность масс кавалерии в наступательном сражении будет подтверждаться до конца операций 1918 г.

Французская армия явилась главным орудием победы; она дала 46 дивизий из 59 участвовавших в боях с 15 июля до 5 августа. Ее заслугой является то, что одна она из всех союзных армий участвовала во всех больших сражениях, которые противник вел, чтобы решить судьбу войны.

Без отдыха, без срока она дралась везде — в Пикардии, во Фландрии, на Шмен-де-Дам и на Матце, затем от Аргонн до р. Эн.

ГЛАВА IX

НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ НА ВЫСТУПЫ ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА

(8 августа — 15 сентября 1918 г.) [1]

I. Августовский план операций Людендорфа. II. План Фоша 24 июля. Положение союзных сил во Франции. Оценка германских сил. III. Подготовка англо-французского наступления между рр. Анкр и Уазой. IV. Действия французов и англичан между рр. Анкр и Уазой с 8 по 15 августа. V. Германское командование понимает важность поражения 8 августа. Совещание в Спа по вопросу о начале мирных переговоров (13—15 августа). Возможность отступления. VI. Фош активизирует наступление союзников. VII. Наступление французов между рр. Эн и Уазой и наступление англичан севернее Соммы (20 августа — 9 сентября). Немцы отброшены на линию Гинденбурга. VIII. Наступление у Сен-Миэля. Першинг добивается формирования национальной американской армии.

I. Своим решением 22 июля перевести все германские армии на оборону Людендорф показал, что он считает положение чрезвычайно серьезным. Особенно один вопрос с каждым днем все больше беспокоит его — вопрос о кадрах. Уже в июне в боевые части был влит призыв 1919 г.; во фронтовых депо он был заменен молодыми людьми 18 лет, призыва 1920 г. Но когда этот контингент будет введен в бой, — а это должно произойти в октябре,—в Германии не

[1] Схема 10. Расположение тыловых позиций, возведенных или предусмотренных германским командованием.

Схема 11. Наступление союзников между рр. Скарпой и Эн с 8 августа по 10 сентября

Схема 12. Сражение при Сен-Миэле (12—15 сентября 1918 г.).

Источники: Дайль (полк.), «Сражение при Мондидье» (Париж, 1922); Монтгомери (ген.), «История четвертой армии в сражении ста дней» (Лондон, 2 тома); Цвель (ген., фон), «Летние бои 1918 г. на западном фронте» (Берлин, 1921); Министерство иностранных дел и Министерство внутренних дел, «Официальные документы о событиях, предшествовавших перемирию 1918 г.» (Берлин,

останется больше рекрут. С 1 июля нормальный состав батальонов, установленный 21 марта на цифре 980, был сокращен на 100 человек; в начале августа сокращают одну стрелковую роту в батальоне, состав которого уменьшается до 650 чел. Одновременно свертывают десять пехотных дивизий.

Победа французов сильно повлияла также на моральное состояние командования и войск. Кронпринц Рупрехт, а еще больше германский кронпринц, сильно взволнованные тяжелыми боями, которыми они руководят, оба теряют веру в будущее. Германский кронпринц подает императору доклад (mémoire), в котором советует начать переговоры, чтобы избежать «*плохого мира*». Людендорф признает, что настроение подкреплений, прибывших из России, и новых наборов оставляет желать лучшего. В инструкции, посланной 2 августа командующим группами армий, он признает, что не следует думать о наступлении: «Von Angriffen ist nicht zu sprechen». Однако, он далек от мысли считать положение безнадежным и момент подходящим для начала мирных переговоров. Он даже надеется, что скоро можно будет произвести несколько предварительных контрударов, «*не столько для того, чтобы завоевать местность, сколько для того, чтобы нанести удар врагу и захватить более удобные позиции*».

Рассматривая потери и дезорганизацию своей армии после четырехмесячных боев, Людендорф уверяет себя, что состояние союзных армий не лучше. Конечно, американские дивизии на этот раз вступили на поле сражения, но они сильно пострадали, не одержав большого успеха, и шесть из этих дивизий не справятся с двумя посредственными германскими дивизиями. По его мнению, вывод ясен: союзники в течение некоторого времени будут не в состоянии начать крупного наступления; они могут предпринимать лишь небольшие атаки.

В таком убеждении Людендорф принимает решение, по которому все германские войска должны отступить, чтобы

1924). Первое издание вышло в 1919 г. под заглавием: «История перемирия. Официальные документы» и было переведено Кельцем под заглавием: «Признание поражения». Издание 1924 г. было увеличено и дополнено; Куль (ген., фон), «Военное положение осенью 1918 г.» (Берлин, 1932); Гертлинг, «Год канцлерства. Воспоминания о службе моего отца в качестве рейхсканцлера» (Фрибург, 1919); Э. Людендорф, «Возражения на официальную «Белую книгу». История перемирия» (Берлин, 1919); Гельферих, «Мировая война» (Берлин, 1919, 3 тома).

укрепиться более прочно и экономично. Давно уже германское командование разработало позади боевого фронта три больших тыловых позиции на случай отхода, не считая промежуточных и косых заградительных позиций (bretelles). Из этих трех позиций ближайшая к фронту, обычно называемая «*линия Гинденбурга*» [1], чрезвычайно сильна, как благодаря естественным препятствиям, на которые она опирается, так и по своему оборудованию. Она, по возможности, расположена на обратном скате и имеет два окопа в 300—400 *м* друг от друга, снабженных бетонированными укреплениями, имеющими перед собой сеть проволочных заграждений. Еще глубже по открытой местности рассеяны укрытия для пулеметчиков. Однако, позиция между Уазой и морем, не занятая с 21 марта, пришла в запущение; она не снабжена оборонительными средствами против танков. Вторая позиция, Герман [2], еще только сооружается. Третья, так называемая линия Антверпен — Маас, существует только на бумаге.

Разумеется, отход на линию Гинденбурга имел бы преимущества: германские войска укрепились бы на твердой позиции, выйдя из выступов, куда они углубились в результате весенних наступлений и опасность которых показал опыт 18 июля. Бесспорно, однако, что отступление с местности, занятой в результате четырехмесячных боев, будет иметь гибельное влияние на моральное состояние Германии, а в особенности ее союзников. Кроме того, Людендорф не считает, что это решение — единственное, которое ему осталось; он ограничивается тем, что приказывает выправить фронт сражения в равнине р. Лис и эвакуировать предмостные укрепления, слишком выдавшиеся за рр. Анкр и Авр. В соответствии с этим 3 и 4 августа 2-я и 18-я армии совершают отход, который считают необходимым; что касается выпрямления фронта в выступах у Армантьера, то оно повлечет за собой большой отход, который будет продолжаться в течение всего августа между Байёлем и Ля-Бассэ.

После принятия этих решений остается разрешить важный вопрос. Вынужденный перейти к обороне, Людендорф

---

[1] Германские позиции имеют обычно собственные имена для каждой части; так, линия Гинденбурга называется — с севера на юг: Вотан, Зигфрид и т. д.

[2] В южной своей части она называется: Гундинг, Брунгильда, Кримгильда.

должен, в свою очередь, установить, на какую часть фронта будет направлено наступление союзников, как бы оно ни запоздало; но об этом ему не удается получить сведений. Он все же думает, что Фош будет продолжать сражение на р. Вель, растянув его между рр. Уазой и Эн, или

Схема 10. Расположение тыловых позиций, возведенных или предусмотренных германским командованием

перенесет его, возможно, на местность между Уазой и Соммой, либо севернее Соммы, или даже на какую-либо часть фронта восточнее Реймса.

II. В тот самый момент, когда Людендорф решается перейти к обороне, Фош решает наступление. 24 июля, между

тем как упорно продолжается французское контрнаступление, он собирает в своей ставке в Бомбоне Хейга, Першинга и Петэна и читает им свою памятную записку (mémoire), в которой резюмированы его взгляды на путь, по которому нужно направить операции.

Вначале Фош констатирует, что союзники, будучи численно равны врагу, имеют, кроме того, превосходство в резервах, в свежих резервах, авиации, танках, а вскоре будут иметь и в артиллерии. Это положение будет постоянно улучшаться ввиду прибытия американцев. Противник, наоборот, постепенно ослабевает; ему приходится маневрировать позади фасада, образованного позиционными дивизиями, которые истощаются, стоя на линии, в то время как ударные дивизии тают под действием наступления союзников. Моральное улучшение тоже на нашей стороне. «*Пришел момент оставить общую оборону, к которой нас вынуждало численное превосходство противника, и перейти в наступление*».

Какие цели поставить этому наступлению? Фош не думает, чтобы можно было в 1918 г. добиться окончательной победы. 20 июля он пишет Клемансо, что с решением нужно подождать до 1919 г. Но он считает, что мы теперь же должны начать ряд быстрых, внезапных, следующих одно за другим наступлений, могущих облегчить и развитие дальнейших операций и экономическую жизнь страны. В их задачи будет входить: во-первых, освобождение железных дорог, необходимых для наших маневров, т. е. освобождение железнодорожной линии Париж — Нанси в районе Шато-Тьери, Эперне [1], линии Париж—Амьен, линии Париж — Нанси в районе Комерси, путем уничтожения выступа у Сен-Миэля; во-вторых, освобождение северных рудников и района Дюнкерк, Кале.

Очевидно, что невозможно предвидеть результаты этих различных операций. Во всяком случае, если они будут выполнены в скором времени, «*в конце лета или в начале осени произойдет большое наступление, с тем чтобы увеличить наши преимущества и не дать противнику передышки*».

Таким образом, начинает осуществляться основная идея Фоша, что в 1918 г. союзники должны захватить инициативу в действиях и перейти в наступление. Эту идею он

[1] Освобождение это началось с 18 июля.

изложил в своем плане 1 января и настаивал на ней с момента своего вступления в командование 26 марта, подтверждая ее в ряде инструкций. В январе она вызвала непреклонную оппозицию Петэна и Хейга; в марте, в апреле и перед июльским контрнаступлением она казалась Петэну невозможной, поскольку приходилось начинать крупное наступление. 24 июля доклад (mémoire) Фоша вызывает возражение его слушателей ввиду размаха и количества ударов, которые он предусматривает. Хейг и Петэн ссылаются на усталость своих войск, Першинг — на неопытность своих. Ни один из трех главнокомандующих не дает, однако, формального отказа, в уверенности, что обстоятельства заставят сократить планы верховного главнокомандующего до степени их замыслов. Петэн в письменном ответе от 26 июля заявляет, что наступление на выступе у Сен-Миэля явится, по его мнению, наравне с наступлением на «мешок» у Армантьера, «*большим наступлением*», предусмотренным на конец лета или начало осени, и что оно *истощит, вероятно, французские ресурсы 1918 г., но будут достигнуты полные и важные результаты.*

Однако, программа 24 июля кажется скромной в отношении действий, составляющих первую ее часть. Действительно, она предусматривает лишь уничтожение «мешков», созданных в нашем фронте германскими наступлениями 1918 г., и выступа у Сен-Миэля; она соответствует средствам союзников и тем, которые они в конце июля приписывают своему противнику. Таблица на стр. 144 показывает, как Фош представлял себе положение с этой точки зрения.

Итак, несмотря на потери четырехмесячных боев, мрачные предсказания, которыми Петэн и Хейг угрожали в течение всей зимы, а в особенности со времени сессии высшего военного совета 31 января, не сбылись; французская и британская армии сохранили число своих дивизий. Более того, в то время как Фош просил Клемансо призвать в октябре призыв 1920 г. для выполнения программы 24 июля, Петэн рассчитывает даже призыв 1919 г. сохранить для весенних операций 1919 г. Зато мы знаем, что немцы испытывают тяжелый кризис в ресурсах; мы прекрасно осведомлены об использовании призыва 1919 г., количественном ослаблении их частей, свертывании дивизий. Мы очень осторожны в наших оценках и считаем, что численно превосходим противника всего на 258 батальонов, или на 425 000 бойцов.

Сравнительная таблица союзных и германских ресурсов на французском фронте 1 августа 1918 г.

	Союзники	Франция (эти ресурсы входят в предыдущую графу)	Германия по расчетам союзников	Германия действительные ресурсы
Пехотные дивизии	203[1]	103	205[2]	208[2]
Боевые батальоны	2 156	1 135	1 898	—
Число бойцов	4 002 104	1 790 854	3 576 900	—
Артиллерийские орудия	21 843	12 589	18 100	17 372
из них:				
полевой артиллерии	12 730	6 807	10 800	11 200
тяжелой артиллерии	8 513	5 782	7 300	6 172
Самолеты	5 646	3 379	3 000	4 000
Танки	1 572	835	нет	нет

[1] Из них 103 французские, 57 английских, 27 американских (из них 2 кадровые дивизии и 5 обучающихся), 12 бельгийских, 2 итальянские, 2 португальских.

[2] Из них 2 австрийские дивизии.

В силы союзников американцы вливают большое количество — 27 дивизий по четыре полка, всего 786 000 бойцов. Кажется, пришел момент удовлетворить желание, давно выраженное их правительством и командованием, и свести их в армии, а затем дать им место на фронте на тех же условиях, что и другим армиям — британской и бельгийской, сражающимся во Франции. В конце июля Фош и Першинг условились, что I американская армия, в составе двух армейских корпусов по шести дивизий, сменит на Марне VI французскую армию, в то время как не вошедшие в состав этой армии войска образуют II армию в Вёвре, в секторе Сен-Миэль и Туль. Однако, когда 9 августа прекращение действий на рр. Эн и Вель лишит полосу фронта, занимаемую VI французской армией, важного значения, это первоначальное распределение изменяется; условлено, что I американская армия сформируется в Вёвре, оставив на р. Эн два корпуса по четыре дивизии; она, по возможности скорее, приступит к ликвидации выступа у Сен-Миэля.

Итак, план 24 июля основан не только на установлении факта поднятия состояния духа союзных армий; Фош базирует его также на углубленной оценке материальных средств, как наших, так и неприятельских. В это же самое время Людендорф делает крупную ошибку, считая союзников неспособными предпринять в скором времени большое наступление. Англо-французское наступление 8 августа покажет ему всю важность его ошибки.

III. Вспомним [1], что 3 апреля Фош приказал разработать наступление с целью освобождения железной дороги Париж — Амьен, уничтожив выступ у Мондидье. С тех пор он постоянно двигал подготовку этой операции, продолжавшейся даже во время неудач в апреле, мае и июне. 20 июля Фош в согласии с Хейгом рассчитывает, что наступление восточнее Амьена должно быть выполнено тотчас же после того, как французское контрнаступление между рр. Эн и Вель будет остановлено перестроившим свои части противником. Таким образом, он все время преследует ту же цель, что и во время оборонительных боев, — прикрывать Париж и Аббевиль. Париж должен быть спасен армиями Манжена и Дегутта. Аббевиль будет спасен наступлением восточнее Амьена, которое в то же время освободит самую важную для нас железную дорогу, соединяющую нас с нашим английским союзником и с угольными бассейнами севера. Момент для этого благоприятный: английские армии отдохнули, переформировались в материальном и моральном отношениях, германские ударные дивизии сосредоточены в Шампани, а между Соммой и Уазой оставлены только усталые позиционные дивизии.

24 июля памятная записка (mémoire) решительно предписывает наступление восточнее Амьена как начало операций англо-французов. В конце месяца Хейг, по просьбе Фоша, принимает командование двумя армиями — английской и французской, которые должны нанести удар.

IV английская армия (Роулинсон), располагающая 600 танков (из которых 324 — 30-тонные, новой модели, марка V, значительно превосходящие быстротой прежние машины) и сильно оснащенная авиацией, ударит на севере, с обеих сторон Соммы, на фронте в 18 *км* между рр. Анкр и Люс. В нее входят три армейских корпуса (в том числе один канадский и один австралийский), а именно: восемь ди-

[1] См. гл. V.

визий в первой линии, пять дивизий и три кавалерийские во второй линии и три дивизии в ближнем резерве; ее правое крыло, которому поручен главный удар, двинется в общем направлении на Шольн.

На юге I французская армия (Дебене) начнет наступление на полосе в 34 *км*, от р. Люс до северного края массива Булонь-ля-Грасс, двигаясь с двух флангов, с целью окружить Мондидье; левый фланг начнет штурм одновременно с англичанами; правое крыло — на сутки позже. Из 15 дивизий Дебене расположил десять в первой линии, поручив фланговые дивизии второй линии двум армейским корпусам, а именно: две — 31-му корпусу и одну — 35-му; в резерве он оставил две дивизии и три кавалерийские. I армия насчитывает 1 624 орудия, 90 легких танков, 1 025 самолетов, из них 600 самолетов воздушной дивизии.

Еще более к югу III армия (Умбер) будет готова продолжить наступление I армии, введя в бой два своих корпуса левого фланга, т. е. четыре дивизии. Она получила приказ двинуться вперед, обойдя с запада массив в Малой Швейцарии, в том случае, если противник будет принужден отступить на большое расстояние между Соммой и Уазой.

Ввиду занятости французских войск в сражении в Шампани, нельзя было дать I и III французским армиям более крупных сил. Петэн мог дать только четыре добавочных дивизии Дебене и одну дивизию Умберу. Вследствие этого обе армии будут наступать с дивизиями, большею частью давно находящимися на секторе.

Атака IV английской армии и I французской назначена на 8 августа. III французская армия получила приказ быть готовой выступить 10 августа.

С начала июля IV британская и I французская армии приступили к мелким действиям с целью обеспечить удобное исходное положение для будущего наступления. 23 июля I французская армия заняла деревни и плато Майли-Ренсваль, Совильс, Обвильс, захватив 2 000 пленных и несколько пушек. Эвакуация немцами за 4 августа нескольких выступов на другом берегу рр. Анкр и Авр нисколько не повредила принятому расположению для англо-французского удара.

Все эти приготовления к наступлению на фронте в 76 *км* от р. Анкр до Уазы совершенно скрыты от противника, благодаря особенным предосторожностям, принятым союзниками. Две германские армии, стоящие на передовых позициях, 2-я (фон-Марвиц) и 18-я (фон-Гутьер), не могут

уловить ни одного подозрительного признака, так же как 9-я и 7-я перед наступлением 18 июля. Однако, чтобы обеспечить, на всякий случай, лучшую организацию обороны, Людендорф 22 июля переводит 18-ю армию в группу армий кронпринца Рупрехта, который, таким образом, получает командование над всем фронтом от моря до Уазы. Более того, в первых числах августа он посылает начальника штаба группы армий Рупрехта генерала фон-Куль проверить меры обороны, принятые 2-й армией между Альбером и Морейлем. Генерал фон-Куль, отдав распоряжение о смене двух усталых дивизий, доложил, что все в порядке.

IV. 8 августа, в 4 ч. 20 м. утра, артиллерия VI английской армии и I французской открывает огонь, и одновременно британская пехота бросается на штурм, предшествуемая танками. В 5 ч. 05 м. наносит удар 35-й армейский корпус с левого фланга I французской армии; затем, в 8 ч. 20 м. — смежный с юга 9-й корпус. К вечеру англо-французы проходят уже 10 *км*, захватив 13 000 пленных и 300 пушек; английская пехота захватила несколько дивизионных штабов на их командных пунктах. Фош решает, что для развития успеха 10 августа нанесет удар III французская армия.

9 августа англо-французское наступление развивается. В бой вступает правый фланг I армии, 10-й и 33-й корпуса. К вечеру союзники по всему фронту продвинулись еще на 4—5 *км*. Падение Мондидье, окруженного с юга, является вопросом нескольких часов.

Для немцев наступление было вполне неожиданным. Вечером 8 августа, устанавливая соотношение сил этого «черного» дня, Людендорф констатирует, что на передовой позиции, от Брэ до Руа, остается шесть-семь почти разгромленных дивизий и две дивизии, недавно отведенные ввиду усталости в резерв, а сейчас поспешно брошенные в бой. Он решает немедленно отдать приказ об отходе, и так уже неизбежном и кое-где начавшемся. Ночью с 9 на 10 августа 18-я армия устанавливает свой правый фланг к северу от Руа, а левый укрепляет на высотах Матца, занимая прежние немецкие позиции 1914 г.

Благодаря отступлению противника, III и I французские армии 10 августа сильно продвигаются вперед. Массив Булонь-ля-Грасс попадает в наши руки; несколько севернее IV британская армия подходит с запада на 2-*км* к Шольну.

Видя разгром германского фронта, Фош надеется, что три армии союзников достигнут Соммы между Перонном и Гамом, но он учитывает возможность, что противник, сумев перестроиться, позволит нам продвигаться лишь медленно и с большими потерями. Вследствие этого он просит Хейга ввести III английскую армию в бой в направлении Балюма и Перрона, с тем чтобы поддержать и использовать успех IV армии, ударив в районе, где противник имеет, повидимому, мало сил.

Действительно, 14 августа противник усиливает сопротивление, введя в действие мощную артиллерию и нанеся несколько сильных контрударов по левому флангу I французской армии. Однако, хотя он заставляет англичан остановиться на некоторое время, он не может помешать значительному продвижению двух французских армий. Ввиду изменившегося поведения противника Фош приказывает планомерно вести общее наступление трех французских армий, в то время как Хейг двинет с севера свою III армию, а Петэн восточнее Уазы — X французскую армию на Шони и дорогу Суассон — Шони. Разумеется, наступление пяти армий должно быть выполнено как можно скорее, чтобы не дать противнику возможности оправиться.

Выполняя эти приказания, IV британская и I и III французские армии в течение 13, 14 и 15 августа перестраиваются для общего наступления, назначенного на 16 августа. Однако, 15 августа, по настоянию Хейга и Дебене, Фош решает отложить удар между Соммой и Уазой, который не может дать быстрых и крупных результатов ввиду переформирования частей противника; он соответственно изменяет указания от 12 августа. Севернее р. Анкр III британская армия ударит на фронт Миромон, Монши-ле-Прэ и двинется в направлении к юго-востоку; это движение сломит с севера от Перонна всю линию Соммы и позволит IV армии возобновить движение вперед. Восточнее Уазы X французская армия своим наступлением облегчит действие III и I французских армий, так чтобы эти три армии освободили сначала район Лассиньи, Нуайон, Карлепон, затем—район Руа, Шони. В целом это большое англо-французское наступление должно будет отбросить противника за Сомму, на те позиции, с которых он начал наступление 21 марта; оно будет произведено около 20 августа, причем не требуется полной одновременности между французским и британским ударами. По естественному следствию этих

Схема 11. Наступление союзников между рр. Скарпой и Эн с 8 августа по 10 сентября 1918 г.

новых директив, I французская армия переходит под командование Файоля.

V. «*8 августа было траурным днем для германской армии*», — пишет Людендорф в своих «Воспоминаниях». В самом деле, англо-французское наступление нанесло германской армии удар, сильно отразившийся на материальном и моральном состоянии войск и командования. Потери были значительны. После свертывания десяти дивизий во время контрудара на французское наступление 18 июля нужно быть готовыми свернуть еще несколько. С 8 по 15 августа только две из французских армий, I и III, захватили в плен 256 офицеров, 11 094 солдата, 283 пушки; союзникам досталось много снаряжения. Но особенно тревожит моральное поражение.

Людендорф уже констатировал, что со времени сражения в Шампани дивизии держались посредственно; на этот раз он должен признать, что поражение стало еще более общим. Дивизии резерва при вступлении на поле сражения были встречены криками: «Долой штрейкбрехеров! Долой тех, кто продолжает войну!» Танки производят на немецкого пехотинца тем более сильное впечатление, что он не имеет оружия для борьбы с ними и видит, что в его армии нет подобных машин.

Поражение не менее серьезно отозвалось на союзниках Германии. В конце июля, после победы французов в Шампани, Людендорфа предупредили, что Болгария с каждым днем все больше отклоняется от союза и что нужно ждать, что «*в двадцатых числах сентября она повернется в сторону Антанты*». Кабинет Радославова был в июне сменен кабинетом Малинова, склоняющимся к миру. В Австрии события начала августа произвели ошеломляющее впечатление. Император Карл, министр иностранных дел Буриан и начальник генерального штаба Арц поспешили в Спа, куда прибыли 14 августа, решившись на этот раз убедить союзника в необходимости немедленно начать хлопоты о мире. «*Der Krieg war zu beendigen—нужно было кончать войну*». Эти слова Людендорфа являются выражением настроения высшего командования ввиду создавшегося положения. И 10 августа, выслушав в Авене доклад Людендорфа, император, в свою очередь, повторяет: «*Я вижу, что нужно установить равновесие. Наши силы приходят к концу. Войну нужно кончать*». Уже со времени

июльского поражения Вильгельм не верит в победу Германии. Со своей стороны, Людендорф чувствует, что его авторитет поколебался, и просит отставки, либо потому, что не считает себя способным руководить операциями, ввиду неудачи своих замыслов, либо хочет переложить на другого ответственность за действия в предстоящей трудной обстановке. Но Гинденбург, тверже переносящий испытания, отказывается расстаться со своим соратником, и император подтверждает, что сохраняет полное доверие к первому генерал-квартирмейстеру.

Весь германский главный штаб единодушно считает, что пора заключить мир. Но встает вопрос, как следует начать переговоры, чтобы у союзников не создалось впечатления, что центральные державы дошли до крайности. Этот вопрос рассматривается на совещании в Спа 13 августа между Гинденбургом и Людендорфом, канцлером и Гинце, новым министром иностранных дел. 14 и 15 августа прения продолжаются под председательством императора; в них участвует кронпринц. Со своей стороны, император Карл, Буриан и Арц принимают участие в этих трехдневных обсуждениях.

Людендорф не скрывает своих взглядов от Гертлинга и Гинце: мир необходим, так как армия не в состоянии удержать противника. Гинденбург более самоуверен, и, если он не считает возможным сломить силой волю противника, он надеется еще парализовать его наступление упорной обороной, удержать свои войска на французской территории и добиться почетного мира. Австрийцы неустанно повторяют, что они дошли до крайности. Арц утверждает, что армия неспособна держаться дольше конца декабря, даже если на итальянском фронте удержится затишье.

Несмотря на удивление перед такой растерянностью командования, которое до сих пор так уверенно обещало победу, Гертлинг и Гинце совместно с императором не находят, однако, что нужно вступать на почву переговоров. Опираясь на заявления Гинденбурга, они считают, что, прежде чем начинать подобные попытки, лучше подождать остановки или, по крайней мере, замедления англо-французского наступления, а может быть, даже и успеха немцев. В данный момент нужно ограничиться некоторыми осторожными попытками, и император предполагает обратиться с этим к испанскому королю или к голландской королеве. Ни Гинденбург, ни Людендорф не возражают против такого

толкования их заявлений, указав, что необходим немедленный мир.

На каких основаниях согласилась бы Германия начать в середине августа мирные переговоры? Мы весьма мало знаем об этом. Если судить по заявлениям, сделанным Гинце 21 августа лидерам партий рейхстага Эберту, Греберу, Штреземану и Вештарпу, представляется, что германское правительство согласилось бы на мир при условии не делать никаких территориальных уступок на западе и сохранения всех завоеваний на востоке.

Во всяком случае, после того как политическое направление войны решено, военному руководству остается утвердить план, обеспечивающий длительное и экономичное сопротивление войск. Из этого, как и после поражения 18 июля, встает вопрос: поскольку приходится перейти к обороне, не лучше ли было бы спасти германские войска от сковывания (l'étreinte) их союзниками и отвести их, с тем чтобы твердо укрепиться на одной из приготовленных или намеченных тыловых позиций?

В самом деле, Фоша беспокоит возможность отступления немцев на позицию Антверпен, Маас, Мец, Страсбург, которую они могут, перестроившись, сделать исходной для нанесения контрудара, подобного удару Жоффра на Марне в 1914 г. Даже если бы противник удовольствовался занятием этой позиции, не думая об ответном ударе, зима может наступить раньше, чем союзникам удастся преодолеть опустошенные поля сражений и затем оказаться в необходимости атаковать линию, чрезвычайно сильную как в отношении естественных, так и в отношении искусственных препятствий. Но, если естественно, что Фош предвидит эту возможность, то не менее естественно, что Людендорф ее отбрасывает, ввиду своего морального состояния, в момент, когда германское правительство готовится вступить в мирные переговоры. Было бы также тяжело бросить большое количество снаряжения, эвакуировать которое достаточно быстро не позволяет недостаток в перевозочных средствах.

Если отход на линию Антверпен, Маас отбрасывается по мотивам политического характера, не было ли бы, по крайней мере, лучше отступить на позиции Гинденбурга, не стремясь упорно защищать незначительные части теперешнего фронта? Это — мнение германского кронпринца, баварского кронпринца и большей части командующих армиями. Лю-

дендорф, напротив, отказывается от этой мысли по тем же соображениям, которые не позволяют ему согласиться на более значительный отход. Чтобы избежать малейшего признания в поражении, он считает, что германские армии должны энергично сопротивляться на занимаемых в данное время позициях севернее Уазы. Для лучшей согласованности оборонительных действий на этом фронте он включает 2-ю, 18-ю и 9-ю армии в новую группу армий под командованием генерала фон-Бена. Со своей стороны, кронпринцу Рупрехту Баварскому с тремя оставшимися, 17-й, 6-й и 4-й, армиями будет легче противостоять наступлению англичан, угроза которого чувствуется теперь в районе Арраса, а может быть, и севернее его.

VI. При рассмотрении мероприятий, стоящих перед Германией в этот период, с 8 по 20 августа, видно, как политические деятели и военачальники колеблются принять решения, к которым их принуждает поражение. В это время Фош быстро использует возможности, предоставляемые победой.

В области тактики он создал метод, который подтверждается успехом в данной стадии войны. 8 августа, как и 18 июля, прекращение бомбардировки, предшествующей удару и обеспечивающей полную внезапность, использование больших количеств танков и авиации, применение дымовых снарядов для ослепления наблюдательных пунктов, противотанковых орудий, пулеметных гнезд — дали прекрасные результаты. Эта тактика сохранит свою ценность до конца войны. Однако, снова большие кавалерийские соединения, кавалерийские корпуса и дивизии ни одной минуты не могли быть использованы; если они и оказали некоторые услуги в качестве подвижных резервов в период оборонительных действий, то теперь, когда союзники перешли к наступлению, они представляются совершенно неприменимыми.

С точки зрения стратегической важным событием является возвращение на сцену британской армии после трехмесячной передышки, которой она обязана Людендорфу. Под влиянием одержанной победы, видя растерянность немцев перед пехотой и танками, британское командование и войска вернули прежнее состояние духа и поняли, что приближается решающая минута. С этих пор англичане входят в азарт и не ослабляют своих тисков. Наконец, победа

англо-французов 8 августа доказывает правоту идеи, развитой Фошем в его памятной записке 24 июля о том, что теперь нужно вести наступление частыми и быстрыми ударами, пользуясь преимуществом, которое дает союзным армиям организация одинаковых дивизий, способных наносить удары, в то время как противник может держать на секторе большую часть времени только «*позиционные дивизии*».

Эту идею нужно применять тем более, что следует предполагать возможность большого отступления противника. Фош требует, без всяких уступок, от главнокомандующих все более усиливать ритм наносимых немцам ударов. Он прекратит эти усилия, только добившись окончательной победы.

Он назначил Хейгу и Петэну на 20 августа удары севернее р. Анкр и восточнее Уазы. 17 августа он посылает Першингу директивы об ударе на выступ у Сен-Миэль, который должен быть произведен 1 сентября. Он торопит Диаца, который обещает наступать 10 сентября на плато Азияго, но с такими недомолвками и отговорками, что можно бояться, что наступление итальянцев сильно запоздает.

VII. Начиная с 15 августа, в соответствии с директивами Фоша от 11 августа, III британская и X французская армии деятельно готовятся к наступлению, назначенному на 20 августа. Восточнее Уазы, фронтом к 9-й германской армии, X армия (Манжен) выполняет 17 и 18 августа частные наступления, в результате которых овладевает высотами, расположенными между Траси и Морсэном. Таким образом, она может продвинуть свою артиллерию настолько, чтобы обстреливать позицию сопротивления, на которую отошла 9-я германская армия, оставив впереди сторожевые охранения. В 7 ч. 10 м. утра 20 августа X армия, имея 12 дивизий в первой линии и 2 дивизии в армейском резерве, начинает штурм от Уазы до р. Эн. К вечеру она проходит 3—4 *км*, захватив 8 000 пленных и 100 орудий.

Людендорф позже скажет об этом дне: «*20 августа также было траурным днем*». Действительно, 9-я армия сильно разбита. Однако, нападение не было для нее неожиданным, так как со времени нашего прихода на рр. Вель и Эн она ждала удара и на этот случай получила подкрепления для своих частей и две дивизии, расположенные в резерве по-

зади наиболее опасной полосы фронта. Однако, Людендорф считает положение настолько серьезным, что тотчас же дает приказ перебросить в ту же ночь, с 20 на 21 августа, правый фланг 9-й армии за Уазу, затем, в ночь с 21 на 22 августа, центр ее — за р. Элет; левый фланг будет удерживаться на высотах севернее Суассона.

21, 22 и 23 августа X армия, идя по следам отступающей 9-й германской армии, подойдет к рр. Уазе и Элет; этим она открывает III армии продвижение до Лассиньи и южного берега р. Диветт. В течение четырех дней две из французских армий достигли первых намеченных Фошем объектов.

Днем позже X французской армии, 21 августа, переходит в наступление III британская армия (Бинг); 25 августа она подходит к окраинам Круазиля и Бапома, в то время как IV армия севернее Соммы достигает высот Мамец и Брэ. Одновременно между Соммой и Уазой англо-французы (IV британская армия и I и III французские) возобновили удары в направлении Шольн и Руа.

С того момента, как 18-я и 2-я германские армии так сильно преследуются севернее Уазы, Людендорф считает, что им грозит опасность быть обойденными с фланга и тыла X французской армией, владеющей южным берегом этой реки. Тогда он отдает приказ о большом отходе, который начнется ночью с 26 на 27 августа. Группы армий Рупрехта Баварского и фон-Бена будут держаться сначала на линии восточнее Бапом, Перонн (с предмостным укреплением к северо-востоку от этого города) по течению Соммы до линии Гам — высоты к северо-востоку от Нуайона; и если их принудят, то они вслед за тем займут линию Гинденбурга.

В это же время Фош, видя результаты, достигнутые X французской и III английской армиями с 20 по 25 августа, все более убеждается, что только «*расширяющееся и усиливающееся действие флангов*» может сломить сопротивление немцев между Уазой и Соммой. Воодушевленный тем же мнением, Хейг докладывает, что, продолжая продвижение III армии, он нанесет удар 26 августа своей I армией (Горн) восточнее Арраса, чтобы прорвать линию Гинденбурга в направлении на Дрокур и Кеан. С этого момента на фронте в 130 *км*, заключенном между Аррасом и Суассоном, шесть армий союзников, три британских и три французских, начинают сильно теснить четыре отступающие германские армии.

26 августа I британская армия занимает высоту Монши-ле-Прэ, 28-го достигает Круазиля, идя по следам 17-й германской армии, и приходит в соприкосновение с линией Гинденбурга, отразив 29 августа сильные контрудары; 2 сентября она прорывает линию Гинденбурга, проходит на несколько километров дальше нее и заставляет 17-ю германскую армию отступить на Северный канал, между р. Сансэ и Перонном.

На юге с 27 августа III и IV английские армии преследуют 2-ю и 18-ю германские армии, отступающие с боем, согласно приказам Людендорфа; они занимают Бапом, Комбль, Шольн, Руа, Нуайон. 30 и 31 августа IV английская армия занимает Перонн; с этих пор линия Соммы оказывается обойденной.

Между тем, X армия ведет восточнее Уазы ожесточенные бои между рр. Эн и Элет и на плато севернее Суассона; но 9-я германская армия энергично удерживает массив Сен-Гобен, потеря которого вызвала бы прорыв линии Гинденбурга в самом чувствительном месте — на шарнире, на котором соединяются две ее ветви, идущие с запада на восток и с севера на юг. Все же 2 сентября южнее леса Куси X армия достигает, а местами переходит дорогу Шони—Суассон, последний из намеченных Фошем объектов по директиве от 11 августа. Таким образом, она достигла места, откуда можно нанести удар линии Гинденбурга.

Под влиянием этого широкого наступления, на прекращение или хотя бы ослабление которого нет никаких указаний, а также с целью поправить ущерб, нанесенный крупным отступлением 17-й армии, Людендорф 2 сентября решает перебросить на позицию Гинденбурга все теснимые англо-французами германские армии. На севере группа армий Рупрехта, которая с первых чисел августа начала отводить свой фронт на равнину р. Лис, установит свою 6-ю армию на линии Висшете, Армантьер, Ля-Бассе; правый фланг 17-й армии будет в Лансе, центр — поперек рр. Скарпы и Сансэ, левый фланг — около Арле. Группа армий фон-Бена (2-я, 18-я и 9-я армии) будет твердо отстаивать позиции Гинденбурга, между тем как группа армий германского кронпринца отведет на эту позицию 7-ю армию, которая все же оставит свой левый фланг за р. Эн, у Вайли.

Решение это тяжело, так как оно означает потерю всей территории, занятой во время весеннего наступления. Но, по крайней мере, Людендорф надеется, что шесть герман-

ских армий, подвергшихся удару, будут установлены на твердой позиции, дающей возможность обороняться экономично, между тем как противнику будет затруднено сообщение по опустошенной местности, которую он займет. Организованное таким образом общее отступление начинается 3 сентября и продолжается до 9 сентября.

К этому времени армии союзников в своем продвижении от выступа у Арментьера до р. Эн вернули Монт-Кеммель и дали возможность возобновить эксплоатацию угольного района Бетюн, а в Пикардии намного перевыполнили первоначальное задание — освободить железнодорожную линию Париж—Амьен. По всему фронту они соприкасаются либо с передовыми частями, либо с самой линией Гинденбурга, сильная оборонительная система которой ставит теперь проблему, выходящую за пределы наступательных операций, предусмотренных памятной запиской 24 июля.

VIII. Эту проблему Фош начал изучать с конца августа, когда он увидел расширение движения вперед, между рр. Скарпой и Эн, под действием флангов: I и III английских и X французской армии. Не пришел ли момент начать «*большое наступление*», предусмотренное с 24 июля на конец лета или на начало осени. Таково мнение Хейга, предлагающего 26 августа начать на Мезьер концентрическое наступление, которое поведут с юга на север французы, а с запада на восток — англичане, продолжая двигаться на Камбрэ; для этой операции будут использованы все наличные американские дивизии, для чего надо отказаться от уничтожения выступа у Сен-Миэля.

Фош отвергает это предложение. Не то, чтобы он не считал его выгодным; наоборот, он давно мечтает об этой операции у Мезьера, он уже рассмотрел ее и тотчас же заявляет, что она входит в его программу будущих действий, но сейчас он считает ее преждевременной. В данный момент самое важное — настолько теснить противника, чтобы сделать его неспособным маневрировать, изморить его резервы и наличные силы, не заботясь особенно о направлении наших ударов. К этому результату ведет выполняемый план от 24 июля, возвращая в то же время союзникам важные участки французской территории; мы имеем время нанести последний удар этого плана, прежде чем перейти к осуществлению более широкой программы. В конце концов, удар у Сен-Миэля позволит американскому командованию,

впервые оказавшемуся во главе национальной армии, испытать ее в действии, легком для нее и выгодном для всех. Но все же ее первоначальное задание будет изменено, с тем чтобы американская армия не зашла за Вёвр настолько далеко, чтобы не быть в состоянии участвовать в наступлении на Мезьер.

17 августа Фош послал Першингу директиву, указывающую главные линии действий. I американская армия под командованием Першинга, в свою очередь под управлением Петэна, будет иметь объектом линию Буксьер-сюр-Фруамон, Марс-ля-Тур, Парфондрю, Безонво; в ней будут участвовать 21—22 дивизии, из них 14 американских и 7 или 8 французских. Таким образом, по установкам этой первой директивы Фоша, наступление американцев требует значительных сил, которые позволяют наметить отдаленные объекты; оно должно одновременно освободить железную дорогу Париж—Аврикур, необходимую для будущих операций по обеим сторонам Мааса, захватить удобную базу для исходного положения будущего наступления между Маасом и Мозелем, в направлении на Брие, и, наконец, нанести противнику возможно сильнейший удар.

Это наступление подготавливается, когда 30 августа Фош лично объясняет Першингу роль, которую он хочет поручить американской армии в наступлении на Мезьер, и необходимость вследствие этого сократить операцию при Сен-Миэле. Около 15 или 20 сентября американская армия в составе 8—10 дивизий будет наступать западнее Аргонн, в общем направлении на Мезьер; с запада ее фланг будет обеспечен IV французской армией, с востока — II, которая поведет наступление между Аргоннами и Маасом, после того как получит подкрепление из четырех—шести американских дивизий. Размеры удара у Сен-Миэля будут сокращены, для того чтобы освободить американские силы, нужные для более важной операции западнее Мааса. Однако, этот замысел вызывает резкое возражение Першинга.

Конечно, Першинг не умаляет стратегической ценности плана Фоша [1], но он укоряет его в использовании американской армии частями, вместо того чтобы отвести ей определенную часть фронта, подобно тому как это сделано для бельгийцев, англичан и французов. От имени своего пра-

---

[1] Этот план рассматривается в следующей главе.

вительства и своего собственного он требует, чтобы американская армия «*была использована как одно целое либо с восточной, либо с западной стороны Мааса*» и чтобы для удовлетворения этого желания отказались, если потребуется, от операции у Сен-Миэля, так как она, безусловно, является менее важной.

Фош не смущается этими притязаниями американцев. Как раз в этот период Клемансо упрекает его в том, что он слишком стесняется показать Першингу свою власть; однако, Фош твердо решил не держаться в отношении аме-

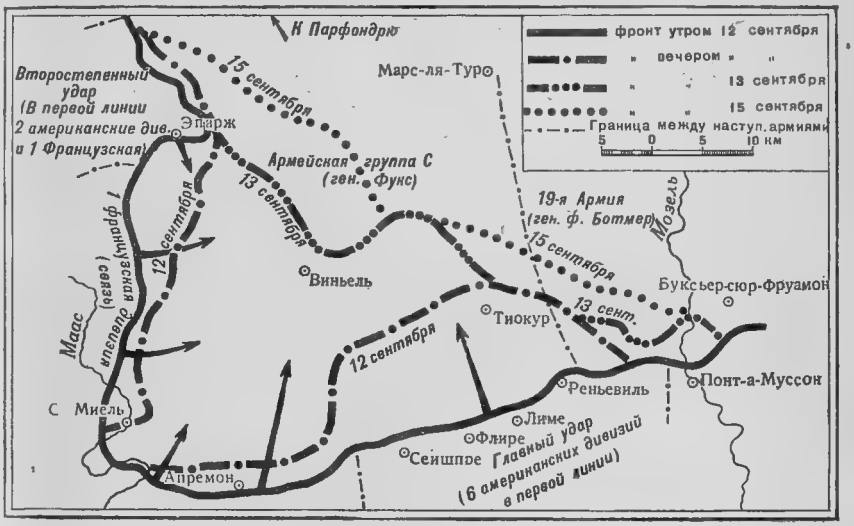

Схема 12. **Сражение при Сен-Миэле с 12 по 15 сентября 1918 г.**

риканского главнокомандующего той политики, которую ему советуют и которая неизбежно привела бы к серьезному конфликту.

С точки зрения военной Фош, без сомнения, мог бы отказаться от удара на Сен-Миэль, хотя и предпочитал, по вышеизложенным причинам, не принимать этого решения, но он еще больше сожалел бы, если бы вследствие этого пришлось возложить исключительно на американскую армию операцию у Мезьера, от которой ждут столь важных результатов. Обладают ли американские штабы и службы достаточным опытом? Может ли американское командование вести свои войска с начала до конца, если французские части не обеспечат их флангов? Очевидно,

нужно найти решение, которое удовлетворило бы и желание американцев и требования ведения действий. Фош стремится к этому, созвав 2 сентября на совещание Петэна и Першинга, которым он накануне послал записку с изложением основ, делающих соглашение возможным.

Во время совещания Першинг добивается очень важной уступки. Наступление на Мезьер не будет выполняться американской армией, поддержанной с флангов французскими армиями. После нанесения удара у Сен-Миэля Першинг примет командование зоной, расположенной между Мозелем и Аргоннами, которая, таким образом, станет исключительно американской; затем американская армия нанесет около 25 сентября удар между Маасом и Аргоннами, в то время как IV французская армия (Гуро) начнет наступление слева от нее, западнее Аргонн. Условлено, что Петэн будет руководить франко-американскими операциями. II французская армия в секторе между Аргоннами и Сен-Миэлем не будет участвовать в наступлении; ее части перейдут под командование Першинга до того времени, пока их не сменят американцы.

Наступление у Сен-Миэля в том виде, как оно утверждено на совещании 3 сентября, имеет целью захватить линию Виньёль, Тиокур, Реньевиль; в нем будут участвовать 12 дивизий в первой линии, а именно — 8 американских и 4 французские, которые будут поддержаны 5 американскими дивизиями и 4 французскими. Главный удар, наносимый шестью американскими дивизиями, пройдет от плато Лимэ, Сеиппре в северном направлении; второстепенный удар (две американские дивизии и одна французская в первой линии) спустится с высот Эпарж в юго-восточном направлении. Связь между этими двумя операциями будет осуществляться французским армейским корпусом в составе трех дивизий.

Приготовления к наступлению, начатые в середине августа, не ускользнули от немцев, которые, однако, не выказали особенного беспокойства, либо вследствие уверенности в твердости своих оборонительных сооружений, улучшенных в течение 4 лет войны, либо ввиду некоторого презрения к американским войскам. Однако, армейская группа С, принадлежащая к группе армий фон-Гальвица, которая занимает выступ у Сен-Миэля под командованием генерала Фукса, имеет на фронте атаки только семь дивизий, в том числе три дивизии ландвера и одну австрийскую. 8 сен-

тября, когда Людендорф решился, наконец, отдать приказ об оставлении столь опасных позиций и об отходе на линию Гинденбурга, было уже слишком поздно. Тотчас же начинается эвакуация материальной части, но она еще далеко не заканчивается к моменту начала американского наступления.

12 сентября, после начавшейся в 1 час ночи артиллерийской подготовки, в 5 час. утра начинается главный удар, а в 8 час. — второстепенный; оба они развертываются с полным успехом, несмотря на обширные проволочные заграждения, бетонированные и бронированные гнезда. Оборона, захваченная в разгар эвакуации, лишенная большей части своей артиллерии, уже отведенной в тыл, оказалась растерявшейся и бессильной. Утром 13 сентября американские войска, участвовавшие в ударах, и корпус, назначенный для связи, утвердились на линии, указанной им в качестве объекта. Противник потерял пленными 13 251 чел., 466 пушек и много снаряжения. С 13 по 15 сентября I американская армия завершает свой успех, продвигаясь к северо-востоку, чтобы притти в соприкосновение с новой германской позицией. Одновременно она начинает быстро отводить свои силы, которые должны теперь сражаться с запада от Мааса.

После победы у Сен-Миэля программа, утвержденная памятной запиской 24 июля, полностью выполнена. Она даже значительно перевыполнена в отношении объектов, указанных севернее Уазы. Однако, с конца августа Фош подготовляет новый план операций, первые действия которого должны развернуться к концу сентября. Но еще до этого весьма важные события происходят на театрах войны в Салониках и в Турции.

ГЛАВА X

ПОРАЖЕНИЕ БОЛГАРИИ И ТУРЦИИ

(*15 сентября — 11 ноября*) [1]

I. Болгария весной и летом 1918 г. Германо-болгарская армия перед наступлением. II. Колебания союзных правительств перед болгарским вопросом. План действий генерала Гильома. План наступления ген. Франше д'Эспере. III. Франко-сербское наступление. Использование успеха. Перемирие с Болгарией. IV. Балканские операции после перемирия с Болгарией. Создание австро-германской группы. Директивы союзных правительств. Инструкции Франше д'Эспере. V. Положение в Малой Азии в начале 1918 г. Наличные армии. Их состав и расположение. VI. Проект турецкой оккупации берегов Каспийского моря. Трения между Германией и Турцией. Оккупация Баку. VII. Английские армии в Палестине и Месопотамии до сентября 1918 г. VIII. Победы ген. Алленби в Палестине. IX. Перемирие в Мудросе.

I. В течение весны и лета 1918 г. положение в Болгарии все усложняется. Общественное мнение не понимает, для чего страна продолжает войну, если она уже получила ту македонскую территорию, которой стремилась завладеть, и не может надеяться на получение Добруджи при заключении мира. Страна сильно раздражена против правительств Берлина и Вены; их считают виновными в затягивании войны, которая не принесет уже новых побед и

---

[1] Схема 13. Македонский театр войны. Положение наличных войск 15 сентября 1918 г. Схема 14. Театр войны в Малой Азии в 1918 г.

Источники: Ларше (майор), «Великая война на Балканах» (Париж, 1929) и «Турция в мировой войне» (Париж, 1926); Жуино-Гамбетта (ген.), «Ускюб» (Париж, 1920); Кастекс (адм.), «В песках Месопотамии» (Ревю де Пари, 1 января 1935 г.); Азан (ген.), «Перемирие с Турцией» (Illustration, 1 января 1920 г.); Лоран (майор), «Средиземноморское командование» (Париж, 1931). «Условия перемирия Антанты и ее союзников с Турцией, Болгарией, Австро-Венгрией и Германией» (официальный текст, Париж). Британские официальные отчеты; два тома, посвященные операциям в Македонии. Военные операции, Македония (Лондон, 1925 и сл.);

налагает на население бремя все увеличивающегося хозяйственного кризиса. С июля это раздражение увеличивается ввиду неудач немцев на французском фронте. В июне кабинет Малинова, сменивший германофильское министерство Радославова, не скрывает своего мнения, что интересы страны требуют быстрого соглашения с Антантой. Политические деятели высказывают мнение, что Болгарии легко будет добиться приемлемого для нее мира на основе 14 пунктов Вильсона; они тем сильнее придерживаются этого мнения, что Соединенные Штаты, которые не прерывали дипломатических отношений с Болгарией, оставили там генерального консула, хорошо снабженного финансовыми средствами.

Моральное состояние армии не лучше состояния тыла. Болгарский солдат плохо питается, плохо одет, сплошь и рядом в отрепьях и босой; он устал от войны, тянущейся почти непрерывно с 1912 г.; принужденный все время только обороняться, он теряет мужество. В начале апреля части, назначенные для действий с ограниченными целями, западнее Охридского озера, отказались итти в бой; в мае у Хума полки 1-й армии, атакованные греками, не удержались и не хотели итти в контратаку; в отдыхающих частях вспыхивают бунты; увеличивается число перебежчиков и дезертиров.

Переброска германских войск на французский фронт сильно ослабила моральное состояние и боеспособность болгарской армии. В конце 1917 г. в Македонии имелось 22 германских батальона и 72 батареи; к началу сентября 1918 г. осталось только 3 батальона, 32 батареи, 10 отрядов горных пулеметчиков, этапные войска [1], несколько спе-

---

Тауншенд (ген.), «Моя македонская кампания» (Лондон, 1923, 2 тома); Т. Э. Лоуренс (полк.), «Восстание в пустыне» (франц. перев., Париж, 1935); Дитрих (ген.), «Конец мировой войны на македонском фронте, Сражения Мировой войны, т. XI; Ландфрид, «Заключительное сражение в Македонии в 1918 г. и его история» (Берлин, 1923); Мах (фон), «О тревожном времени на Балканах» (Берлин, 1928); Лиман-фон-Сандерс, «Пять лет в Турции» (Берлин, 1920); Помянковский, «Крушение оттоманской империи» (Вена, 1928); Недев, «Македонские операции. Дойранская эпопея 1915—1918 гг.» (франц. перевод, София, 1925); Капчев, «Национальное болгарское поражение перед верховным судом» (Париж, 1925).

[1] В числе этапных войск 9 батальонов из состава 6-й резервной дивизии, распущенной в Румынии и составленной из старых призывов, прекрасно билась при отступлении, в сражениях, начавшихся с 15 сентября.

циальных частей и штабы. 29 августа в Наугейме, приехав туда лечиться, болгарский царь указывает императору Вильгельму на опасность лишения болгарского фронта германских частей. 9 сентября Людендорф отвечает, что не может уделить ни одного германского соединения для болгарского фронта и что, в конце концов, союзники никогда не предпримут крупного наступления на македонском фронте.

В течение первой половины сентября германо-болгарская армия под командованием генерала Жекова, штаб которого расположен в Кюстендиле, насчитывает приблизительно 400 000 едоков, из которых можно выделить 170 000 бойцов.

В западной части, между Охридским и Дойранским озерами, группа армий под командованием немецкого генерала фон-Шольца (его штаб-квартира находится в Ускюбе) состоит из двух армий: 11-й, так называемой «*германской армии*»[1], и 1-й болгарской армии; она охватывает почти все болгарские войска. 11-я германская армия стоит против Монастыря, преграждая изгиб р. Црны, и удерживает лесной массив Доброполья. Ею командует генерал фон-Штейбен, и она разделена на два корпуса, 62-й (генерал Флекк) и 61-й (генерал Зуррен), каждый по три дивизии; всего она имеет 126 батальонов и 484 орудия. 1-я болгарская армия, насчитывающая три дивизии, т. е. 63 батальона и 403 орудия, загораживает Вардарский проход.

От берегов озера Дойран до моря за р. Струмой 2-я болгарская армия имеет три дивизии — 48 батальонов и 251 орудие. Наконец, 4-я армия, сокращенная до двух дивизий (одной пехотной и одной кавалерийской), охраняет побережье Эгейского моря. Авиация германо-болгарской армии состоит из семи немецких эскадрилий, распределенных между тремя армиями, занимающими передовые позиции.

В Албании австрийский корпус в составе двух дивизий пехоты и одной кавалерийской под командованием генерала фон-Пфланцер-Балтин продолжает германо-болгарский фронт от западного берега Охридского озера до Адриатического моря.

---

[1] 11-я армия состоит в действительности из крупных болгарских частей; она называется «*германской*» потому, что ее командование и командование двух армейских корпусов осуществляется немецкими офицерами, а также потому, что в нее входит бо́льшая часть находящихся в Македонии германских войск.

16 августа болгары начинают замечать признаки подготовки крупного наступления в секторе стыка 11-й германской армии и 1-й болгарской; тотчас же они сосредоточивают резервы, смешанную бригаду из 10 батальонов, 5 батарей и 1 эскадрона — южнее Прилепа для 11-й германской армии, смешанную бригаду из 9 батальонов и 5 батарей — для 1-й армии в долине р. Вардара. Как болгарское, так и немецкое высшее командование уверено в себе; оно считает, что придется, может быть, уступить некоторую часть территории, но что оно сумеет очень быстро задержать продвижение противника вследствие трудностей наступления в массиве Доброполья, на высотах в 1 800 и 2 200 *м*, в обрывистых ущельях и горах, доступных только для горной артиллерии. Кроме того, у них имеется хорошо укрепленная первая позиция, состоящая из двух или трех линий окопов и проволочных заграждений.

II. В начале 1918 г. союзные армии на Востоке насчитывали уже около 530 000 чел., т. е. значительно больше, чем германо-болгары. С марта это число значительно возросло ввиду присоединения греческих дивизий [1]. К 14 сентября 1918 г. Франше д'Эспере, командующий войсками союзников на Востоке, имеет в распоряжении 670 000 чел., распределенных между 28 пехотными дивизиями:

Французская армия (генерал Анри), 8 дивизий и 1 кавалерийская бригада	209 000	чел.
Английская армия (генерал Милн), 4 дивизии . .	138 000	„
2 сербских армии (I и II армии под командованием королевича Александра), каждая по 3 дивизии	119 000	„
1 итальянская дивизия	44 000	„
9 греческих дивизий	157 000	„

Французская армия разделена на три группы, из которых две вместе с итальянской дивизией образуют левое крыло союзных армий, а третья расположена западнее р. Вардара; она этим обеспечивает фланги сербских армий. Греческие дивизии распределены: три — во французской армии и шесть — в английской. В отношении материальной части, главным образом, авиации и современной артиллерии, союзные армии значительно превосходят болгарскую.

[1] См. гл. VII, стр. 117.

В Албании, от левого фланга союзных армий до северной части Валонны, против австрийцев стоит итальянский независимый корпус (16-й корпус в 100 000 чел.) под командой генерала Ферреро.

С 21 марта, времени начала сражения во Франции, не приходится бояться наступления, опасного для союзных армий на Востоке. Все наличные австро-германские силы, как люди, так и материальная часть, нужны для операций на французском и итальянском фронтах. В то же время союзники отмечают падение духа как в болгарских войсках, так и в тылу и стремление болгарского правительства отделиться от своих союзников. Недопустимо в этих условиях удерживать восточную армию на обороне, имея численное и материальное превосходство над противником, который к тому же выказывает признаки ослабления. Даже если не надеяться на решительную победу над Болгарией, не удастся ли, по крайней мере, начав наступление, заставить австро-германские войска притти к ним на помощь, взяв войска с французского фронта, где установилось такое равновесие, что малейшая перестановка сил может его нарушить?

Однако, до начала сентября Ллойд Джордж упорно возражает против большого наступления в Македонии. Что касается внешних театров войны, то он продолжает считать, что следует вывести из борьбы именно турок и для этого бить их в Палестине и Месопотамии, где Англия держит значительное количество войск для защиты чисто британских интересов; в этом мнении его поддерживают дипломаты из министерства иностранных дел, рассчитывающие разобщить Болгарию с центральными державами дипломатическим путем. Для чего же в таком случае начинать наступление, которое повлечет крупные жертвы и успех которого не обеспечен? Даже Вильсон, начальник генерального штаба, держится того же мнения. На сессии высшего военного совета в Аббевиле 1 и 2 мая он возобновляет требование, выдвинутое им и прежде, о переброске из Салоник 12 батальонов в распоряжение Хейга. Италия еще меньше желает, чтобы союзники предприняли что-либо, так как в случае удачи, до того, как она сама освободится от австрийцев, была бы создана Большая Сербия и возникли бы затруднения при разделе Далматского побережья; она постоянно выказывала беспокойство в отношении восточных берегов Адриатики, отказываясь подчинить свой

корпус, действующий в Албании, главнокомандующему армиями союзников на Востоке. Наконец, во Франции Клемансо, не будучи таким непреклонным, всегда считал Македонию второстепенным театром войны, где наступление может иметь целью только улучшить положение и этим позволить перебросить дивизии союзников на французский фронт; одержать победу можно только во Франции — таково твердое мнение главы французского правительства. Однако, французское командование делает другие выводы из сведений о болгарской армии и из сравнения наличных сил.

1 марта Гильома представляет французскому правительству план наступления с ограниченными целями, которое поведут французы, англичане и греки вдоль рр. Вардара и Струмы. Он считает, что эта операция улучшит фронт, встревожит противника, может принудить германское командование усилить болгарскую армию путем переброски войск с других фронтов; он отмечает, что большего предложить нельзя, пока окончательный успех не достигнут во Франции или Италии. Но это только планы, и 17 марта, утверждая проект, Клемансо указывает, что союзные армии в Македонии должны в настоящий момент ограничиться обороной в соответствии с указаниями директивы, посланной им в декабре 1917 г.

Начиная с апреля, в соответствии с инструкциями от 4 апреля, полученными от Клемансо, восточная союзная армия предпринимает ряд налетов с целью помешать переброске войск с этого фронта на французский [1]. В результате этих действий моральное состояние болгарских войск падает, сербы начинают обретать уверенность в себе, а греки обнаруживают прекрасные боевые качества. В начале июня Гильома видит возможность присоединить к удару, предполагающемуся на рр. Вардаре и Струме, наступление сербов в гористой местности. Он изучает это расширение первоначального плана, как вдруг его отзывают во Францию для командования парижскими войсками и заменяют генералом Франше д'Эспере. Когда Гильома 12 июня прибыл в Париж, ему было тотчас же предложено сообщить данные, на основе которых можно построить директиву, адресованную Клемансо 23 июня восточным союзным армиям. Она предписывает Франше д'Эспере быть готовым предпринять до осени

---

[1] См. гл. VI, стр. 87.

общее наступление, которое откроет сербам и грекам доступ к их национальным землям, захваченным противником. Так как операция таких размеров не может осуществиться тотчас же, во-первых, ввиду жары, которая уменьшает число районов действия, во-вторых, ввиду недостатка требующихся средств артиллерии и авиации, перед началом ее будут производиться, с целью поколебать противника, частные наступления, которые последуют у сербов, а затем в полосе, занимаемой греками.

Решение это важно потому, что оно в корне изменяет существовавшее до сего времени поведение восточных армий, и потому, что оно идет вразрез с идеями англичан и итальянцев. Но, принимая его, Клемансо не посоветовался ни с теми, ни с другими, так же как за несколько дней до этого он не спросил их согласия, заменяя Гильома генералом Франше д'Эспере. 3 июля на заседании высшего военного совета в Аббевиле Ллойд Джордж восстает против этого образа действий и выражает свое неудовольствие; при поддержке Вильсона он предлагает три резолюции, которыми совет отмечает решение отказаться от всякого наступления в Македонии.

Условлено:

1) что постоянные военные представители, к которым будут присоединены дипломатические представители, приготовят доклад о выгодах наступления на Балканах;

2) что в ожидании этого доклада в Македонии не будет начато никакого наступления;

3) что после обсуждения этого доклада правительства примут решение посредством прямых переговоров, а если таким путем соглашение не будет достигнуто, то передадут его на решение высшего военного совета.

Итак, еще раз и по тем же причинам, которые с самого начала руководили ими, английское и итальянское правительства стремятся парализовать действия союзных войск в Македонии; к счастью, Гильома, Франше д'Эспере и военные представители, изучающие вопрос о наступлении в Македонии, окажутся более дальновидными. Но все же операции будут проводиться в условиях, сильно отличающихся от тех, которые предлагал Гильома.

Очень скоро Франше д'Эспере убедился, что если нужно вызвать полное расстройство болгарских армий, то нужно достичь в долине р. Вардара треугольника Градско, Криволак, Неготин, где сходятся все дороги, обслуживаю-

щие фронт между Охридским озером и р. Струмой, где соединяются 11-я германская армия и 1-я болгарская, где расположены все парки и склады. Конечно, нужно переходить через горные хребты между рр. Црной и Вардаром, достигающие 1 500—2 500 *м* высоты, но это — разумная дерзость, ввиду низкого состояния духа болгарских войск и средств, которые можно сосредоточить перед сектором удара, притом ширина его не превысит 15 *км*. 29 июня Франше д'Эспере составляет в главных чертах план, основанный на этом замысле. Главный удар будет нанесен группой армий под командованием королевича Александра, в составе двух сербских армий, усиленных двумя французскими дивизиями. В первой фазе две французские дивизии нанесут удар с целью прорвать болгарский фронт; во второй фазе сербские дивизии используют успех, продвигаясь как можно скорее в общем направлении на Неготин. Главное наступление будет облегчено второстепенными атаками, которые французская и британская армии будут производить каждая на своей полосе фронта.

2 июля Франше д'Эспере получает в Салониках директиву, посланную из Парижа 23 июня и основанную на первоначальном плане операций, разработанном Гильома; однако, он отстаивает свой собственный замысел и 13 июля посылает в Париж свой подробно разработанный план. 18 июля Клемансо телеграфирует главнокомандующему восточными союзными армиями о согласии французского правительства; остается получить его от английского и итальянского правительств.

3 августа постоянные военные представители одобряют план Франше д'Эспере, при условии, что союзные армии в Македонии не получат ни людей, ни средств, назначенных для французского фронта. С этого момента Клемансо старается сломить упорство английского и итальянского правительств; с этой целью он посылает Гильома сначала в Лондон, затем в Рим. Но, несмотря на деятельность французов, согласие между тремя союзными правительствами достигается только 10 сентября. Клемансо тотчас же телеграфирует Франше д'Эспере, что он может начать наступление, когда найдет это удобным.

Разрешение приходит в последний момент. 5 сентября Франше д'Эспере телеграфировал в Париж, что нужно спешить, так как время идет и болгары начинают настораживаться; он прибавил, что рассчитывает начать 14 сентября, если позволят атмосферные условия.

III. Обстрел, начавшийся 14 сентября в 7 час., не захватил болгар врасплох; но превосходство артиллерии атаки — 566 орудий против 158 — подавляет их. На следующий день, 15 сентября, в 5 ч. 30 м. три дивизии (две французские и одна сербская) начинают штурм против двух болгарских дивизий (2-й и 3-й) среди скал массива Моглена. Германские пулеметчики и артиллеристы сражаются энергично; зато болгарская пехота быстро отступает. Вечером две болгарские дивизии отошли уже на большое расстояние, и сербские войска приступают к использованию успеха: I армия—западнее, к нижнему течению р. Црны, II армия—восточнее, к р. Вардар. Франше д'Эспере отдает приказы о расширении прорыва в болгарском фронте. С восточной стороны англичане, связанные с сербами через греко-французскую группу, ударят с двух сторон озера Дойран; с западной стороны французская армия пойдет на Прилеп.

Сербские войска стремительно используют победу. 17 сентября они отбрасывают болгар частью за р. Црну, частью за р. Вардар, открыв, таким образом, долину верхнего течения р. Вардара. Неудача английских атак 17 и 18 сентября против 1-й болгарской армии задержала их поворот к востоку, но зато им помогла победа французской восточной армии над 11-й германской армией. Тогда 21 сентября напротив левого фланга этой армии сербы форсируют р. Црну в нижнем течении и отбрасывают противника к Прилепу. В этот же день, при поддержке греко-французской группы, они достигают р. Вардара в районе Криволака. С этого момента ослабевает связь между двумя армиями группы армий фон-Шольца. 11-й армии, которой грозит опасность быть отрезанной в Градско от долины р. Вардара, генерал фон-Штейбен уже 20 сентября приказал отступать с боем на дорогу Монастырь, Прилеп, Градско; 22 сентября он приказывает начать поворот, который выведет части на фронт Велес, Калканделен, с тем чтобы прикрывать Ускюб и верхнее течение р. Вардара.

Франше д'Эспере ясно видит важность скорейшего занятия Ускюба, где союзники окончательно отрежут 11-ю германскую армию от основной массы болгарских войск. 23 сентября он бросает в этом направлении французскую кавалерийскую бригаду генерала Жуино-Гамбетта и направляет на Велес 1-ю сербскую армию.

После чрезвычайно трудного перехода по горным тропам, возвышающимся на 2 000 *м* западнее р. Вардара, француз-

ская кавалерийская бригада в составе трех полков достигает Ускюба, 29 сентября захватывает гарнизон, отрезает отступление колонн и обозов, старающихся уйти в Болгарию; 30 сентября к ней присоединяется французская пехотная бригада. Сербы, со своей стороны, входят в Велес 27 сентября, а англичане отбросили на р. Струмицу 1-ю болгарскую армию. Болгары объявляют себя побежденными.

Уже 26 сентября софийское правительство просило прекращения операций на 48 час., но Франше д'Эспере ответил, что не прекратит действий, хотя готов принять уполномоченных, чтобы узнать условия перемирия. 28 сентября болгарские полномочные представители прибывают в Салоники; они подписывают перемирие на другой день, когда французские эскадроны вошли в Ускюб.

По условиям договора, Болгария немедленно очищает занимаемые ею сербскую и греческую территории, распускает свою армию, за исключением трех дивизий, которые будут охранять ее границы от германо-турок и обеспечат использование железных дорог союзниками; она передаст победителям снаряжение и материальную часть демобилизованных частей, соглашается на оккупацию некоторых пунктов своей территории. 11-я германская армия, захваченная в качестве военнопленной, должна сложить оружие.

2 октября болгарский парламент ратифицирует перемирие; 3 октября царь Фердинанд отрекается от престола в пользу своего сына царевича Бориса.

IV. Получив известие о прорыве македонского фронта, Людендорф немедленно принимает меры, чтобы помочь союзнику, находящемуся в опасности, не предполагая, что болгарское правительство и армия могут капитулировать в 15 дней. Он приказывает фон-Шольцу послать в Софию германские войска для поддержки царя Фердинанда и совещается с Арцем о скорейшем создании в районе Ниша австро-германской армии. В состав этой группы войдут: австрийский 19-й армейский корпус (фон-Пфланцер-Балтин), десять пехотных дивизий, из них пять австрийских дивизий (одна — отведенная из Италии, одна — взятая из тыла, три — приведенные с Украины) и пять германских дивизий (четыре, уже находящиеся на пути с восточного фронта во Францию, будут направлены в Сербию, а альпийский корпус будет взят с французского фронта) и, кроме того, австрийская кавалерийская дивизия.

Разумеется, тяжело лишать десяти пехотных дивизий австрийские и германские армии в Италии и во Франции, где войска замучены и их нехватает, но Людендорф рассчитывает, что, по крайней мере, этих сил хватит, чтобы остановить союзников на линии, прикрывающей Софию и Северную Албанию. Перемирие разбивает эту надежду. Теперь противник может быстро и сильно поразить Турцию, затем Венгрию и Австрию; он откроет своему флоту доступ в Черное море и заставит Румынию возобновить войну. Можно ли, в самом деле, надеяться, что 10 слабых австрийских и германских дивизий остановят 28 дивизий, в 670 000 чел., восточной союзной армии? Следует, кроме того, учесть, что боеспособность австрийских дивизий невелика, а германские дивизии, переброшенные с Востока, состоят из солдат старых призывов. Даже альпийский корпус, бывший когда-то отборной частью, теперь сильно истощен. В действительности, чтобы задержать продвижение победоносных союзных войск к северу, следует учитывать трудности снабжения в неудобной, бедной стране, где мало дорог, и те плохие, и систематическое разрушение железнодорожных линий.

Австрийцы и немцы, однако, быстро и планомерно выполняют принятые решения. 6 октября в районе Ниша собрано уже пять дивизий (две австрийских и три немецких), между тем как немецкие части, входящие в состав болгарской армии, с боем отступают к Нишу, Пироту и Митровице. С своей стороны, маршал фон-Макензен распределяет силы, чтобы удержать левый берег Дуная и закрыть доступ в Румынию. В этой обстановке Людендорф надеется, что австро-германские войска сумеют, по крайней мере, удержать линию Сава, Дунай и помешать союзникам занять Венгрию и Румынию.

Союзные правительства не меньше германского высшего командования удивлены быстротой и размерами поражения Болгарии. Во Франции Клемансо сначала не видит всех возможностей, которые открывает войскам Антанты победа в Македонии. Он не только боится, что зайдут слишком далеко, настолько, что нельзя будет собрать силы для французского фронта, не только считает, что нужно использовать успех осторожно, не переходя за Ускюб, но, кроме того, чтобы выразить благодарность страны генералу-победителю, он хочет подчинить Франше д'Эспере генералу Гильома, который отправится в Салоники в качестве главнокомандующего. К счастью, перемирие с Болгарией кладет конец этим

Схема 13. Македонский театр войны. Положение наличных войск 15 сентября 1918 г.

безумствам. Но даже и тогда союзные правительства с трудом договариваются относительно указаний об использовании победы, так как Италия и Англия более чем когда-либо настаивают на соблюдении их интересов на Балканах. Только 7 октября, после целой недели споров, Франше д'Эспере получает общую директиву о движении восточных союзных армий; ее дополняют несколько приказов, переданных по телеграфу.

Восточные союзные армии используют победу, освободив Сербию и подготовив интервенцию в Румынии, с целью снова втянуть ее в войну и сухопутным путем двинуться по направлению к Константинополю, чтобы изолировать Турцию. Движение союзных армий к северу должно дать им возможность «*перенести фронт к самым границам Австрии*».

Командовать союзными войсками, назначенными для действий в Румынии, посылается генерал Бертело, командовавший V армией на французском фронте. Операция у Константинополя поручается английскому генералу Милну, в распоряжение которого будут даны три британские дивизии и части других национальностей. Наконец, оккупация Албании будет осуществлена итальянцами. В Скутари будет поставлен гарнизон из разных национальностей.

Однако, после заключения мира с Болгарией Франше д'Эспере, не дожидаясь директив союзных правительств, начинает располагать свои войска на театрах войны, открывающихся перед ним; он подготовил главное продвижение к Сербии и Венгрии сербских, французских и английских войск и второстепенное продвижение к Румынии и Турции. Но этот план был достаточно гибким, чтобы легко быть измененным в соответствии с полученными от правительств распоряжениями. Тогда Франше д'Эспере бросает сербские армии в направлении на Белград, прикрывая их с правого фланга группой из двух французских дивизий, направленных к Видину на Дунае; в Румынию, к Рущуку, он направляет группу, состоящую из двух французских дивизий и одной английской. Армия генерала Милна состоит из трех английских дивизий, трех греческих, одной французской дивизии и одной итальянской бригады; она пойдет на Константинополь, достигнув с первого перехода р. Марицы.

Очевидная невозможность для австро-германцев собрать на Балканах достаточное количество боеспособных войск допускает такое развертывание веером; численное превосходство союзников настолько велико, что можно избежать

переброски на север и на восток всех наличных войск, чтобы не увеличивать трудностей ввиду недостатка транспорта, железных и шоссейных дорог.

Сербы и французы, брошенные к Дунаю, быстро движутся вперед. 11 и 12 октября 1-я сербская армия оттесняет к Нишу австрийцев, старающихся прикрыть сосредоточение австро-германских подкреплений; 23 и 24 октября она разбивает австрийские и германские дивизии в районе Алексинац, Парачин, между тем как с ее правого фланга французские дивизии подходят к Дунаю у Лом Паланка. С 25 октября немцы начинают уходить за Дунай у Белграда и Семендрии; 1 ноября сербы вступают в свою столицу. Затем события ускоряются. 3 ноября австрийцы подписывают перемирие в Вилла-Джусти. 10 ноября сербы и французы, перейдя рр. Саву и Дунай, преследуют немцев, отступающих с боем через Венгрию под командой фон-Макензена; в восточной части передовые части Дунайской армии под командой генерала Бертело переходят Дунай у Рущука и Силистрии, а Румыния снова берется за оружие. Армия генерала Милна остановилась на р. Марице 30 октября, когда Турция, в свою очередь, прекратила войну и подписала перемирие в Мудросе.

V. Не могли ли английские армии в Палестине и Месопотамии добиться этой капитуляции много раньше? Можно было бы утверждать это, если бы не приходилось учитывать недостаток документальных данных об английской кампании в Азии. Странно, однако, что, несмотря на то значение, которое Ллойд Джордж придавал наступлению против турок, и несмотря на свое огромное численное превосходство, английские армии не смогли в этот последний год войны быстро вывести из строя этого противника. В начале 1918 г. насчитывается вместе с египетскими войсками 880 300 чел., которым Турция может противопоставить только 60 000 бойцов; и это количество в английских войсках не только сохранится, но даже увеличится к концу кампании.

В январе на Кавказе, откуда русские армии ушли после Брест-Литовского мира (7 декабря 1917 г.), Турция оставила две армии численностью не больше 20 000 бойцов: 3-я армия между Черным морем и озером Ван, 2-я армия — южнее. В Месопотамии, севернее Багдада, на Тигре и Ефрате, 6-я турецкая армия, численностью в 33 000 чел., растянута

на фронте длиной в 400 *км*, чтобы прикрывать одновременно дороги на Алеппо, Моссул и Баку. 5-я армия, в 20 000 штыков, занимает Анатолию и охраняет побережья Эгейского и Средиземного морей, от устья р. Марицы до Адалийского залива.

После поражений, которые привели в конце 1917 г. к потере Иерусалима и Иерихона, высшее германское командование решило более непосредственно руководить операциями и назначило генерала фон-Секта начальником генерального штаба турецких армий; в феврале 1918 г. начальник германской военной миссии генерал Лиман-фон-Сандерс сменил генерала фон-Фалькенгайна во главе ильдеримской группы армий, противостоящей англичанам в Палестине.

Ильдеримская группа армий (штаб-квартира в Назарете) включает три армии. От моря до Иордана 7-я и 8-я армии занимают линию с запада на восток, которая проходит в 15 *км* севернее Яффы и в 30 *км* севернее Иерусалима; несколько групп прикрывают их восточнее Иордана. 4-я армия имеет только один штаб, которому поручено руководство этапами. Общее число трех армий под командованием Лиман-фон-Сандерса составляет лишь 40 000 бойцов; в их рядах имеется несколько германских частей, а именно: «*азиатский корпус*» из трех батальонов, подготовленных для войны в жарких странах, несколько батарей и специальные войска; весной к ним присоединится немецкий пехотный полк из трех батальонов. Материальное положение всех турецких войск плачевно — они плохо одеты и плохо питаются. Число дезертиров превышает 300 000; в июне 1918 г. в ильдеримской армейской группе их больше, чем оставшихся в строю.

Англичане имеют, под командованием генерала Алленби, на палестинском фронте против 40 000 турецких бойцов 200 000 чел., из них 150 000 бойцов. В это число входят: семь пехотных дивизий (три белые дивизии и четыре индийские), кавалерийский корпус, так называемый «*конный корпус пустыни*» (три дивизии белой кавалерии, бригада ездящей пехоты, бригада на верблюдах), и, наконец, французская группа [1]. Восточнее Иордана их поддерживают отряды эмира Файсала, старающиеся парализовать железную

[1] В эту группу входят: армяно-сирийский пехотный полк, смешанный кавалерийский полк (2 эскадрона африканских егерей, 2 эскадрона спаги), артиллерийская группа в 3 батареи, 1 эскадрилья.

Схема 14. Театр войны в Малой Азии в 1918 г.

дорогу на Геджас, по которой ильдеримская армейская группа сообщается с Мединой.

В Месопотамии, севернее Багдада, английская армия под командованием генерала Маршалла, сменившего генерала Мод, умершего от тифа в ноябре 1917 г., насчитывает шесть пехотных дивизий (одну белую и пять индийских), кавалерийскую дивизию и многочисленные части, не сведенные в дивизии, всего 246 000 чел., против 33 000 чел. 6-й турецкой армии. Пополняясь все время частями, прибывающими из Индии, она в марте 1918 г. достигнет 447 000 чел. (из которых 170 000 бойцов).

VI. Здравый смысл требовал, чтобы турки как можно скорее сосредоточили свои силы против англичан, численное превосходство которых вызывало сильнейшую тревогу. И вот турецкое правительство отказывается от этого благоразумного поступка; ему казалось, что выход из войны России давал возможность прежде всего осуществить захват земель на Кавказе. С начала 1918 г. Турция продвигает вперед свою 3-ю армию, чтобы вернуть территории, потерянные в 1877 г. В апреле турецкие войска занимают Батуми и Карс. В мае республики, образовавшиеся на Кавказе в результате русской революции, подписали в Батуми мир, положивший конец военным действиям в этом районе.

Тотчас же мечты турок расширяются, и Энвер-бей уже строит планы захвата северного и южного побережий Каспийского моря. Это вызовет образование большой туранской федерации, которая охватит тюркские и татарские народности Азербайджана, Закаспийской области, Поволжья и Сибири. Какую же важность будут иметь для Турции некоторые территориальные потери в Палестине, Иране, хотя бы даже в Сирии? В самом деле, в начале июня две турецкие армии, 3-я армия и вновь сформированная 9-я сосредоточены в районе Батуми, Карс, Баязет, наготове двинуться в крупную авантюру; они были созданы или пополнены контингентами, взятыми из тыла или переведенными из 6-й армии, численность которой падает до 8 000 бойцов против 170 000 бойцов генерала Маршалла.

Германское правительство и командование не скрывают своего неодобрения предприятиям, так не соответствующим силам слабеющей с каждым днем оттоманской империи. 14 августа на совещании в Спа Гинце заявляет, что Турция на Кавказе затеяла «*войну грабежей и убийств*». Люден-

дорф обращается к Энвер-бею с требованием перегруппировки кавказских армий и переброски их по железной дороге Тбилиси — Ереван в район Тавриза, чтобы подкрепить 6-ю армию в Месопотамии. Этим прикроется и Моссул и бакинский нефтяной район, который немцы хотят использовать для себя при помощи железной дороги, ведущей к Черному морю, в Батуми и Поти. Но Энвер не хочет отказаться от своей мечты, не сделав ничего для ее осуществления.

Тогда между Германией и Турцией возникают недоразумения.

Первые из них вызываются переговорами с кавказскими республиками. По Батумскому миру, после энергичного вмешательства, Германия берет под свою протекцию Грузинскую республику, но в то же время хочет взять под контроль бакинскую нефть и провоцирует в этом районе восстание немецких колонистов, боровшихся с турками. Немецкое командование поддерживает своих соотечественников, дав им в начальники полковника фон-Кресса, уже находящегося в Грузии с полубатальоном солдат, затем высаживает в Поти пехотную дивизию и баварскую кавалерийскую бригаду, стоявшую до тех пор в Крыму. В таком положении дела остаются, пока немцы и турки не находят компромисса, улаживающего конфликт. 1 сентября турки решают итти на Баку, занятый с середины августа английскими частями, высланными Маршаллом. 15 сентября они занимают город и устраивают резню, убив 15 000 армян. Этим эпизодом заканчивается война на Кавказе.

VII. В течение марта и апреля Маршалл ограничивается в Месопотамии незначительными операциями; он занимает области Гит и Керкук, но тотчас же оставляет их и отходит на позиции севернее Багдада, занимаемые войсками с лета 1917 г.

В конце зимы палестинская армия одна начинает наступление против турок, решенное по плану кампании союзников на 1918 г. 9 марта англичане наносят удар по оси, образованной дорогой Иерусалим — Наплуз. После тяжелого трехдневного сражения они терпят неудачу. Алленби предполагает тогда, что слабые и малоподвижные турецкие резервы сосредоточены позади этого сектора, и 26 марта восточнее Иордана он бросает «*конный корпус пустыни*» с целью достичь в Аммане железной дороги на Геджас. Он

снова терпит неудачу. Подвергшись контрудару резервов, которые Лиман-фон-Сандерс быстро перебрасывает туда под проливным дождем, делающим местность непроходимой, английский корпус 31 марта снова отходит за Иордан.

Обеспокоенный опасностью наступления на своем дальнем левом фланге, Лиман-фон-Сандерс выводит на передовые позиции восточнее Иордана 4-ю армию (штаб-квартира в Эс-Салт), которую он составляет из армейского корпуса и кавалерийской дивизии. Однако, 30 апреля Алленби возобновляет не удавшийся 26 марта маневр восточнее Иордана, и «*конный корпус пустыни*», при поддержке пехотной дивизии, занимает Эс-Салт. Но турки наносят такой энергичный контрудар, что после четырех дней боев англичане вынуждены еще раз отойти за Иордан.

Наступившая в мае жара прекращает всякие крупные действия англичан в Палестине и Месопотамии. В это же время переброска сил для подкрепления армий французского фронта приводит к значительным переменам в группировке войск. С апреля по август английская армия в Палестине отправляет во Францию 2 белых дивизии, 24 батальона белой пехоты, 6 тяжелых батарей и различные части, всего 80 000 чел. Взамен этого она получает из Франции 2 дивизии индийской кавалерии, а из Месопотамской армии 2 пехотных дивизии и индийские части в таком количестве, что приток туземных войск восполняет убыль, вызванную переброской частей во Францию. Что касается месопотамской армии, то она не только восстановила, но и увеличила свои силы войсками, привезенными из Индии. В результате этих мероприятий английские силы в Месопотамии, Египте и Палестине достигают к концу августа 1918 г. 900 000 чел.

В начале сентября в Египте и Палестине Алленби имеет 467 650 чел. (226 900 англичан и австралийцев, 111 800 индусов, 128 950 египтян), из них на палестинском фронте 211 000 чел., которые могут выставить 110 000 бойцов с 500 орудий; в это время в трех армиях Лиман-фон-Сандерса он предполагает 30 000 бойцов, т. е. действительное их число (десять дивизий и одна кавалерийская дивизия). Английскому генералу к тому же известно, что турецкие дивизии утомлены и истощены беспрерывным шестимесячным пребыванием на передовых позициях, что артиллерия их слаба (два дивизиона 77-*мм* орудий); ему известно, что у противника совсем нет авиации. Итак, момент благоприятствует

возобновлению наступления. Чтобы использовать свое превосходство над турками и их истощение, Алленби предполагает быстро прорвать фронт в прибрежной полосе шириной в 15 *км* по легко проходимой местности. «*Конный корпус пустыни*» тотчас же бросится в этот прорыв, чтобы быстро добраться до Назарета и Тивериады, коммуникационных узлов трех турецких армий; на дальнем левом фланге эта операция будет поддержана флотом.

В первой половине сентября производится концентрация сил для этого удара. На левом фланге Алленби сосредоточивает пять пехотных дивизий и французскую группу, а в тылу, позади, прячет в виноградниках севернее Яффы «*конный корпус пустыни*»; две дивизии он располагает в центре, по обеим сторонам дороги Иерусалим—Наплуз—Назарет, и одну группу (генерал Чейлор) из одной кавалерийской дивизии и восьми батальонов пехоты — в долине Иордана. Разумеется, передвижения эти не ускользают от турок, и Лиман-фон-Сандерс готовится к угрожающему ему наступлению; но на какую полосу фронта англичане хотят направить свой удар? Не имея авиации, немецкий генерал должен ограничиться предположениями и думает, что на этот раз удар последует, как и прежде, либо на дороге Иерусалим—Наплуз, либо восточнее Иордана. Для отражения этого удара он может собрать позади фронта протяжением в 90 *км* всего 3 000 чел. резерва.

VIII. 19 сентября, после 15-минутного ураганного обстрела, английский левый фланг сметает две турецкие дивизии, стоявшие против него и едва насчитывавшие 2 500 штыков; прорыв был молниеносным и полным. Британские дивизии быстро повертываются в восточном направлении, чтобы расширить брешь, и «*конный корпус пустыни*» устремляется прямо к северу; к концу дня он проходит 40 *км*. 8-я турецкая армия в беспорядке бежит; 7-я армия отступает.

20 сентября после ночного перехода «*конный корпус пустыни*» достигает Назарета, где едва не захватывает Лиман-фон-Сандерса с его штабом; в тот же день корпус приходит в Тивериаду. За 36 час., потеряв всего несколько человек ранеными, он сделал 130 *км;* с этих пор он загораживает все пути отступления, которые обстреливает авиация, вызывая на них заторы. С 20 по 28 сентября английская армия настигает 7-ю и 8-ю турецкие армии. Остановившись, она видит, что потеряла не больше 1 000 чел. Преследование беглецов из двух турецких армий поручается «*конному*

корпусу пустыни», между тем как к востоку от Иордана группа генерала Чейлора и отряды эмира Файсала шаг за шагом преследуют 4-ю турецкую армию, отступающую к Дамаску.

Но к Дамаску же стремится и «*конный корпус пустыни*». 30 сентября он захватывает там целиком всю 4-ю турецкую армию, 20 000 чел. С этих пор 7-я, 8-я и 4-я турецкие армии перестают существовать. Англичане продвигают индийскую пехотную дивизию и французскую группу в Бейрут, куда уже прибыли французские корабли. «*Конный корпус пустыни*» продолжает преследовать 5 000 турок, отступление которых старается организовать Лиман-фон-Сандерс. 16 октября «*конный корпус пустыни*» приходит в Хомс и 25 октября — в Алеппо, где в последний раз вступает в бой; он готовится двигаться на Александретту, когда 30 октября Турция подписывает мир в Мудросе.

IX. Уже после капитуляции Болгарии Турция поняла, что она пропала. Конечно, поражения в Палестине серьезны, но они не представляют непосредственной опасности для жизненных районов и проливов оттоманской империи. Даже если армия Алленби дойдет до Алеппо, даже если против нее сможет быть выставлено только несколько тысяч бойцов, до Константинополя останется еще 250 лье трудно проходимой, не имеющей дорог страны. Зато армия Милна, брошенная Франше д'Эсперс через Фракию, находится всего в 400 *км* от столицы империи, а флот помогает ее снабжению. У турок нет войск, чтобы остановить или хотя бы задержать ее. Наконец, оборона проливов уже не так сильна, как в 1915 г.; они легко могут быть захвачены, и адмирал Гоше, главнокомандующий средиземноморскими эскадрами союзников, деятельно готовится к этому.

Младотурецкое правительство совершенно растерялось перед крушением, к которому его политика привела страну; 7 октября оно подает в отставку, и Иссет-Паша, взявший власть, заботится лишь о том, чтобы отделить судьбу Турции от Германии и заключить сепаратный мир; в поспешности он обращается одновременно к Антанте, к Франше д'Эспере, к французскому адмиралу, командующему в Средиземном море; он особенно мечтает о заключении договора с Англией, политика которой по традиции противилась разделению оттоманской империи.

Великий визирь призывает тогда английского генерала

Тауншенда, находящегося в плену со времени сдачи Кут-эль-Амара в 1916 г. и заключенного на острове Принкипо. Тауншенд дает понять, что он может добиться перемирия на относительно удовлетворительных для турок условиях, которые он набрасывает: он предлагает быть посредником между английским адмиралом, находящимся в Эгейском море, и турецким правительством.

Иссет-Паша соглашается на посредничество, и 20 октября Тауншенд прибывает в Мудрос. В этот день турецкое правительство предупреждает немцев о своих переговорах; 23 октября оно всенародно заявляет о своих намерениях.

В Мудросе, с согласия своего правительства, английский адмирал Кальторп договаривается с Тауншендом один-на-один. Французское правительство напрасно протестует против исключения французского адмирала Гоше, главнокомандующего морскими силами союзников в Средиземном море. Напрасно также оно указывает, что Великобритания не уполномочена вести переговоры без предварительного согласия других союзников. Английское правительство не обращает внимания на эти протесты. С 28 октября, помимо адмирала Амэ, командующего французской эскадрой Эгейского моря, адмирал Кальторп открывает в Мудросе переговоры с Турцией; 30 октября он подписывает перемирие и только тогда сообщает о нем командованию французским флотом, предупреждая его, что военные действия должны быть прекращены в полдень 31 октября. В этот же день, 31 октября, французское правительство, ввиду совершившегося факта, ратифицирует перемирие.

По условиям мудросского перемирия, Турция демобилизует свою сухопутную армию, соглашается на интернирование своего флота, сдачу гарнизонов в Сирии, Месопотамии, Триполи, оккупацию определенных пунктов ее территории, а именно — Дарданелл и Босфора, на контроль над железными дорогами; она обязуется прекратить все сношения с центральными державами. Таким образом, пункты перемирия касаются чисто военных вопросов. Англия, держащая страну в своих руках благодаря своим сирийской и месопотамской армиям, навязала Турции условия, отвечающие ее интересам; она не позаботилась включить в текст договора меры, могущие облегчить Франции, Италии и Греции будущие переговоры с противником, против которого они не имеют способов принуждения, которыми располагала Британия.

Однако, подписание мирного договора не останавливает продвижения английских армий. 1 ноября Месопотамская армия, выйдя из своего оцепенения, занимает Моссул и бросает отряд, который 16 октября достигает Баку. Армия Алленби 7 декабря занимает Антиохию и с 29 декабря удерживает проходы Тавра. 13 ноября союзная эскадра входит в Константинополь.

ГЛАВА XI

ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ ОТ СЕВЕРНОГО МОРЯ ДО МААСА

(15 сентября — 15 октября 1918 г.)[1]

I. Решение Фоша о переходе к общему наступлению. План этого наступления. Результаты, ожидаемые от общего наступления. II. Германское правительство и командование перед общим наступлением союзников. Посылка австрийской ноты (14 сентября). Отголоски поражений в Македонии и Палестине. III. Неосведомленность Людендорфа относительно размеров и условий наступления союзников. IV. Франко-американское наступление. Задержка американцев из-за неопытности их командования и штабов. Продвижение французов и отступление немцев. V. Англо-французское наступление между рр. Сансэ и Уазой. VI. Наступление союзников во Фландрии. VII. Людендорф требует немедленного заключения мира ради спасения германских армий (28 сентября). Совещания в Спа (29 сентября). Назначение принца Макса Баденского канцлером. Просьба к президенту Вильсону о перемирии (4 октября). Признание поражения Германии. VIII. Мировое общественное мнение и ходатайство Германии о перемирии. Два первых ответа Вильсона.

I. Во второй половине сентября, когда Болгария капитулировала, а Турция потерпела окончательное поражение в Палестине, союзники видят, что начинается разгром германских войск на французском фронте под ударами общего наступления, предпринятого Фошем.

В плане кампании на 1918 г., утвержденном 1 января и представленном 31 числа того же месяца на заседании высшего военного совета в Версале, Фош предусматривает,

---

[1] Схема 15. Общее наступление союзных армий с 15 сентября по 15 октября 1918 г.

Источники: Макс Баденский, «Воспоминания и документы» (Берлин, 1928); Пайер (фон), «От Бетмана до Эберта» (Берлин, 1925); Ниман, «Революция сверху» (Берлин, 1927).

для того чтобы положить конец германскому наступлению, сначала *мощные освобождающие контрнаступления*, затем *комбинированное наступление с решающими целями, если изнурение противника или какое-либо другое благоприятное обстоятельство в общем положении позволят рассчитывать на успех*. 24 июля в памятной записке, прочитанной и обращенной к главнокомандующим после заявления, что *пришел момент оставить общее оборонительное положение, к которому нас вынуждало численное превосходство противника, и перейти в наступление*, он наметил выполнить «*мощные освобождающие контрнаступления*»; он не преминул прибавить, придерживаясь плана кампании 1 января, что «*если назначенные им*[1] *цели будут достигнуты прежде, чем наступит зима, нужно предусмотреть на конец лета или на осень значительное наступление такого рода, чтобы увеличить наши преимущества и не дать противнику передышки*». Контрнаступления с целью освобождения, предусмотренные памятной запиской 24 июля, были осуществлены победой франко-американских войск у Сен-Миэля; они привели к значительному изнурению противника. 31 августа, по расчетам французского штаба, германское командование имеет позади фронта 44 дивизии, из которых только 19 свежих. Территориальные захваты были даже значительнее, чем надеялись. Фош заключил, что пришел момент для *большого наступления*.

Надеется ли Фош в течение последних чисел августа и в начале сентября, давая указания относительно этой операции, что в 1918 г. германские войска падут под ударами союзников? Он никогда не требовал этого. Да, наконец, ни Першинг, ни даже Хейг, хотя и очень оптимистически настроенный, не думают этого.

Что касается Петэна, то еще 8 сентября в *памятной записке*, адресованной Фошу, он излагает мысль, что, нарушив в свою пользу в 1914—1918 гг. равновесие сил, союзники только в 1919 г. смогут перейти в наступление; он просит как можно скорее прислать ему инструкции, чтобы он мог ввиду этого сражения 1919 г. начать приготовления, которые должны быть продолжительными. Но во всяком случае, каково бы ни было его настроение, Фош готовит *большое наступление* так, как будто бы оно должно нанести германским армиям решительный удар.

---

1. Освобождающим контрнаступлениям.

Схема 15. **Общее наступление союзных армий с 15 сентября по 15 октября 1918 г.**

Он принимает решение в течение дней с 30 августа по 3 сентября, когда становится очевидным, что шесть англо-французских армий (I, III и IV британские и I, III и X французские армии), стоящие от р. Скарпы до р. Эн, находятся почти в соприкосновении с позицией Гинденбурга. Итак, занятие этой позиции является первой задачей, какую бы стратегическую форму ни приняло наступление союзников. Фош тотчас же даст первые указания в ряде директив, приказов и записок, которые он рассылает до 26 сентября, когда начинается *большое наступление*. В течение этого времени он учащает совещания с главнокомандующими, чтобы быть уверенным, что его намерения хорошо поняты.

Фош исходит из мысли, что если союзные армии будут продолжать последовательные наступления в ограниченных секторах, они неизбежно встретят перед собою всю массу немецких резервов. Также, не прекращая ведущихся наступлений, он хочет расширить фронт атаки и не останавливать общего штурма. Атаки с целью расширения будут вестись в таких направлениях, которые позволят сойтись на путях сообщения германских войск, скученных в выступе, образованном их фронтом между Северным морем и р. Маасом. В этой стадии войны подобный стратегический замысел стал осуществимым благодаря превосходству средств союзников и истощению немцев.

В центре расположения союзников будут продолжаться атаки французских и английских армий, ведущих бои с 18 июля. I, III и IV английские армии, в составе 45 дивизий, захватят позицию Гинденбурга между Камбрэ и Сен-Кантэном; они тотчас же продвинутся к Валансьену, Солему, Ле-Като, Вассиньи. Их будет поддерживать и прикрывать с правого фланга I французская армия, которая одновременно своим левым флангом будет наносить главный удар. Наконец, между Уазой и Реймсом французские армии будут продолжать усилия отбросить противника за рр. Эн. и Элет. Несомненно, эти французские армии, группы армий резерва (I, III, X и VI) и группы армий центра (V и IV), сильно пострадали, но их продвижение к линии Гинденбурга, постепенно сокращая их фронт, позволит перед наступлением отводить части на отдых. В первой половине сентября, таким образом, отводятся в тыл III и VI армии, дивизии, крупные артиллерийские и авиационные части.

На северном крыле союзных армий расстройства и истощение немецких войск, концентрация их резервов с 18 июля позади выступающих частей фронта позволяют ждать скорого успеха наступления между Северным морем и р. Лис. Эта операция одновременно даст возможность использовать бельгийскую армию, которая не участвовала в боях с 1914 г. и которая, располагая 12 дивизиями типа французских, представляет значительное подкрепление при данной обстановке. Наступление во Фландрии будет вестись под командованием бельгийского короля Альберта группой армий, в которую, кроме бельгийской армии (имеющей 12 дивизий и 1 кавалерийскую дивизию), войдут: II британская армия (Плюмер) из 10 дивизий и французская группа из 7 дивизий и 3 кавалерийских дивизий, итого 29 пехотных дивизий и 4 кавалерийских.

В течение первой фазы группа армий короля Альберта завладеет позицией, называемой *Фламандский хребет*, состоящей с севера на юг: из хребта Клеркен, леса Гутгульст, хребта Пашендале, высот Гелювельт, Заандворде, канала Комин. Этим первым скачком бельгийская армия выйдет со своих позиций на левый берег р. Изера и перейдет через зону, превращенную бомбардировкой с 1914 г. в болото, почти непрерывное и непроходимое при дождях. В течение второй фазы союзники пойдут на Брюгге, чтобы освободить бельгийское побережье и Зеебрюгге, и через Тильт на Гент, чтобы расположиться на берегу р. Лис. По просьбе короля Альберта, командующий VI армией генерал Дегутт назначен начальником штаба фламандской группы армий; ему в помощь дается штаб VI армии.

Задуманные таким образом наступления в центре и на северном крыле союзников оставляют между собою неатакованный выступ германского фронта, который окружен VI армией и левым флангом I британской армии, фронтом к Лиллю и к Дуэ. Но предполагается, что прибытие с севера фламандской группы армий к Генту, а с юга — британской к Валансьену принудит противника быстро эвакуировать район, занимаемый им между рр. Лис и Сансэ. Таким образом, англо-французское наступление от р. Эн до р. Сансэ и наступление союзной группы во Фландрии имеют целью не только нанести противнику жестокий удар; они направлены также к тому, чтобы захватить значительное пространство земли.

Однако, ни одно из этих двух предприятий не является маневром, от которого ждут важнейших результатов. Важ-

нейшее в своем плане наступление Фош поручает франко-американским силам, брошенным с юга на север, причем главная роль, по расположению и количеству, будет принадлежать американцам.

Под командованием Першинга, американская армия нанесет, имея осью Бюзанси, Стонн, удар, *сколь возможно сильный, в общем направлении на Мезьер, причем с восточной стороны его будет защищать р. Маас, а с левой поддержит IV французская армия.* Первой целью его будет атаками по сторонам Аргонн *отбросить противника на линию Стенэ, Ле-Шен, Аттиньи, потом захватить район Мезьера.* IV французская армия (Гуро) нанесет удар между рр. Эн и Сюипп по оси, образованной дорогой Шалон-на-Марне — Мезьер; своим движением она прикроет движение американцев. Верховное руководство этими армиями принадлежит Петэну.

По предложению Петэна, Фош утверждает, на всякий случай, расширение франко-американского маневра к западу. V французская армия (Бертело) использует успех IV армии, ударив на укрепления Реймса и высоты Шампани. Еще более к западу X армия (Манжен) воспользуется успехом, достигнутым V армией, чтобы действовать своим правым флангом на западную оконечность Шмен-де-Дам, с тем чтобы, обойдя, захватить эту важную позицию.

Утром, перед началом наступления, в двух союзных армиях, наступающих на Мезьер, насчитывается всего, на передовых позициях и в резерве, 42 дивизии, а именно: 15 дивизий I американской армии и 27 дивизий IV французской армии. Если не возбудить преждевременно внимания противника, то I американская армия начнет наступление в исключительно благоприятной обстановке; она имеет на передовых позициях девять дивизий, из которых каждая имеет 25 000—26 000 чел., против трех немецких дивизий, имеющих не больше 8 000—9 000 чел.

В состоянии ли германское командование в начале наступления быстро перебросить крупные резервы к фронту между Аргоннами и Маасом? Американский главный штаб не думает этого. По его расчетам, противник сможет в первый день наступления подбросить четыре дивизии, во второй день — две дивизии, а в третий — девять. Итак, в течение первых 3 дней германские силы, т. е. 16 дивизий, или 130 000—140 000 чел., будут много слабее американских — 15 дивизий, т. е. по меньшей мере 375 000 чел.

Наконец, победа у Сен-Миэля, дав возможность использовать железную дорогу Париж — Нанси через Семпиньи, Комерси и дороги, каналы и железные дороги в долине Мааса, обеспечит американцам снабжение и эвакуацию значительно более легкие, чем те, которыми мы располагали в 1916 г. во время верденского сражения. Следовательно, Фош вправе надеяться, что продвижение американцев на Мезьер будет быстрым, благодаря их численному превосходству.

Но нужно еще, чтобы само командование на всех инстанциях было уверено в необходимости быстроты. Но вот Петэн в своих инструкциях I американской армии и IV французской предписывает ряд последовательных «скачков» в целях лучшего обеспечения связи. Фош возражает против этого задания, могущего *заранее помешать благоприятному использованию, которое может представиться, и сорвать порыв, который во что бы то ни стало и прежде всего нужно сохранить в целости* [1].

Американская армия *должна заботиться о том, чтобы развить как можно скорее и дальше свой успех в направлении на Бюзанси.* Также IV французская армия должна прикрывать с той же быстротой движение американской армии и, во всяком случае, «*ни под каким видом не должна задерживать движение этой армии, которая остается решающей* [2].

Теперь, если взглянуть на схему 15, видно, каких результатов можно было ждать от решенного Фошем наступления. В сентябре главная масса германских сил находится в выступе фронта между Северным морем и р. Маас. Для снабжения этой массы командование располагает: на севере — железной дорогой Берлин — Кельн — Льеж — долина Мааса, на юге — железными дорогами, идущими через Кобленц и Майнц в Люксембург и Мец. Три рокады соединяют эти две важные железнодорожные системы, идущие к фронту; самая восточная идет по долине Рейна; одна серединная рокада создана на линии Страсбург, Саарбрюкен, Тионвиль, Люксембург, Намюр; наконец, самая западная рокада, которой более всего пользуются, идет от Страсбурга к Валансьену через Саарбург, Мец, Конфлан, Лонгюйон, Мезьер, Ирсон. Как только американцы, прикрытые с запада IV французской армией, прибывают в Мезьер, они

[1] Фош, «Мемуары», II, стр. 214.
[2] Фош, «Записка к Петэну 25 сентября 1918 г.».

отрезают первую германскую рокаду и находятся в 40 *км* от второй, движение по которой уже затрудняется. С этого момента переброска по железным дорогам, которую германское командование производило легко, сменяя истощенные части своих сражающихся армий отдохнувшими частями с спокойных секторов фронта в Лотарингии и Эльзасе, становится почти невозможной и, во всяком случае, сильно затягивается; фактически немецкий фронт разделяется на два участка. Это еще не все. Как только американцы появятся в районе Мезьера, массе германских армий, теснимой с фронта идущими на Валансьен и Солем английскими армиями, а с правого фланга —армиями короля Альберта, готовыми наступать через р. Лис в район Гента, трудно будет отступать к востоку по бедной и неудобной дорожной сети Арденнского лесного массива; она может быть сжата и окружена при малейшем продвижении к северу союзных сил, занявших Мезьер.

Наконец, выравнивание союзных армий на линии Гент, Валансьен, Мезьер сильно сократит фронт и позволит свернуть крупные силы; оно к тому же облегчит нашу систему сообщений. Все это — преимущества, которыми нельзя пренебрегать в момент, когда все заставляет нас усилить наши удары и когда мы рискуем задержаться из-за ненадежности наших средств сообщения в зоне, опустошенной сражениями и систематическими разрушениями противника.

22 сентября, по согласию с главнокомандующими, Фош утверждает даты отдельных ударов общего наступления. Первым будет удар франко-американцев 26 сентября; затем, 27-го удар I и III английских армий в направлении на Камбрэ. Удар группы армий короля Альберта во Фландрии состоится 28-го, и, наконец, удар IV британской армии и I французской — 29-го сентября в направлении на Бюзиньи.

II. В то время как Фош и главнокомандующие союзными армиями деятельно готовятся к общему наступлению, которое в несколько дней может привести к концу войны, германское правительство и командование, повидимому, не оценивают, как должно, уходящее время и возрастающую опасность. Не спеша, как будто их ничто не торопит, правительство готовится начать переговоры о мире, как было решено 15 августа в Спа. В конце концов, канцлер Гертлинг и Гинце убеждены, что они еще могут добиться удовле-

творительных условий мира, ведущих на востоке к большим территориальным завоеваниям, а на западе, в худшем случае, к status quo ante (прежнему порядку вещей) без возмещения военных убытков.

Что касается начала переговоров с союзниками, то германское правительство не сомневается, что они прежде всего выдвинут бельгийский вопрос. Но какие обязательства можно дать в этом отношении? Как вести переговоры, не уступая заранее того, что может быть сохранено, в особенности, не давая заметить, что германская армия теряет силы? Хотя эти вопросы уже рассматривались на совещании в Спа 15 августа, никто из правительства не осмеливается сделать решительный шаг без одобрения Гинденбурга и Людендорфа. 25 августа вице-канцлер фон-Пайер является в Главную квартиру, чтобы представить генералам программу возможных уступок. Гинденбург и Людендорф подписываются под ней без затруднения; они дают согласие на то, чтобы при первой возможности заявили, что Германия готова очистить Бельгию при условии, если фламандский вопрос будет решен в благоприятном для обеих сторон отношении. На каком основании Германия вмешивается во фламандский вопрос, который является вопросом внутреннего порядка Бельгии? Этого политические деятели и военачальники не говорят, но легко можно понять, что этим надеются вызвать споры, из которых извлекут выгоду. Еще раз 13 сентября в Штуттгарте, докладывая на одном собрании условия мира, которые может предложить Германия, фон-Пайер повторит, что фламандский вопрос должен быть разрешен «*в духе справедливости и политической мудрости*».

Когда между правительством и военным руководством было достигнуто соглашение о главных условиях мира, можно было приступить к открытию переговоров. Однако, пройдет еще месяц, прежде чем решатся предпринять какой-либо шаг.

15 августа в Спа Гинденбург и Людендорф уверили политических деятелей, что армия в состоянии удержать фронт и что, прежде чем делать первый шаг, нужно дождаться благоприятного случая. 8 сентября Гинце, находясь в Главной квартире, еще раз слышит уверение, что командование нисколько не обеспокоено положением армий, и до 14 сентября никто не обращается к нему с просьбой об открытии переговоров. Даже в тот день, когда Австрия решается на важный шаг, даже через несколько ближайших

дней, германское правительство и командование не предвидят, что они скоро будут торопить дипломатические переговоры.

Вернувшись в Вену после совещания в Спа 15 августа, Буриан приступает к выполнению своего плана,—начать переговоры скорее, чем предполагает Германия. 3 сентября он уже готов обратиться с просьбой ко всем союзным странам, когда Гинце приезжает в Вену, чтобы помешать сделать шаг, который выдал бы отчаянное положение центральных держав. Но Буриан остается глухим ко всем доводам; он повторяет, что желает «действовать немедленно и прямо»—«sofort und direkt», и добавляет: «bei uns ist absolut Schluss»—«для нас все кончено». Однако, благодаря вмешательству начальника австрийского генерального штаба Арца и немецкого военного атташе фон-Крамона император Карл решает, что всякие переговоры будут отложены до тех пор, пока Гинденбург не даст знать, на какой линии и когда он рассчитывает организовать решительное сопротивление и когда, наконец, по его предположению, можно будет открыть переговоры. Гинденбург и Людендорф неожиданно выказывают некоторое беспокойство; они просят созвать новое совещание с Гертлингом и Гинце.

В Спа Гинце докладывает о своих бесплодных переговорах в Вене и о твердом решении австрийского кабинета. Решаются, однако, оказать еще некоторое давление на павшего духом союзника. На вопросы, поставленные императором Карлом, Гинденбург 10 сентября отвечает, что он решительно против вступления в непосредственные переговоры с противником, но он не возражает против попыток начать их через нейтральные страны. Действительно, 11 сентября Гинце телеграфирует германским послам в Вене, Софии, Константинополе, что Германия собирается обратиться к королеве Нидерландов. Но с 12 сентября, на заявление посланника Веделя, что в Германии все будут рассматривать всякую попытку вступить в переговоры как измену, Буриан заявляет, что послезавтра он отсылает свою ноту. 14 сентября Вильгельм II телеграфирует австрийскому императору; это требование остается таким же бесплодным, как и другие. В этот же день Буриан опубликовывает ноту, предлагающую, не прекращая операций, созвать в нейтральной стране мирную конференцию, где произойдет «*непосредственно и последовательно беседа между представителями правительств*». Итак, через 2 дня после

того, как Германия потерпела новое поражение у Сен-Миэля, ее главная союзница, *блестящая помощница* довоенного времени, признается, что она теряет силы, и просит пощады. Ответ не заставляет ждать себя. Английское, французское и американское правительства немедленно отвечают отказом дать делу ход; они ждут мира от своих солдат, а не от дипломатов.

Тотчас же после австрийских попыток в Берлин и Спа приходят еще худшие известия с внешних театров войны. 15 сентября узнают о прорыве германо-болгарского фронта в Македонии, 19 сентября — о наступлении Алленби в Палестине, 20-го — о разгроме армий Лиман-фон-Сандерса. В тот же день не остается сомнения в серьезности положения в Софии и в германо-болгарской армии. 26 сентября узнают, что болгарское правительство просило о перемирии и готово сдаться без условий. Под этим потоком поражений у немецких политических деятелей и военачальников не остается сомнения, что конец приближается. Одних эта мысль парализует, других заставляет ускорить открытие слишком долго откладываемых мирных переговоров.

Действительно, в эти критические дни политическое руководство Германии обнаруживает растерянность. Никогда, как теперь, император не давал меньше чувствовать свою власть и не показывал яснее свою бесполезность. Начиная с 18 сентября, он умножает инспектирования и смотры в двух группах армий, не участвующих в боях, — группах армий Гальвица и принца Вюртембергского; 24-го и 25-го он в Киле, где он рассчитывает своим присутствием поднять упавший дух флота. Гертлинг в Берлине теряет последние физические силы и менее чем когда-либо может оказывать твердое влияние на дела. Гинце, не пользующийся авторитетом в рейхстаге, не способен принять решения, не получив предварительного согласия генерального штаба. Таким образом, судьбы Германии находятся в момент катастрофы в руках двух человек, желавших в счастливые дни руководить всем одни. Но теперь, когда все ломается и рушится, могут ли они одновременно справиться, как прежде, и с военными, и с политическими делами?

Во всяком случае, оба они изнуряются как в физическом, так и в моральном отношении. Гинденбург, более флегматичный, менее предусмотрительный, тем легче сохраняет спокойствие, что он имеет какие-то странные иллюзии отно-

сительно положения противника. Конечно, он хорошо видит ослабление германских армий, но он убежден, что англичане и французы исчерпали все ресурсы, и отказываются допустить, что американские войска сколько-нибудь боеспособны. Людендорф, более умный и проницательный, лучше охватывает грандиозность и неминуемость опасности и ее неизбежных последствий, но он пугается и гнется под тяжестью настоящих задач и перспектив будущего. Генерал фон-Куль, увидев его 6 сентября, замечает его утомление, а оно еще возрастет под ударами, которые будуть падать на него с 15 сентября.

Согласно со своими решениями, утвержденными на совещании в Спа 15 августа, Людендорф смело ведет операции с политической точки зрения. Несмотря на резкие протесты командующих группами армий и армиями, он запрещает отход, который позволил бы установить армии на более короткой позиции и, может быть, организовать общее контрнаступление. Ни под каким видом он не хочет решиться на эту стратегию, отказаться от территориальных побед и показать союзникам слабость в тот момент, когда должны начаться переговоры о мире.

Сражаясь без передышки, армии теряют присутствие духа; с июля возрастает число военнопленных по сравнению с потерями. Прифронтовая полоса и большие города кишат дезертирами или не вернувшимися из отпуска; этапные армии и отдыхающие части особенно затронуты этим движением. 20 сентября, когда Гинденбург покидает вокзал в Монсе (куда он приехал для беседы с принцем Рупрехтом Баварским), среди толпы солдат раздается возглас: «Убейте его, мы хотим мира».

В подобных условиях политическая стратегия, ведшаяся высшим командованием, не может бесконечно продолжаться, не закончившись крушением фронта или просто внезапным падением духа армии. Однако, до 15 сентября Людендорф как будто не видит неминуемой катастрофы; этим настроением объясняется то, что он не торопит начала переговоров и позволяет политическим деятелям думать, что состояние армии допускает выжидания благоприятного момента. Даже после поражений в Македонии и в Палестине и до момента начала общего наступления союзников Людендорф не слишком торопит переговоры. Около 21 сентября он просто договорился с Гинце о направлении, в котором следует вести переговоры с союзниками, — обра-

титься к президенту Вильсону, чья программа «14 пунктов», довольно неясная в первых статьях, дает удобные основания для обсуждения.

Но внезапно, в то время как германское командование медлит, подыскивая лучшую политическую форму для начала мирных переговоров, оно оказывается поставленным в такое положение действиями союзных армий, что неожиданно видит себя на краю пропасти.

III. Общее наступление, начатое союзными армиями 26 сентября, явилось для Людендорфа полной неожиданностью, событием, никогда не входившим в его расчеты. Конечно, он не думал, как Гинденбург, что у союзников не осталось наступательной способности, он ждет ударов, но частичных и последовательных, как те, которые Фош вел с 18 июля.

С 21 марта по 15 июля, несмотря на численное превосходство, немцы не могли освободиться от этой формы наступления, они не могли сразу двинуться в общее наступление. Как предположить, что союзникам удастся выполнить то, чего немцы и не пытались сделать? И действительно, Людендорфу никогда в голову не приходила мысль, что Фош двинет все союзные армии в одно общее гигантское наступление. Этим прежде всего объясняется то, что германское командование, не подозревая о столь серьезной и неизбежной опасности, не ускоряло с 15 августа мирных переговоров и считало правильным свое решение не начинать по своей воле никакого значительного отступления.

Согласившись 2 сентября на небольшой отход, благодаря которому теснимые англо-французами между рр. Эн и Сансэ германские армии заняли позицию Гинденбурга, Людендорф предоставил этим войскам, наиболее изнуренным из всего фронта, заметное облегчение и некоторый период относительного спокойствия, разумеется, краткий, но все же ценный для них. Союзные армии с большими трудностями преодолевают опустошенную и разрушенную местность, решительно отстаиваемую пулеметами и артиллерией. Они осторожно входят в соприкосновение с позицией Гинденбурга, взятие которой требует важных приготовлений и сосредоточения больших средств.

Удар на Сен-Миэль 12 сентября заставляет Людендорфа думать, что Фош собирается не столько продолжать атаки

между рр. Сансэ и Эн, сколько перенести их на другие части фронта. Но вот спустя несколько дней наступление союзников возобновляется севернее р. Уазы, где Хейг начинает большое сражение с целью занять германские позиции западнее канала Сен-Кантэн и р. Шельды и привести таким образом свой правый фланг в тесное соприкосновение с позицией Гинденбурга. 18 сентября IV английская армия при поддержке левого фланга I французской армии и правого фланга III английской армии занимает Ольнон, Френуа-ле-Пети, Аржикур, Лампир и Гузокур, захватив 10 000 пленных и 15 орудий. С этих пор она находится на расстоянии атаки от позиции Гинденбурга перед Камбрэ и Сен-Кантэном, как раз на том месте, где инструкциями Фоша приказано английским войскам наносить главный удар во время общего наступления.

Несмотря на многозначащее давление на позицию Гинденбурга англо-французских армий, действующих между рр. Эн и Сансэ, Людендорф до 26 сентября продолжает оставаться в неизвестности относительно планов противника. На всем протяжении фронта от Северного моря до Бельфора видны более или менее заметные приготовления к наступлению; многие из них, и, может быть, самые значительные, предприняты с целью обмануть врага. Но Людендорф напрасно старается проникнуть в замыслы Фоша и определить, на какой части фронта, после Сен-Миэля, последует наступление союзников. Осмелится ли Фош штурмовать позицию Гинденбурга правым флангом британской армии и I французской армией? Не думает ли он скорее об ударе между рр. Маасом и Мозелем, который явится продолжением удара на Сен-Миэль, или даже об ударе американских войск западнее Мааса? Германское командование не отрицает даже возможности наступления союзников в Лотарингии или в южном Эльзасе. Последнее предположение вызвано поездкой Фоша с целью рекогносцировки и смотра с 19 по 22 сентября в районе Нанси, Бельфор, Массево, для того чтобы дать противнику ложное представление о наших планах.

На самом деле, всего только за несколько дней до начала общего наступления союзников, Людендорф отчетливо понял неизбежность удара от Мааса до р. Сюиппа и другого во Фландрии. Однако, он не отрицает и не утверждает других возможностей; особенно у него нет никаких подозрений, что Фош собирается начать общее сражение на

фронте в 250 *км* от Северного моря до Мааса. Еще 25 сентября, накануне общего наступления союзников, германское командование уверено, что ему удастся удержать фронт, не допуская большого отступления. Чтобы положить конец слухам о неизбежности отступления, Гинденбург в приказе по всем армиям подтверждает, что нужно во что бы то ни стало отстаивать занимаемые в данный момент позиции.

Хотя они приняли твердое решение не уступать, Гинденбург и Людендорф все же правильно допускают возможность отступления их армий; они приказывают укрепить позицию Герман, особенно ее северный край, и позицию Антверпен — Маас. Приказы эти почти невыполнимы ввиду отсутствия нужного количества рабочих, в частности для укрепления позиции Антверпен — Маас. Во всяком случае, в тыл позиции Герман немцы отводят материальные средства, не требующиеся немедленно; подготавливают разрушение железных дорог, шахт, населенных пунктов, опустошение местности, которую придется уступить; приводят в порядок крепости Эльзас-Лотарингии, запущенные с 1914 г. Ставка главнокомандующего целиком переносится в Спа, а командный пункт в Авене свертывается, как слишком близкий к фронту.

IV. 26 сентября 1918 г., в 5 ч. 25 м., IV французская армия между Аргоннами и р. Сюипп, а затем, в 5 ч. 30 м., I американская армия между Маасом и Аргоннами начинают штурм. Несмотря на признаки наступления, замеченные ими в предыдущие дни, три атакованные германские армии (1-я, 3-я и 5-я) удовольствовались тем, что отвели свои первые линии на 2—3 *км* глубже, как мы сделали это 18 июля в Шампани, но они не усилили своего фронта; против американцев они выставляют всего три дивизии, против французов — десять, т. е. как раз число, определенное союзниками перед наступлением.

Первым напором франко-американские войска занимают часть неприятельской позиции сопротивления, но после этого наталкиваются на противника, решившегося любой ценой удержать фронт западнее Мааса, быстрое падение которого привело бы к крушению главной массы немецких армий. 27, 28 и 29 сентября американцы возобновляют свои усилия без особенного успеха, которому мешают: слева — обстрел с аргоннского фланга, справа — обстрел с

восточного берега Мааса. Им удается лишь занять Монфокон и продвинуться еще на 3—4 *км*. Сказать по правде, I американскую армию задержала больше неопытность ее командования, штабов и войск, чем противник, который даже 30 сентября выставил против нее всего 11 слабых дивизий. С первого же дня наступления все дороги в американской зоне фронта оказались совершенно запруженными. Тогда американское командование старается ликвидировать застой наступления, увеличив число действующих частей, но это ведет только к увеличению потерь и полному параличу тылового района фронта. Теперь командование становится совсем неспособным обеспечить порядок, планомерность и согласованность действий своих войск, а также смены, снабжение и эвакуацию.

Это положение не ускользает от Фоша и Петэна, установивших свои командные пункты поблизости от пункта Першинга, чтобы ближе следить за наступлением американцев, на которое возлагается столько надежд. 30 сентября Петэн докладывает Фошу, что причины остановки американцев «*нужно искать не столько в сопротивлении противника, сколько в неумении двигать и снабжать войска, выказанном американским штабом*». Он указывает, что эта слабость американцев подвергает опасности все наступление на Мезьер, главный удар которого возложен на правый фланг, и что эта слабость может даже остановить наступление IV французской армии западнее р. Эн.

Таково же мнение Фоша. Он тотчас же старается найти средство против паралича американской армии. Поскольку нельзя надеяться, что американцы смогут в скором времени возобновить мощное и быстрое наступление на Мезьер, он предлагает перегруппировку, которая облегчит задание Першинга. С фронта будет отведено некоторое число американских дивизий, для того чтобы прежде всего ликвидировать беспорядок на линии сражения и в тыловой полосе. Из отведенных дивизий будет сформирована, под командованием французского генерала Гиршауэра, армия по типу французского армейского корпуса, которая выступит с обеих сторон Аргонн одновременно с развитием операций I американской армии до правого берега Мааса. Это решение обеспечит сильное прикрытие IV французской армии; оно освободит американское командование от ведения сражения в трудной местности Аргонн, позволяя ему сократить фланкирование немцев на высотах

восточнее Мааса. Но Першинг отказывается отдать свои дивизии под командование иностранцев и соглашается только на расширение фронта американского наступления за р. Маасом; он обещает как можно скорее возобновить наступление и вести его без задержки.

Действительно, 4 октября, после неизбежной остановки для того, чтобы установить порядок на фронте и в тылу, а также чтобы урегулировать операцию по правому берегу Мааса, I американская армия возобновляет наступление. Но и на этот раз, несмотря на ее пыл, ее удерживают германские армии, значительно слабейшие, и она до 15 октября продвигается медленно и с большими потерями.

Западнее Аргонн IV французская армия сталкивается 27 и 30 сентября с не меньшими трудностями, чем американская армия; однако, после ожесточенных боев она продвинулась на 7—8 *км*, затем, 1 октября, заняла последнюю позицию противника, отбросив его на необорудованную местность. 3 октября, направляя свое усилие к северо-западу, эта армия занимает германские позиции севернее Сомм-Пи. Таким образом, она грозит ударить с тыла на Шампанские горы и высоты восточнее Реймса. За это время она захватила 18 000 пленных и больше 200 орудий.

В результате успехов, достигнутых IV армией, V французская армия 30 сентября начала действия от Реймса до р. Эн. 3 октября она отбросила противника за канал между рр. Эн и Вель, до Берри-о-Бак, захватив 2 500 пленных и около 30 орудий.

8 октября IV и V французские армии снова наносят удар при поддержке X армии. Под их давлением в ночь с 10 на 11 октября германский кронпринц начинает отводить всю свою группу армий, которую 15 октября перестраивает на позиции Гинденбурга между Уазой и Аргоннами.

В это время французы по всему фронту вошли в соприкосновение с противником; за 20 дней они заняли Ля-Фер, Лаон; освободили окончательно Реймс, заняли Шампанские горы. Но какова бы ни была ценность этих успехов, это не то, на что надеялся Фош, начиная *большое наступление*. Неудача американцев привела к неудаче удара, от которого ждали наиболее важных результатов. Принесет ли, по крайней мере, англо-французское наступление между Камбрэ и Сен-Кантэном и наступление союзников во Фландрии результаты, компенсирующие неудачу американцев?

V. 27 сентября I английская армия (Горн) с северо-запада и III армия (Бинг) с юго-запада от Камбрэ с первого усилия занимают позиции, знаменитые по ноябрьским боям 1917 г., — Маркион, Буа-де-Бурлон, Маркуэн, продвинувшись на 6 *км* и захватив больше 8 000 пленных и 100 пушек. 28 сентября они переходят Шельду севернее Маркуэна; 29 сентября они достигают окраин Камбрэ, получив с этого времени господство над всей позицией Гинденбурга в этом секторе.

В тот же день, 29 сентября, IV английская армия (Роулинсон) занимает позицию Гинденбурга между Вандюиль и Ольнон, двигаясь в направлении на Боэн и перейдя правым флангом Сен-Кантэнский канал. Правее I французская армия (Дебене) наносит удар южнее Сен-Кантэна. 30 сентября позиция Гинденбурга прорвана на 30 *км* в ширину и перейдена на 11 *км*. Только три английские армии захватили 36 500 пленных и 380 орудий. С этого времени наступление четырех союзных армий продолжается равномерно. 3 октября, когда английские армии достигают Шельды и Ле-Кателе, I французская армия занимает Сен-Калтэн. 5 октября IV английская армия заканчивает на своем секторе победу позиции Гинденбурга.

Но Хейг уже дал своим трем армиям (I, III и IV) необходимые распоряжения, чтобы не допустить противника укрепиться на позиции Герман. Поэтому 8 октября III и IV армии, поддержанные справа I французской армией, наносят новый удар и занимают Фонтэн-Ютерт; 9 октября I английская армия форсирует переправы на Шельде, у Рамильи и южнее; после этого 17-я, 2-я и 18-я германские армии, оставив Камбрэ, принуждены отступить по всему фронту от р. Сансэ до Уазы. 12 октября, близко преследуемые войсками союзников, они располагают свой правый фланг на позиции Герман, удерживая левый за Уазой, от Мон-д'Ориньи до Ля-Фер.

VI. Днем позже англичан, 28 сентября, в 5 ч. 30 м. фламандская группа союзных войск после 3-часовой артиллерийской подготовки наносит удар между Диксмюде и р. Лис. Бельгийцы наступают на севере в составе девяти бельгийских дивизий и одной французской; II английская армия (Плюмер) — на юге, в составе 8 дивизий. Против них находится 4-я германская армия, имеющая на первой линии восемь слабо укомплектованных дивизий, изнурен-

ных или мало боеспособных; батальоны некоторых дивизий имеют всего по три стрелковых роты, едва насчитывающих по 70 человек.

28 сентября союзники занимают первую неприятельскую позицию и сильно разрушают вторую; на другой день они завершают победу первого назначенного им объекта — Диксмюде, хребет Пашендале, Мессин, Витшаете, захватив 9 000 пленных и 200 орудий. К сожалению, плохая погода препятствует продвижению в течение трех последующих дней. Англичанам, однако, удается продвинуться южнее Мэнэна и достичь р. Лис между Варнетоном и Вервиком. 3 октября наступление приостанавливается для того, чтобы организовать связь во взрытой снарядами зоне, оказавшейся теперь позади первых линий наступающих. Эти работы очень трудны в местности, представляющей собою в сущности просто болото. Пока еще связь не установлена, продовольствие войскам приходится перебрасывать на аэропланах. При таких условиях, несмотря на общее стремление поскорее использовать достигнутый успех, работы по связи задерживают движение группы короля Альберта до 14 октября.

Победа во Фландрии немедленно сказалась, как и рассчитывал Фош, на положении войск противника в мешке у Армантьера. 6-я германская армия, которой одновременно угрожает продвижение союзников севернее р. Лис и продвижение англичан южнее р. Сансэ, 2 октября начинает отступление. V британская армия (Бердвуд), идя по ее следам, последовательно занимает Армантьер, Ля-Бассэ, Ланс; 4 октября главные части ее достигают железной дороги Армантьер— Ланс и канала верхнего течения р. Дель, держа связь с левым флангом I британской армии.

VII. Несомненно, *большое наступление* к 15 октября не принесло тех значительных результатов, которых ожидал Фош. Неудача американцев в наступлении между Маасом и Аргоннами не позволила вторгнуться через Мезьер на коммуникации противника. Тем не менее, союзники нанесли жестокий удар германской армии, которая понесла смертельное поражение.

С 28 сентября, с того дня, когда наступление союзников развивается между Маасом и Северным морем, германское командование растерялось и потеряло способность координировать действия войск. Офицеры генерального штаба,

считают положение безнадежным. Между командующими группами армий и армиями, требующими подкреплений, Людендорф распределяет оставшиеся резервы и приказывает отступать как можно меньше.

У командующих группами армий и армиями не остается больше надежд; они беспрестанно указывают, что каждое наступление заставляет бросать артиллерию и материальные средства, которых нельзя увезти ввиду недостатка в лошадях и грузовиках, что дух войска падает из-за безостановочного отступления. Некоторые думают, что можно было бы еще спасти что-нибудь, заняв тотчас же позицию Антверпен — Маас. 28 сентября, в тот день, когда король Альберт начинает наступление во Фландрии против войск принца Рупрехта, последний видит, что его дивизии плохо сражаются, и пишет: «*Нам нужно немедленно заключить мир; ничего больше не остается*». Со своей стороны, генерал фон-Бен, отходящий под давлением англичан, заявляет Людендорфу, что теперь приходится спасать не снаряжение и не немецкий престиж, а армию, для чего нужно быстро отступить на позицию Антверпен — Маас. Возможно ли еще это? Нет, — отвечает Людендорф. Прежде всего, ввиду отсутствия транспортных средств в течение такого продолжительного отступления придется потерять огромное количество снаряжения, к тому же нужно учесть, что позиция совершенно не оборудована и что она не прикрывает Эльзаса, который, таким образом, будет отдан союзникам.

28 сентября, в тот день, когда начинается сражение во Фландрии, Людендорф считает войну окончательно проигранной. В 18 час. он является к Гинденбургу, которому заявляет, что нужно немедленно просить перемирия. Маршал соглашается с этим. В этот же день Гинце, предупрежденный о серьезности событий, приехал из Берлина в Спа, представив канцлеру проект создания парламентского правительства. Гертлинг в свою очередь направляется в главную квартиру, куда спешно приехал император, узнав о том, что Болгария просила перемирия.

В воскресенье 29 сентября, в 10 час., в Спа Гинденбург, Людендорф и Гинце имеют первое совещание, на котором присутствует начальник оперативного отдела полковник Гейе. Людендорф заявляет, что стратегическое положение и моральное состояние войск требуют немедленного перемирия, иначе последует катастрофа на фронте. Гинце по-

ражен. Разумеется, он знал и до этого, что положение серьезно, но он еще придерживался решений, принятых 15 августа на конференции в Спа, где было решено не спешить с началом переговоров. И вот военное руководство, не предупреждая в течение полутора месяцев, вдруг заявляет, что нужно, не медля, добиться перемирия. Но в данной обстановке перемирие означает капитуляцию, и Людендорф хорошо знает это, сухо отвечая Гинденбургу, когда маршал говорит еще об аннексии Брие и Лонгви: «*Dazu ist jetzt nicht die Zeit*» — «*теперь не до этого*».

Какое же впечатление произведет подобный шаг на революционные элементы в тылу и на противника, которому он выдаст агонию германской армии?

Однако, если уже является такая крайность, все трое после обсуждения соглашаются, что решенное ранее создание парламентского правительства должно быть немедленно осуществлено, так как надеются, что эта мера сделает Вильсона более сговорчивым. Кроме того, императорская военная Германия сможет позор поражения свалить на парламентское правительство.

Между 11 и 12 час. совещание продолжается в присутствии императора. Вильгельм II в свою очередь поражен внезапными требованиями Гинденбурга и Людендорфа. Если бы он действительно был «Kriegsherr» — командующим германскими армиями, — он тотчас же сменил бы Людендорфа, оказавшегося неспособным выполнять свою роль в момент поражения; но, понимая свою неприспособленность к роли главнокомандующего, он с самого начала войны доверил генералам все руководство операциями, предоставив Гинденбургу и Людендорфу всю полноту власти. Как мог он в этот трагический момент отнять у них командование или вмешаться в какой бы то ни было форме? Во всяком случае он спокойно и решительно, без лишних упреков, соглашается на предложение создать парламентское правительство и, как только это будет сделано, обратиться в Вильсону, взяв за основу обсуждение программы 14 пунктов.

После полудня, когда Гертлинг приезжает в Спа, император сообщает ему о принятом решении и принимает отставку, тотчас же предложенную канцлером.

После того как в Спа приняты решения военного характера, нужно принять в Берлине политические меры, найти канцлера и подготовить страну к приближающемуся по-

ражению. 29 сентября Гинце уезжает в столицу, куда Людендорф одновременно посылает офицера генерального штаба, майора фон-дем-Буш, с пояснительным докладом к политическим деятелям рейхстага.

Но уже на другой день, 30 сентября, под влиянием новостей с фронта Людендорф впадает в отчаяние. На всех, кто его видит, он производит впечатление человека, потерявшего над собой власть; он в волнении просит, чтобы в Берлине не теряли драгоценного времени. Между 10 и 11 час. он телеграфирует Гинце, торопя его. В конце дня он врывается к императору, требуя немедленного образования правительства, которое тотчас же послало бы ходатайство о мире, на что Вильгельм II отвечает, что он должен был бы сказать это две недели назад.

В течение ночи возрастают тревоги Людендорфа за судьбу германских армий. 1 октября он беспрестанно посылает Гинце просьбы по телефону и телеграфу; он хочет, чтобы просьба о перемирии была представлена союзникам в ночь с 2 на 3 октября или, самое позднее, 3-го утром. Так как Гинце требует отсрочки, он заявляет, что дело идет о спасении армии, настолько зажатой союзниками, что она может каждую минуту быть разбитой и окончательно погибнуть. Майору фон-дем-Буш он поручает от его имени обратиться к правительству. Наконец, по его настоянию, император и Гинденбург в конце дня уезжают в Берлин, чтобы оказать давление на политических деятелей и на нового канцлера.

По предложению вице-канцлера фон-Пайера, на место Гертлинга император назначил принца Макса Баденского, имеющего репутацию либерала и в течение уже многих месяцев являющегося сторонником мирного соглашения. Он рассчитывает также, что династия Гогенцоллернов, которой, как он чувствует, грозит опасность, найдет заступника в этом немецком принце. Однако, приехав в Берлин, Макс с неохотой принимает обязанность, возлагаемую на него его государем. Он, главным образом, хотел бы быть более осведомленным, прежде чем предпринимать требуемые от него меры. В частности, он спрашивает, нельзя ли просто начать переговоры о мире, не ходатайствуя пока о перемирии, что будет ужасным признанием поражения.

Командование не соглашается на подобные колебания, и Гинденбург в Берлине держится того же мнения, что Людендорф в Спа. 2 октября он заявляет Максу Баденскому,

что на фронте вскоре может произойти катастрофа. В 18 час. на коронном совете, собравшемся во дворце канцлера, ввиду того что Макс Баденский все еще оспаривает своевременность ходатайства о перемирии, император прерывает его: «*Высшее командование считает этот шаг необходимым, а ты здесь не для того, чтобы создавать затруднения высшему командованию*». В этот день майор фон-дем-Буш прочел и разъяснил вождям партии рейхстага, собравшимся на совещание под председательством фон-Пайера, ноту Людендорфа, не оставляющую сомнений относительно положения. Он заканчивает словами: «*Теперь мы уже не можем победить*» — «*Gewinnen können wir damit nicht mehr*».

Однако, прежде чем сделать ожидаемый от него шаг, Макс Баденский вручает 3 октября Гинденбургу вопросник, состоящий из пяти вопросов, на которые он просит дать письменный ответ:

1. Сколько времени еще может верховное военное командование удержать противника вне границ империи?

2. Неизбежно ли военное поражение?

3. Настолько ли обеспокоено верховное военное командование положением, чтобы считать необходимым немедленное ходатайство о перемирии?

4. Учитывает ли верховное военное командование, что «*переговоры о мире могут привести к потере Эльзас-Лотарингии и чисто польских территорий в восточных провинциях?*»

5. Одобряет ли верховное военное командование приложенный текст ноты к державам Антанты?

Посоветовавшись по телефону с Людендорфом, Гинденбург продолжает отстаивать выраженное накануне, 2 октября, мнение, потому что положение армий становится с каждым мгновением все более угрожающим. Тогда в ночь с 3 на 4 октября Макс Баденский посылает через Швейцарию президенту Вильсону ноту, содержащую ходатайство об открытии мирных переговоров на основе 14 пунктов и «*во избежание дальнейшего кровопролития—немедленного заключения перемирия на суше, на море и в воздухе...*» 5 октября нота попадет в Вашингтон, в руки президента Вильсона. В этот же день в Берлине Макс Баденский объявляет Германии об этой просьбе. В Спа Людендорф составляет комиссию, которая будет вести переговоры о перемирии под председательством генерала фон-Гюнделя, командующего армейской группой.

После войны, для поддержания военного престижа и по причинам внутренней политики, Людендорф и немецкие генералы изобретут *Dolchstoss* — кинжальный удар, нанесенный в спину Германии, которая якобы не была побеждена на поле сражения, а пала под влиянием внутренней революции, вызванной левыми партиями; они не думали об этом в течение времени с 28 сентября по 4 октября, когда учащали просьбы о немедленном перемирии, между тем как в стране все оставалось спокойным.

Правда более проста; она ясно вытекает из истории событий, происшедших с 28 сентября, когда германское командование открыто признало себя побежденным. Германская армия не была поражена в спину своими соотечественниками; она была побеждена Антантой на поле сражения.

VIII. Союзники не ошиблись. Ходатайство Германии о перемирии и мире действительно является капитуляцией, и в этом шаге Антанта видит признак близкой победы. Ни главы правительств, ни генералы не хотят испортить ее заключением перемирия, которое не отдало бы противника целиком во власть победителя.

Первый ответ Вильсона, полученный в Берлине 9 октября, зажигает в сердцах политических деятелей и военачальников некоторую надежду. Президент Соединенных Штатов не отказывается от переговоров, но просит объяснений; в частности, он хочет знать, говорит ли германское правительство от имени властей, ведших войну до сего времени, и готово ли оно эвакуировать свои войска из занятых областей. На этот последний вопрос Людендорф, вызванный канцлером в Берлин, заявляет, что готов отвести германские армии на национальную территорию через 3—4 месяца, необходимых для эвакуации военного имущества. После этой передышки армия отдохнет, будет перестроена и сможет отразить удар. Получив согласие командования, Макс Баденский 12 октября отвечает Вильсону, что Германия соглашается на все предварительные условия, которые будут ей объявлены, и что новое правительство говорит *от лица немецкого народа.*

14 октября второй ответ Вильсона уничтожает надежду, которую Германия питала на переформирование своей армии во время перемирия и на восстановление ее мощи для того, чтобы диктовать условия мира. На этот раз президент Соединенных Штатов заявляет, что перемирие должны

устанавливать военачальники в условиях сохранения превосходства армий Антанты; во всяком случае, Германия немедленно прекратит подводную войну и все *незаконные и бесчеловечные действия;* наконец, они должны уничтожить военную власть, способную *тайно и самовольно нарушить общий мир.*

Нота производит в Германии ужасное впечатление. Надежда Германии на посредничество президента Вильсона не оправдалась. Вильсон выступает как глава одного из союзных правительств. Чтобы решить, требует ли положение Германии дать согласие на этот ультиматум, правительство созывает 17 октября в Берлине военный кабинет.

ГЛАВА XII

ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНЫХ АРМИЙ И КАПИТУЛЯЦИЯ ГЕРМАНСКИХ АРМИЙ

(15 октября — 11 ноября 1918 г.)[1]

I. Планы Фоша в середине октября 1918 г. Директива 10 октября. Фош настаивает на осуществлении маневра у Мезьера. II. Операции 14—25 октября. III. Фош отдает войскам новую директиву отбросить противника к Арденнам. Клемансо упрекает Фоша в нетвердости командования, он хочет сменить Першинга во главе американских армий. Операции в конце октября и начале ноября. IV. Подготовка французского наступления в Лотарингии. Последние дни общего наступления союзников. V. Германская армия в конце октября. Совещание в Берлине 17 октября. Признание Людендорфа. Причины перемены. Третья нота Вильсона. Воззвание Гинденбурга к армии. Канцлер добивается отставки Людендорфа. VI. Разгром Австро-Венгрии. Австрийская армия в октябре. Итальянское наступление. Перемирие в Падуе (3 ноября 1918 г.). Проект Фоша о вторжении в Баварию. VII. Гинденбург и Гренер «*ликвидируют*» войну. Заявление Гренера 5 ноября правительству о безнадежности положения; его требования о заключении перемирия в трехдневный срок. Революция в Германии. Провозглашение в Берлине республики. Отречение и бегство императора.

I. Ходатайство о перемирии, адресованное германским правительством президенту Вильсону ночью с 3 на 4 октября и ставшее известным всему миру 6 октября, доказывает, что удары, наносимые союзными войсками с 18 июля, смертельно поразили противника. С начала общего наступления 26 сентября Фош отмечает ослабевание неприятеля. 24 сентября французская разведка определяет во Франции 197

[1] Схема 16. Общее наступление союзных армий с 15 октября по 11 ноября 1918 г.

Источники: Бомон, «Отречение Вильгельма II» (Париж, 1930); Р. Морэнь (кап.), «Военный разгром Австро-Венгрии» (в «Обозре-

неприятельских дивизий, из них 129 на фронте и 68 в резерве, в том числе 20 свежих; 14 октября определяют 187 дивизий [1], но из них 164 на линии боя и только 23, в том числе 6 свежих, еще в резерве.

Фош считает, что при этих условиях германское командование будет принуждено ограничиться пассивной обороной и не в состоянии отразить внезапный прорыв на какой-либо части фронта. Он намерен использовать критическое положение противника, не прекращая и даже по возможности усиливая общие действия союзников. Однако, он вынужден признать, что задуманное в конце августа концентрическое наступление на Мезьер не дало, ввиду неудачи американцев, того результата, на который он рассчитывал. Но следует ли поэтому не упорствовать на этом предприятии? Он этого не думает.

10 октября Фош посылает всем армиям директиву, которая подтверждает основную мысль идущего наступления, усиливая продвижение на колеблющихся частях фронта противника. Английские армии (V, I, III, IV), направляя главное усилие на Монс и Авен, соединят свое наступление между рр. Шельдой и Самброй с наступлением группы армий короля Альберта, для того чтобы освободить район Лилля. Франко-американские войска (X, V и IV французские армии и I американская) продолжат наступление на Мезьер при поддержке I французской армии, удобно расположенной для того, чтобы заставить пасть линию р. Серр. Чтобы выполнить назначенные им маневры, английские армии и I французская армия должны будут прежде всего захватить позицию Герман, на которой укрепляется противник.

Оправдывается ли доверие, снова оказанное американцам, и не предпочтительнее ли было бы оставить их командованию лишь самые необходимые войска для продолжения идущего наступления, а между тем, не медля, собрать войска для

нии истории мировой войны» с июля 1932 г. по апрель 1933 г.); Тардье, «Мир» (Париж, 1919); Мордак (ген.), «Правда о перемирии» (Париж, 1929) и «Могло ли перемирие быть заключено в Берлине?» (Париж, 1930); Г. Гаусман, «Оттолоски», «Бумаги рейхстага» и «Наброски» (Франкфурт, 1924); Глайзе-Хорстенау, «Катастрофа» (Цюрих, 1929); Х. Кершенавe, «Разгром австро-венгерских вооруженных сил осенью 1918 г.» (Мюнхен, 1921); Ф. Шейдеман, «Разгром» (франц. пер., Париж, 1923).

[1] На самом деле у немцев в это время имеется 191 дивизия, в том числе четыре австрийских.

большего наступления в Лотарингии, на которое Фош решится 10 дней спустя? Таково мнение многих офицеров штабов крупных соединений, и разведывательный отдел штаба верховного командования высказывает это в докладе 14 октября. Отметив, что противник, повидимому, хочет непрерывно отступать на линию: по течению Шельды, Валансьен, Ирсон, Мезьер, Лонгюйон, отдел указывает Фошу, насколько германская армия будет стеснена в переброске резервов, когда потеряет западную рокаду от Конфлана к Валансьену через Лонгюйон. Учитывая эти данные, доклад указывает на значительные результаты, которых можно ждать от проникновения союзников в Лотарингию, где германское командование до последней возможности сократило свои резервы. Но подготовка наступления в Лотарингии требует значительного времени.

Приказ о лотарингской операции последовал 20 октября; она должна была начаться 14 ноября. Следовательно, можно признать, что если бы она была решена 10 октября, то началась бы 4 ноября. 5—6 дней спустя, сломив слабые силы противника, расположенные против них, и быстро миновав Лотарингию, французские войска могли бы оказаться на немецкой территории в Саарской области и на подступах к Триру. Такой крупный политический, военный и моральный результат был бы решающим.

Фош предвидел, что когда-нибудь встанет вопрос: счастливым ли вдохновением объясняется то, что лотарингское наступление не было назначено раньше? и в своих «Мемуарах» [1] он дважды возвращается к причинам, влиявшим на него в 1918 г. Для него лотарингская операция была только развитием действий «*после удачного начала*», не изменявшим фронтального характера идущих боев; он считает, что германскую армию, даже находящуюся в беспорядке, деморализованную, трудно разбить благодаря некоторым крепким частям, хорошо оснащенным артиллерией и автоматическим оружием, которые прикрывают ее отступление. Следовательно, наступающая сторона должна также располагать мощным вооружением, артиллерией, танками, боеприпасами, а снабжение чрезвычайно затруднено в местности, где все средства сообщения разрушены. В конце концов, Фош убежден, что наступление в Лотарингии в этой стадии войны не могло принести более значительных

[1] Фош, «Мемуары», II, стр. 264 и 323.

результатов, чем те, которые принесет теперешний маневр союзных армий. «*Оно присоединилось бы к нему, увеличило и усилило бы его, не изменяя его характера*» [1].

II. Итак, во второй половине октября операции продолжаются согласно указаниям директивы 10 октября. На севере фламандская группа армий 14 октября возобновляет наступление между Зарреном и Вервиком; кроме бельгийской и II британской армий, в нее теперь входит VI французская армия под командованием генерала де-Буассуди, а генерал Дегутт является исключительно начальником генерального штаба бельгийского короля. С 15 октября группа из трех союзных армий достигает р. Лис у Куртрэ и Мэнэна. Под действием этого удара Людендорф приказывает принцу Рупрехту освободить все бельгийское побережье с его батареями и базами подводных лодок и отступить на позицию Герман, т. е. на линию: к востоку от Брюгге, по течению р. Шельды до Валансьена, по течению р. Сель до Ле-Като. Идя по следам отступающих немцев, союзники 16 октября достигают Туру, 17 октября — Остенде; 20 октября король Альберт вступает в Брюгге, и с этого времени левое крыло бельгийцев устанавливается на голландской границе.

В это самое время Хейг форсирует «позицию Германа». 17 октября его IV армия занимает Ле-Като; 20 октября она вместе с III армией входит в Солем; 24 октября две английские армии подходят к воротам Ландреси, Кенуа и Валансьена. Их маневр, сочетающийся с действием армии короля Альберта, облегчает фронтальное наступление V и I британских армий. С 17 по 21 октября освобождаются от неприятеля Лилль, Рубе, Туркуэн и Сент-Аман.

Операции французских армий (I, X, V), направленные на захват и форсирование водных линий рр. Уазы, Серр и Эн, начавшиеся с подъемом 18 октября, повидимому, идут хорошо. Зато на крайнем правом фланге I американская армия продвигается очень медленно; только 18 октября она связывается с IV французской армией посредством дефиле у Гранпрэ в долине р. Эр.

III. 19 октября успех союзников стал очевидным к северу от Уазы и начинает также определяться между этой

[1] Фош, «Мемуары», II, стр. 323.

Схема 16. Общее наступление союзных армий с 15 октября по 11 ноября 1918 г.

рекой и р. Эн. Но в противовес этому, ввиду неспособности американской армии, германским войскам удалось выбраться из мешка между Северным морем и Маасом, в который они попали в конце сентября. Теперь на этом фронте в 350 *км* не представляется возможности окружения. Директивой 19 октября Фош под влиянием новой обстановки изменяет первоначальный замысел этого маневра.

В центре четыре английские армии под командованием Хейга (V, I, III и IV) будут стремиться «*отбросить противника на трудно проходимый Арденнский массив, где они пересекут свою главную рокаду*», двигаясь правым флангом по направлению севернее Живэ. Левый фланг будет помогать группе армий короля Альберта форсировать водные линии Шельда, Дендер, затрудняющие их движение на Брюссель. Их, в свою очередь, будет поддерживать направленная на Живэ I французская армия, которая должна захватить линию р. Серр.

Французским армиям (X, V и IV) и I американской армии дается задание маневрировать своими крайними флангами, чтобы выбить противника с позиций на р. Эн и подойти к Маасу у Мезьера и выше по течению.

Таким образом, еще 19 октября Фош упорно стремится завершить маневр, начатый 26 сентября, хотя его конечное действие — прибытие американцев на Маас южнее Мезьера — не даст уже рассчитанного ранее обхода. Еще раз он доверяет Першингу предприятие, которое, однако, представляет теперь меньше трудностей, после того как американцы достигли северной окраины Аргоннского леса и перед ними скоро будет открытая местность с западной стороны Мааса. Конечно, было бы лучше, если бы американское командование уступило руководство частями I армии опытным французским штабам. Но в этом вопросе Першинг уже отверг решение, могущее удовлетворить его самолюбие, предложенное ему 30 сентября [1]; весьма невероятно, чтобы он согласился на более радикальное предложение.

Точно так же далеки от того, чтобы решиться на шаг, который не имел бы других результатов, кроме оскорбления самолюбия американцев Фош 16 октября принимает решение освободить Першинга от опеки Петэна. Отныне он будет обращаться с приказами к нему непосредственно, как к королю Альберту и Хейгу; этим он намеревается

[1] См. гл. XI, стр. 199.

более непосредственно руководить тактическими действиями американских войск.

С конца октября эта примирительная позиция Фоша по отношению к Першингу вызывает недовольство Клемансо. Плохо зная о границах, в которых поневоле должно держаться командование союзных армий в своих сношениях с главнокомандующими, председатель французского совета министров упрекает Фоша в том, что он недостаточно «*командует*»; он досадует на него за то, что Фош не смог заставить Диаца начать наступление, а еще больше за то, что он слишком стесняется в своих отношениях с Першингом. Он сердится, так же как и Фош, и портит его стратегические замыслы; особенно он не прощает Фошу того, что тот вместе с Ллойд Джорджем отстаивал идею наступления на Константинополь после капитуляции Болгарии. Это — начало разногласия между ними, которое в дальнейшем будет увеличиваться.

В течение некоторого времени Клемансо под влиянием Пуанкаре умеряет выражения недовольства. Но он все меньше и меньше сдерживается, по мере того как продолжается топтанье американских войск на месте и после того как в директиве 19 октября снова выражается доверие американскому командованию. 21 октября в письме, пространно повторяющем все недостатки, приписываемые Першингу, он приглашает Фоша просить президента Вильсона о смене американского главнокомандующего во Франции. Это неизбежно привело бы к серьезному конфликту с нашими союзниками и во всяком случае вызвало бы кризис в их армии в самый разгар сражения. Фош отказывается от этого; он только напоминает председателю французского совета об услугах, оказанных американской армией общему делу союзников, не упоминая ни словом о смене Першинга.

С 19 октября операции между Северным морем и Маасом продолжаются в направлении, указанном Фошем в директиве от того же числа. На севере с 22 октября по 3 ноября фламандская группа армий форсирует переправы через р. Лис и занимает берег р. Шельды от Гента до Турнэ. Тогда Хейгу возвращается II британская армия (Плюмер). В центре британские армии (V, I, III и IV) форсируют с 20 по 25 октября переправы р. Сель, прорывают «позицию Герман» от Валансьена до Ле-Като, затем продолжают двигаться к Монсу и Авену; их наступление поддерживалось I, X и V французскими армиями, занявшими

в течение этого времени всю «позицию Герман» между рр. Уазой и Эн. С другой стороны, I американская армия, начиная с 1 ноября, одерживает ряд успехов, приводящих ее, наконец, к Стенэ на Маасе и позволяющих ей соединиться с IV французской армией посредством дефиле у Катр-Шан и Шен.

IV. 19 октября, отдавая приказы о продолжении наступления, начатого 26 сентября, Фош замечает, что эта операция должна дать ожидаемые от нее результаты. Когда противник установится по ту сторону Мааса, от Вердена до Мезьера, он будет трудно уязвим на этой части фронта. Еще прежде, с 8 по 10 октября, Фош стремился расширить удар I американской армии восточнее реки, где 17-й французский корпус, поддержанный двумя американскими дивизиями, занял немецкие позиции до Сиври и Бомона; он остановился на этой линии из-за недостатка в снаряжении и ввиду сопротивления противника, решившегося защищать шарнир (т. е. ось) отходного движения всех армий правого фланга и центра. Операцию нужно возобновить в более крупных масштабах, если хотят выбить немцев, укрепившихся под защитой реки. Однако, она обещает значительные результаты, как показал разведывательный отдел французского главного штаба, так как после нашего прибытия к Маасу у Стенэ германскому командованию будет чрезвычайно трудно установить равновесие своих сил, действующих по обеим сторонам Арденн. Но в настоящих условиях эту операцию нужно провести быстро. 20 октября Фош пишет Петэну:

«Ведущиеся теперь операции имеют целью отбросить противника на Маас от Стенэ и вниз по течению реки. Чтобы сломить сопротивление на реке, обойдя с фланга и тыла, следует подготовить удары с восточной и западной стороны р. Мозеля в общем направлении на Лонгви, Люксембург, с одной стороны, и в общем направлении на р. Саар — с другой.

«Эти удары будут иметь тем более шансов на успех с самого начала, чем раньше они начнутся, так как противник имеет сейчас 127 дивизий с западной стороны и только 32— с восточной стороны Мааса.

«Они будут иметь тем более шансов на удачный исход, что противник скоро окажется лишенным своей главной рокадной линии через Мезьер и Седан...»

Этот план не является неожиданным для Петэна. Еще 7 сентября он приказал Кастельно оборудовать фронт в Лотарингии, имея в виду крупное наступление. С 21 октября он может, следовательно, представить планы, касающиеся двух операций, предусмотренных по обоим берегам Мозеля, указав, что они потребуют, независимо от участия американских дивизий, находящихся уже на месте, 40 французских дивизий, концентрация которых вызовет долгую отсрочку вследствие отсутствия транспорта. Действительно, с 21 марта железные дороги работают с высшим напряжением, настолько, что в октябре резко обнаруживается их износ, неизбежный и давно ожидаемый. Управление железных дорог требует 22 дня для переброски в Лотарингию семи дивизий, между тем как в 1916 г. они перевозили по три дивизии в день.

Со своей стороны, изучая вопрос о наступлении по обоим берегам Мозеля, Фош убеждается, что оно потребует длительной подготовки, благодаря чему пропадет случай воспользоваться слабостью противника и недостатком его резервов в Лотарингии. Тогда он отказывается от удара на Люксембург по западному берегу р. Мозеля и 23 октября так объясняет свой новый замысел:

«Для действий на западном берегу Мозеля в направлении на Лонгви, Люксембург было бы необходимо: занять берег Мааса ниже по течению, по крайней мере до Стенэ; расширить исходную позицию на восточном берегу Мааса, заняв массив Дюн—Дамвилер, ориентировать действующие штабы в новом направлении; с другой стороны—оборудовать только что занятый фронт.

«Этот район, повидимому, не допускает немедленного действия; кроме того, местность становится плохой.

«Восточнее Мозеля условия совершенно иные. Следовательно, в этом районе и нужно применить имеющиеся в наличии силы в легко выполнимой операции с относительно ограниченными средствами и крупными результатами:

с военной точки зрения — дешевым захватом всей глубины оборонительной зоны, оборудованной в течение четырех лет, и как можно большим использованием успеха;

с моральной точки зрения — первым же шагом на земле, которую противник считает своей национальной собственностью и которую мы должны покорить...»

Таким образом, точно определяется цель лотарингского наступления: требуется расширить сражение, ставшее за-

трудненным на Маасе, к востоку от Мозеля, где местность удобнее и где оно может дать военные и политические результаты. Речь идет не о крупном маневре окружения, которым германская армия, задержавшаяся в Арденнах и Бельгии, оказалась бы отрезанной от мостов через Рейн. В октябре 1918 г. Фош не думал об этой возможности. Мы уже видели, как он в своих «Мемуарах» объяснял причины, которые не позволяли ему надеяться, что французские войска смогут добиться грандиозного Седана. Во всяком случае, эта операция заключалась в «*движении к Рейну в направлении на Берлин... всех союзных армий, в согласовании повторяющихся и возрастающих усилий...*» [1]

В первых числах ноября наступление в Лотарингии решено в общих чертах. Его будут выполнять, под начальством командующего восточной группой армий Кастельно, две французских армии, всего 22 пехотных дивизии, три кавалерийских и 600 танков. Главное усилие на Саарбрюкен, исходящее с фронта Номени, Шато-Салэн, возлагается на X армию (Манжен) в составе 14 дивизий; с юга эту армию поддержит VIII армия (Жерар), которая с шестью дивизиями ударит на Диэз и Этан, а с севера, повернувшись к фронту южнее Меца, — II американская армия, выходящая с шестью дивизиями на восточный берег Мозеля. Две пехотных и три кавалерийских дивизии пока находятся в резерве группы армий. Операция задумана не как штурм укрепленных позиций, а как маневр. Благодаря энергичной деятельности Кастельно она сможет начаться 14 ноября. Однако, на поле сражения быстро развертываются события западнее Мааса. Начиная с 5 ноября, союзные армии продолжают преследовать по пятам противника, отступающего от Северного моря до Мааса, на позицию Антверпен — Маас.

На севере группа армий короля Альберта прогнала 2-ю германскую армию от Шельды, южнее Оденарда; вместе с левым флангом британской армии она переходит реку и продвигается на восток, к Ату. В центре английские армии и I французская армия движутся на фронт Монс, Шимэ, идя по долинам Уазы и Самбры и к северу от р. Серр. Правее I американская армия продвигается по правому берегу Мааса через Стенэ и Данвилер к Монмеди.

С 5 ноября, заметив начало германского отступления, Фош написал Петэну, указывая ему, насколько важно как

[1] Фош, «Мемуары», II, стр. 264.

можно скорее начать наступление в Лотарингии, в случае надобности отказавшись от мысли ударить всеми назначенными силами. К несчастью, мешают материальные причины, и железнодорожная сеть не дает возможности сконцентрировать необходимые войска раньше середины ноября. Однако, Кастельно предлагает наступать 14 ноября с одной X армией, имеющей 15 дивизий и 3 кавалерийские дивизии, отказавшись от наступления VIII армии. Но это решение, одобренное 9 ноября Петэном, не сможет быть приведено в исполнение. До начала лотарингского наступления Германия 11 ноября подпишет перемирие. К этому дню союзные армии выстроятся на почти прямолинейном фронте в 550 *км*, от Гента через Ат, Монс, Шимэ, Мезьер, Стенэ, Этэн, затем от Вёвра по позициям, занятым с 1914 г. Они насчитывают 210 пехотных дивизий (102 французских, 60 английских, 31 американскую, 12 бельгийских, 2 итальянских, 2 португальских, 1 польскую); всего 4 007 442 бойца и 6 477 589 едоков.

V. В этот период, с 15 октября по 11 ноября, германская армия вступает в ожесточенные бои без надежды на успех. В тылу фронта умножаются и усиливаются заметные еще в сентябре признаки распада; очевидно, что малейший случай может вызвать бунт в отдыхающих частях, в этапных войсках, среди отпускников, дезертиров, скрывающихся. Беспорядок на дорогах становится угрожающим; железные дороги, износившиеся, загруженные, не дают возможности доставлять снабжение и эвакуировать снаряжение; целые поезда продовольствия задерживаются на путях и нетронутыми попадают в руки союзных войск.

На фронте армия непрерывно отступает, бросая ежедневно значительные количества боеприпасов и артиллерию, которые она не может эвакуировать ввиду недостатка в конной тяге и грузовиках. Поражения учащаются; части сражаются плохо; с 18 июля по 11 ноября наряду с 420 000 убитых германские армии насчитывают 350 000 военнопленных.

В главной квартире командование в роли зрителя наблюдает отступление своих войск, как это было с начала августа; оно довольствуется приказаниями о сопротивлении на месте и распоряжениями об отступлении, когда оно становится неизбежным или уже началось. Все внимание штаба направлено на переговоры о будущем перемирии и мире. Но он уже не является господином положения и находит

противника своим замыслам в правительстве, им же самим образованном. Конфликт разражается 17 октября на совещании, созванном в Берлине канцлером для обсуждения ответа Вильсону, после знаменитой третьей ноты, повергшей в ужас политические и военные сферы. Присутствуют все министры; от военного руководства присутствует Людендорф с начальником оперативного отдела полковником Гейе и Гофманом, командующим германскими войсками в России и Румынии.

Людендорф докладывает, что армия западного фронта крайне нуждается в подкреплениях; этот вопрос должен быть непременно разрешен. Во Франции насчитывается 191 дивизия (в том числе четыре австрийских), но батальоны состоят из 400—500 человек, а в 28 дивизиях имеются батальоны по 200—300 человек. Перед ними находятся 220 дивизий Антанты нормального состава [1]; 87 из этих дивизий стоят в резерве. Какую поддержку может оказать армиям французского фронта Гофман из числа войск восточного фронта, а военный министр Шейх — из внутренних ресурсов?

Гофман предлагает 10 из своих 24 дивизий; это — максимум, если хотят сохранить «санитарную» заставу, чтобы предохранить себя от «большевистской заразы» и продолжать эксплоатацию Украины и Румынии и иметь нефть, лошадей и хлеб. Нужно еще учесть, что переброска во Францию десяти дивизий займет три месяца, так как управление железных дорог может выделить для нее не больше двух-трех поездов в день; с другой стороны, дивизии восточного фронта не годятся для участия в наступлениях, так как состоят из людей старых призывов.

Военный министр Шейх более сговорчив. Независимо от нормальных подкреплений, состоящих из выздоравливающих от ран и болезней, он обещает дать 600 000 чел., из которых 304 000, т. е. молодежь 1900 г. рождения, влитых уже во фронтовые депо, могут быть тотчас же поставлены в строй. В самом деле, 22 октября действующие части получат первые контингенты 18-летних новобранцев. Что касается второй половины обещанного количества, то Шейх рассчитывает собрать 200 000 из числа вернувшихся из России военнопленных и из этапных войск; наконец, 100 000 чел. будут взяты из 1 187 000 людей, пригодных для военной службы, составляющих часть 2 424 000 занятых в

[1] В действительности число дивизий Антанты не превосходит 210.

хозяйственных предприятиях и на производстве вооружений. Разумеется, что последних придется обучать, а для этого потребуется известное время.

Выслушав сведения о возможных ресурсах, Людендорф снова берет слово; он заявляет, что раз вопрос о живой силе разрешается таким образом, он, по крайней мере на это время, несколько спокоен за будущее, даже принимая во внимание увеличение американской армии. Конечно, еще остается опасность прорыва фронта, но после всех тревог он считает это мало вероятным, учитывая опыт последних дней сражения. Наконец, через 3—4 недели придет зима и остановит наступление неприятеля. В заключение Людендорф говорит, что нужно продолжать переговоры о перемирии, но так, чтобы дать возможность методически выполнить в 3—4 месяца эвакуацию занятых областей и возобновить военные действия в случае, если не удастся заключить мир. Если Вильсон отказывается согласиться на эти требования, лучше будет, если Германия теперь же прервет переговоры.

Если теперь вспомнить поведение Людендорфа в период с 28 сентября по 4 октября, его патетические выступления с целью убедить правительство начать мирные переговоры, его выкрики о неизбежности катастрофы, то будет видно, какая перемена произошла в немецком генерале. Эта перемена повергает в изумление канцлера Макса Баденского. Новый министр иностранных дел Зольф восклицает: «*По правде сказать, для меня это — загадка!*» В свою очередь, все историки, начиная с окончания войны, кричали о загадке; некоторые хотели объяснить ее, упрекая Людендорфа в попытке свалить с себя ответственность за унизительные и тягостные переговоры, после того как они были начаты и нельзя было прервать их. В действительности переворот в поведении Людендорфа с середины октября легко объяснить, рассмотрев события с военной точки зрения.

В то время как Людендорф 28 сентября и в течение следующей недели с тревогой требует немедленного открытия переговоров о заключении мира, он находится под влиянием страха, вызванного общим наступлением войск Антанты и опасностью вторжения крупных американских сил в район Мезьера. Мало-помалу, увидев медленное продвижение американцев, он приходит в себя. 17 октября, ввиду обещания 600-тысячных подкреплений, ввиду наступления зимы, к нему возвращается уверенность. Он создал группу из

десяти дивизий, чтобы задержать движение армий Франше д'Эспере; к тому же эти армии, удаленные от своих сообщений, будут представлять опасность только через долгое время. При этих условиях военное разрешение войны может отодвинуться до весны, а до тех пор мало ли что может случиться. Следовательно, положение германской армии не таково, чтобы требовалась безусловная капитуляция, а политическим деятелям, возражающим ему, что, продолжая войну, выиграть ничего нельзя, он отвечает: «*во всяком случае, и потерять ничего нельзя; хуже быть не может*».

Но прошло уже время, когда высшее командование объединяло в своих руках политическое и военное руководство военными действиями. Людендорфу не удается убедить ни канцлера Макса Баденского, ни министра иностранных дел Зольфа. И тот и другой настаивают на открытии переговоров. Их укрепляет в этом решении убеждение, что Гинденбург и Людендорф — единственные во всей германской армии люди, имеющие какую-либо надежду на улучшение положения. 17 октября, в течение совещания, полковник Гейе не скрывал, что он не разделяет оптимистических взглядов своего начальника. Зольф настолько уверен в мнении войскового командования, что 18 октября предлагает Шейху вызвать и выслушать командующих армиями. После этого, несмотря на телеграмму Гинденбурга и возражения императора, Макс Баденский посылает 21 октября третью германскую ноту, в которой фактически упраздняется подводная война и объявляется об изменениях конституции, потребованных Вильсоном. 22 октября рейхстаг и император утверждают законопроект о создании парламентского режима; канцлер добивается от высшего командования письменного обязательства не осуществлять «*политическую власть*».

24 октября Макс Баденский получает ответ Вильсона, датированный 23 октября; он представляет собою лишь комментарии к предыдущей американской ноте. Военные условия перемирия должны быть таковы, «*чтобы Германия не смогла возобновить военных действий*; условия мира будут обсуждаться «*лишь с представителями немецкого народа*», а не «*с теми, кто господствовал до сих пор*».

Высшее командование чувствует себя задетым этой четвертой нотой; оно не сомневается, что требования Вильсона, касающиеся условий перемирия, внушены Фошем и что они означают формальный отказ в трехмесячной

отсрочке под предлогом эвакуации занятых областей; наконец, оно хорошо знает, что падение Гогенцоллернов повлечет за собою потерю армией того господствующего положения, которым она пользовалась с 1870 г. Итак, в день получения ноты Вильсона, 24 октября, Гинденбург обращается к армии с воззванием, в котором объявляет, что Вильсон хочет неприемлемой для солдат капитуляции; следовательно, армия будет сопротивляться, пока Германия не добьется выгодного мира. Людендорф, с своей стороны, во имя воинской чести, умоляет вице-канцлера фон-Пайера, временно замещающего больного канцлера, прекратить обмен нотами с Соединенными Штатами. Но призывы обоих генералов не находят отклика ни в правительстве, ни в народе, ни в армии.

Верно ли, как это утверждает Людендорф, что в главной квартире полковник Гейе отказался передать подписанное Гинденбургом воззвание? Во всяком случае командующие группами армий и армиями не сообщают его своим войскам. Если действующие части и оказывают сопротивление при отступлении, однако, они с явной тревогой следят за ходом переговоров о перемирии. Выдержит ли их дух известие о прекращении переговоров, известие о том, что война должна продолжаться без надежды на окончание? Кто осмелится объявить народу, уже ждущему конца своих лишений, утоления голода, что его надежды напрасны? Нервное состояние народа возрастает с каждым днем. 21 октября вышедший из тюрьмы Карл Либкнехт был встречен в Берлине восторженной толпой.

Во всяком случае правительство принца Макса Баденского ни минуты не думает объявить стране о требовании высшего командования; напротив, канцлер, приведенный в отчаяние новым столкновением с военным руководством, требует ухода Людендорфа. И вот, 26 октября в Берлине, в замке Бельвю, в присутствии Гинденбурга, первый генерал-квартирмейстер подает свою просьбу об отставке императору, который принимает ее; на его место назначается генерал Гренер. Теперь Макс Баденский свободен в своих действиях; 27 октября он готовится продолжать прения с президентом Вильсоном, когда приходит известие о разгроме австрийской армии.

VI. С тех пор как Австро-Венгрия подняла на конференции в Спа крик тревоги, положение ее ухудшалось

с каждым днем. Обращение Буриана к Вильсону 14 сентября было признаком агонии двойственной монархии. В конце сентября капитуляция Болгарии заставила предполагать в недалеком будущем вторжение союзных войск в Венгрию и славянские провинции. Под влиянием этих событий усиливается сепаратистское движение национальных меньшинств и революционная пропаганда социал-демократов. В начале октября поляки заявляют о решении образовать национальное государство; 6 октября представители южных славян собираются в Загребе, не скрывая своего намерения заключить союз с Сербией; 14 октября в Праге народ провозглашает Чехословацкую республику; в Австрии социалисты объявляют, что признают за национальностями право на самоопределение. Наконец, Венгрия старается отделиться от Австрии, которую уже считает погибшей; она намеревается отозвать с итальянского фронта свои войска, чтобы защитить границы, которым угрожают армии Франше д'Эспере. Император Карл напрасно старается провести реформу, которая дала бы национальностям автономию в рамках федеральной империи. Чехи и югославы хотят полной независимости; мадьяры отказываются от политической организации, которая означала бы конец преобладания, которым они пользовались в двойственной монархии; сами австрийцы понимают, что ничто уже не спасет старую империю Габсбургов от развала.

Внутренние беспорядки и внешние события имели глубокое влияние на армию, которая и без того пала духом после неудачи июльского наступления на р. Пиаве. Национальные волнения и революционная пропаганда дают себя чувствовать даже в войсках первой линии; дезертирство свирепствует; в октябре в тылу скрывается 300 000 дезертиров; нормы продуктов сокращены до последней возможности; солдаты плохо питаются, плохо одеты, изнурены.

К концу сентября австрийская армия насчитывает 65 пехотных дивизий и 10 кавалерийских. В Италии находятся 54 дивизии и 6 кавалерийских дивизий, сведенных в четыре армии и две группы армий, но состав дивизий очень слаб; четыре дивизии, переброшенные вместе с германскими армиями на французский фронт, насчитывают не больше 5 000 чел. На восточном фронте Австрия располагает шестью дивизиями и четырьмя кавалерийскими дивизиями на Украине и одной дивизией и двумя пехотными бригадами в Румынии. Выше мы видели, что

в начале октября нужно будет, во избежание разгрома германо-болгарских войск[1], взять из Италии одну дивизию, а с Украины—три дивизии.

В Италии Диац имеет в сентябре 57 дивизий, в том числе 51 итальянскую, 3 английских, 2 французских и 1 чехословацкую. Эти силы сведены в семь армий. Но так как итальянские и союзные дивизии имеют нормальный состав, то численное превосходство находится, разумеется, на стороне Италии.

Со времени неудачи австрийского июньского наступления на р. Пиаве Фош постоянно требует от Диаца, чтобы итальянская армия перешла в наступление; его требования делаются еще настойчивее после 18 июля, когда контрнаступление Манжена и Дегута совершенно изменяет лицо французского фронта. 6 августа Фош посылает Диацу требование немедленно нанести удар «*на плато Азиаго и восточнее Бренты*»; он обязуется своевременно снабдить итальянскую армию танками и ипритными снарядами.

Весь август проходит в увещаниях со стороны Фоша и в возражениях со стороны Диаца, требующего теперь грузовиков и поддержки союзных дивизий. Дважды, 31 августа и 3 сентября, Фош совещается с Диацом, приехавшим во Францию; в результате он видит, что итальянский главнокомандующий не расположен наступать, несмотря на ослабление противника. Очевидно, Диац считает, что его армия недостаточно оправилась от потрясения при Капоретто, чтобы пойти в наступление. Хотя трудно ожидать от австрийцев отпора, он все же боится, что наступление итальянцев вызовет контрнаступление противника. В конце сентября эти мысли итальянского главнокомандующего находят отклик в обращении Орландо к Фошу, где он просит «*взять на себя ответственность за наступление в Италии*». Кроме того, он просит на случай, если итальянская армия должна наступать, чтобы десять утомленных союзных дивизий сменили в спокойных секторах десять итальянских дивизий, назначенных составить «*резерв, способный отразить возможное контрнаступление противника*». На эту просьбу Фош 28 сентября отвечает, что итальянский главнокомандующий не сможет уклониться от ответственности за наступление в Италии, и добавляет: «*единственным вопросом является — намерен ли итальянский командующий,*

---

[1] См. гл. X, стр. 171.

в тот час, когда фронт колеблется от Йордана до Северного моря, решиться на риск, неизбежный на войне». 3 октября в ответ на это письмо Орландо сообщает, что итальянская армия начнет наступление, насколько будет возможно скорее.

Назначенное первоначально на 10 октября, итальянское наступление откладывается до 24 октября ввиду плохой погоды и непрерывных дождей; оно происходит в то время, когда австрийская армия совершенно распадается под влиянием развала империи. В наступлении участвуют все силы итальянского фронта.

Главное усилие требуется от центральной группы армий, получающей задание пробить австрийский фронт в районе Конельяно, Фельтре, на стыке Венецианской низменности и Трентинской гористой области. XII армия под командованием французского генерала Грациани нанесет удар на севере, между Монте-Томба и Монтелло; в центре VIII армия (генерал Кавилья) направлена на Витторию Венетто; X армия будет действовать на юге под командованием английского генерала лорда Кэвэна. III армия (герцог д'Аосте) пойдет южнее центральной группы армий, между железной дорогой Тревизо—Олеццо и морем; на севере и западе в гористой области IV, VI, I и VII армии будут стоять наготове двинуться в общем направлении на р. Адиж, к Триенту и Боцену.

После нескольких предварительных операций, проводимых 24 и 25 октября, центральная группа армий наносит ночью с 26 на 27 октября удар на всем фронте р. Пиаве; 28 октября три армии твердо стояли на северном берегу реки; 29-го вступает в сражение армия герцога д'Аосте, а 30-го—армии горной области. К этому времени итальянские армии быстро продвигаются вперед среди австро-венгерских войск, бросающих оружие, оставляющих артиллерию и снаряжение. За исключением нескольких австрийских дивизий, кое-где еще пытающихся сопротивляться, чешские и хорватские части прекращают борьбу; 25 октября венгерские дивизии покинули фронт под предлогом намерения итти защищать свою страну, которой угрожают армии союзников. 28 октября 30 дивизий категорически отказываются сражаться, и Арц предупреждает Гинденбурга, что австро-венгерская армия не в состоянии продолжать войну. В Праге чехи провозглашают свою независимость; 29 октября венгерский министр иностранных дел по радио

призывает венгерские войска, где бы они ни находились, складывать оружие; в Загребе словенское национальное собрание учреждает югославское государство. Тогда император Карл решается ходатайствовать о перемирии; он пишет Вильгельму II, сообщая об этом и заверяя его, что во главе последних надежных австрийских войск он будет защищать Тироль в случае, если союзники потребуют открыть им проход по этому пути, чтобы нанести удар Германии; в тот же день он приказывает передать югославскому государству флот, сосредоточенный в Пола, чтобы избежать захвата его итальянцами.

31 октября австро-венгерская комиссия для ведения переговоров о перемирии во главе с генералом Вебером прибывает в Вилла-Джусти, возле Падуи; в этот же день в Версале высший военный совет утверждает условия перемирия. Они заключают в себе необходимость немедленной демобилизации австро-венгерской армии, которая оставит на месте половину своего военного имущества, возвращения всех пленных, эвакуации областей, признанных за Италией по Лондонскому договору, наконец, права передвижения по территории страны по железным и шоссейным дорогам войск Антанты с целью операций против Германии с юга.

В ночь с 2 на 3 ноября, после напрасной попытки заставить национальные советы государств, создающихся из обломков империи, разделить ответственность, император Карл уполномочивает генерала Вебера подписать перемирие; Вильгельму II он просто сообщает 4 ноября, что не в состоянии был выговорить какое-либо условие, которое охраняло бы южные границы Германии от вторжения союзных войск. 3 ноября, в 15 час., в Падуе перемирие заключается, и австро-венгерское командование приказывает своим войскам тотчас же прекратить военные действия. Эта поспешность имеет гибельные последствия для австрийских армий.

В самом деле, согласно полученным от высшего военного совета инструкциям и ввиду невозможности сообщить приказ продвинувшимся вперед соединениям, ведущим ожесточенное преследование, итальянское командование установило, что перемирие не может вступить в силу раньше чем через сутки после подписания его. Итак, итальянская армия продолжает свое движение вперед до 15 час. 4 ноября мимо остановившихся частей противника, которым было сообщено, что война окончена; в течение этого по-

следнего дня войны итальянцы захватывают 400 000 австро-венгерцев. В тот же день, когда в Венецианской низменности кавалерия графа Туринского входит в Удине, в Альпах итальянская пехота, пройдя Триент, двигается на Боцен, готовя, таким образом, вторжение в Баварию. Уже накануне, по соглашению с Вильсоном и постоянными военными представителями, Фош принимает план наступления на Германию с юга; он предусматривает концентрическое движение союзных армий на Мюнхен, с юга на север, по высокой долине р. Инн, с востока к западу — через прорыв фронта Браунау, Зальцбург, в составе 20—30 дивизий, в том числе двух французских и двух английских. Вся эта операция против Германии с юга будет проведена итальянским генералом.

VII. Как бы ни было важно поражение Австрии, оно еще не означает поражения германской армии, значительно превосходящей ее; оно лишь утверждает германское правительство и командование в уже принятых решениях. В самом деле, Германия признала себя побежденной 28 сентября, когда Гинденбург и Людендорф заявили, что они требуют немедленного перемирия; она снова повторяет это признание 26 октября, отстраняя Людендорфа именно в тот момент, когда он хотел продолжать войну, между тем как она намерена любой ценой добиться мира. Однако, 26 октября в империи нет еще ни военных бунтов, ни революционных волнений в народе; только правительство, с одной стороны, командование — с другой, ведут дела и высказываются за прекращение военных действий.

В главной квартире Гренер, сменивший Людендорфа, был избран на этот пост именно потому, что является специалистом, могущим лучше других разрешить вопросы, которые представятся после заключения перемирия,— эвакуации, репатриации и демобилизации армии, снабжения, использования железных дорог... Что касается войны, то она кончена, остается только «*ликвидировать*» плохо повернувшееся дело; это именно то слово, которое Гренер употребляет 2 ноября, объясняя принцу Рупрехту, на каких основаниях он согласился сменить Людендорфа. Поэтому ни Гинденбург, ни Гренер ни в чем не возражают принцу Максу Баденскому, когда он 27 октября посылает ноту, в которой принимает все условия Вильсона. Без сомнения, некоторые офицеры еще разделяют мнение Люден-

дорфа, что можно бы еще было продержаться в течение зимы при условии получения подкреплений, и генералы фон-Гальвиц и фон-Мудра, вызванные императором в Берлин, 28 октября высказали это мнение на заседании кабинета; но в главной квартире, в штабах и войсках общее мнение за то, что нужно заключить мир; если солдат еще держится, то лишь потому, что ожидает заключения перемирия в течение ближайших дней или даже часов.

28 октября адмирал Шеер отдает приказы о соединении всего флота, стоящего неподвижно на базах со времени ютландского сражения; он намеревается вывести корабли в бой, чтобы не сдавать их, не попытавшись решить дело оружием. Но моряки третьей эскадры отказываются пойти на эту жертву; они не хотят сниматься с якоря для того, чтобы итти в бой, соглашаются только отвести корабли в Киль. По их прибытии в этот большой морской порт разражается и разрастается восстание; 3 ноября моряки берутся за оружие и захватывают власть в Киле. Они посылают по железным дорогам отряды для поднятия восстаний среди солдат. 7 ноября они появляются в Ганновере, в Брунсвике, в Кельне. В тылу появляются первые «*советы солдатских депутатов*» по образцу большевистских; они создаются также в войсках французского фронта.

Гинденбург и Гренер считают положение безнадежным и катастрофу неизбежной. С середины октября командующие группами армий, германский кронпринц, кронпринц Рупрехт, все больше настаивают, чтобы военное руководство отдало приказ об общем отступлении на позицию Антверпен—Маас. Гинденбург и Людендорф никогда не соглашались на это; Гинденбург и Гренер также отказываются от этого, желая до начала переговоров скрыть от противника истинное положение вещей; однако, 5 ноября они решаются на это, когда противник форсирует Маас у Вердена, а армии короля Альберта теснят в Бельгии войска кронпринца Рупрехта.

В тот же день, 5 ноября, в Берлине Гренер от лица германского командования рисует трагическую картину положения на фронте перед правительством, собравшимся на заседание кабинета. На западе он показывает истощенную, обескровленную, морально разлагающуюся армию, начавшую заражаться большевизмом; найти подкрепления и резервы невозможно. В конце октября у союзников было в резерве 98 дивизий; у Гинденбурга их всего 52, причем

средний состав батальонов — 500 человек. Командование упрекают в том, что оно раньше не отвело армии на линию Антверпен—Маас; но не говоря уже о соблюдении престижа во время переговоров, как перевести 80 000 раненых и снаряжение, до сих пор находящееся в зоне, которую нужно эвакуировать? Наконец, на позиции Антверпен — Маас трудно будет наладить снабжение войск ввиду недостаточности железнодорожной сети.

Кроме того,— добавляет Гренер,— Германия должна охранять свои восточные и южные границы против большевизма, против армий Франше д'Эспере, против румын, чехословаков, защищать Баварию от вторжения через Тироль. Какими средствами обеспечить все эти потребности? Проникнутыми духом большевизма войсками, привезенными из России? Вернувшимися из Македонии дивизиями, подкрепленными двумя дивизиями, отведенными с французского фронта и сосредоточенными в Баварии? Пограничными частями (Grenzschutz), наспех сформированными из немобилизованного населения? Все это не серьезно. Приходит момент окончательного поражения, и в заключение Гренер заявляет, что Гинденбург и он сам обречены отныне на полную бездеятельность, несмотря на явное желание Антанты добиться «*капитуляции*» германских армий. Таким образом, 5 ноября германское командование еще раз признает свое полное поражение.

29 октября Шейдеман письменно обращается к канцлеру с требованием отречения императора. 31 октября под давлением членов-социалистов и под угрозой неминуемого народного восстания в случае, если император задержит заключение мира своим отказом оставить трон, кабинет решает большинством голосов обратиться к Вильгельму II с просьбой об отречении. Вручение этого требования возлагается на министра внутренних дел Древса, который тотчас же выезжает в Спа.

1 ноября император категорически отвергает советы стречься, которые расточает перед ним Древс; он заявляет, что соберет войска, встанет во главе их и пойдет в тыл восстанавливать порядок. Гинденбург и Гренер одобряют это решение. Еще 5 ноября на заседании кабинета Гренер заканчивает свой доклад о военном положении, говоря, что Гинденбург поручил ему заявить, что считал бы себя «*негодяем*», если бы покинул императора. Гренер добавляет, что он сам, а также каждый честный солдат проникнуты

теми же чувствами, на что социал-демократический депутат Эбер замечает: «*В таком случае нам остается отдаться течению событий*».

После восстания моряков в Киле 3 ноября в Германии разгорается восстание рабочего населения, с главными очагами в Берлине, Мюнхене и почти во всех крупных городах. Вожди социал-демократов замечают, что руководство ускользает от них и революция произойдет в пользу «независимых социалистов», будущих коммунистов. Положение в армии становится все более напряженным; 6 ноября Гренер заявляет канцлеру, что перемирие нужно заключить в трехдневный срок, если хотят избежать капитуляции в открытом поле, и, поскольку Вильсон не отвечает на последнюю германскую ноту, обращаться прямо к Фошу. Случайно, ответ Вильсона приходит в тот же день, 6 ноября, извещая, что Фош готов обсудить условия перемирия. Макс Баденский и Гренер решают тотчас же отправить назначенных ими уполномоченных. Но для того чтобы начать переговоры, правительству нужно удержать революцию, которая неизбежна, если император не отречется. 7 ноября Шейдеман заявляет Максу Баденскому, что если Вильгельм II не отречется в течение 24 часов, социал-демократы выйдут из правительства; это значит, что они будут заодно с независимыми и выведут народ на улицу. Но император отвергает требование, которое ему вторично представляет Макс Баденский.

9 ноября в Спа на вопрос Вильгельма II Гинденбург и Гренер отвечают, что нельзя рассчитывать на поддержку войск против восстания народа. Император ссылается на присягу, которую войска приносили ему под своими знаменами, но Гренер отвечает: «*Это лишь фикция*» и объясняет, что если даже и нашлось бы несколько верных частей, их нельзя было бы перебросить в тыл, где мятежные солдаты овладели складом оружия и продовольствия и находятся уже на рейнских мостах. Это — не только личное мнение Гинденбурга и Гренера, но также тридцати полковников и генералов, собравшихся из фронтовых войск на совещание в главную квартиру. Все же Вильгельм II приказывает спросить у тридцати делегатов, нет ли, по их мнению, возможности итти на Берлин, в крайнем случае, походным маршем. Полковник Гейе, начальник оперативного отдела, приносит ответ: «*Армия хочет мира и отдыха. Она не пойдет против народа, даже если ваше величество встанет во*

главе ее. Она не пойдет также против большевизма. Она просто хочет перемирия». Вильгельму II остается подчиниться; он подписывает отречение от императорской короны, желая все же остаться королем Пруссии, как будто эта жалкая уловка была пригодна среди потрясений Германии.

В то время как в Спа Вильгельм II колеблется подписать отречение, в Берлине народ провозгласил уже падение императора. Утром 9 ноября рабочие объявляют забастовку и устраивают уличные демонстрации; войска, вызванные для восстановления порядка, присоединились к восставшим; государственный секретарь Шейдеман подал в отставку. В 11½ час. канцлер передает власть социал-демократам. Не спросив Вильгельма II, он объявляет, что «*император и король решил отказаться от трона*» за себя и за сына; в полдень он предлагает Эберту пост канцлера. В 14 час. с балкона рейхстага Шейдеман объявляет народу, собравшемуся на площади, где стоит «колонна победы», отлитая из захваченных в 1870 г. французских пушек, что отныне Германия стала республикой.

ГЛАВА XIII

ПЕРЕМИРИЕ С ГЕРМАНИЕЙ[1]

I. Фош 8 октября предлагает Клемансо проект перемирия. Предмостные укрепления за Рейном. Съезд в Париже глав и представителей союзных правительств (9 октября). Немецкая точка зрения. II. Разработка условий перемирия выдвигает важные политические и военные проблемы. Клемансо поручает Фошу подготовить проект перемирия (23 октября). III. Фош вместе с Хейгом, Першингом и Петэном обсуждает условия договора. Редакция проекта, представляемая в высший военный совет. IV. Рассмотрение проекта перемирия Фоша союзными правительствами. Заседание высшего военного совета (31 октября—1 ноября). Окончательное утверждение текста условий перемирия. V. Переговоры и подписание перемирия в Ретонде (9 и 11 ноября 1918 г.).

I. В течение всех внутренних событий, происшедших с 26 октября—дня отставки Людендорфа, германское правительство и командование не уделяли особенного внимания составлению проекта перемирия. Они сознают, что заранее дали согласие на все требования союзников, с тех пор как Макс Баденский 27 октября послал президенту Вильсону ноту, говорящую о полном подчинении.

Напротив, на стороне союзников, уже 6 октября, после получения первой германской ноты к Вильсону, правительство и Фош деятельно принимаются за разработку условий перемирия. С середины сентября Фош сознавал возможность этого события. Поэтому уже 8 октября он может представить Клемансо проект, содержащий три главных обязательства окончательного текста, который месяц спустя в Ретонде будет подписан немцами.

---

[1] Источники: Вейган (ген.), «11 ноября» (Париж, 1932); Сеймур, «Личные бумаги полковника Хауза» (Нью-Йорк, 1926); Эрцбергер, «Военные переживания» (Штуттгарт, 1920).

Первым условием Фош ставит эвакуацию в двухнедельный срок всех германских войск из захваченных у Франции и Бельгии территорий — Люксембурга, Эльзас-Лотарингии — и репатриацию всего населения этих областей. Вторым условием будет предоставление союзникам исходной позиции, которая обеспечивала бы возможность продолжать войну до полного уничтожения германских армий в случае, если бы мирные переговоры были прерваны; для этого они должны получить два или три предмостных укрепления на Рейне, охватывающих 30 *км*, в Раштате, Страсбурге, Нейбризахе. Оккупация областей по левому берегу Рейна в 30-дневный срок составляет третье основное условие перемирия; оно будет гарантией для репараций, которые будут потребованы в возмещение ущерба, нанесенного в областях союзников. Проект кончается перечислением дополнительных условий, а именно — передача снаряжения и боеприпасов, которые противник не смог эвакуировать, восстановление железнодорожного имущества во Франции и Бельгии.

Можно заметить, что в первом проекте перемирия Фош требует предмостных укреплений на верхнем Рейне, не севернее Раштата; месяц спустя, в окончательном договоре, он потребует их в Кельне, Кобленце и Майнце. Это происходит оттого, что 8 октября верховный главнокомандующий еще не знает, что отныне германские армии готовы сдаться; ему неизвестно, что он сможет навязать выдвигаемые им требования, даже не возобновляя военных действий в случае разрыва переговоров. При этой обстановке немцам легче уступить эльзасский Рейн, а для наших армий будет легче занять его. Наконец, в случае возобновления военных действий обладание предмостными укреплениями в верхнем течении Рейна облегчит нам возможность изменить направление центра обороны и через великое герцогство Баденское, Вюртемберг и Баварию протянуть руку чехам, войскам Франше д'Эспере, а затем итальянцам, когда они покончат с австрийцами. Таким образом, для этого периода войны замысел был логически вполне обоснованным.

9 октября в министерстве иностранных дел в Париже Фош докладывает свой проект главам и представителям союзных правительств, настаивая на необходимости договориться относительно полного текста перемирия, так как Вильсон пока требовал от Германии только эвакуации захваченных областей, что, по всем видимостям, потребует дополнений. Клемансо, однако, колеблется вмешиваться в

переговоры, начатые между Соединенными Штатами и Германией. Ллойд Джордж, напротив, поддерживает мнение Фоша, давая заметить, что содержание перемирия может быть утверждено только после совещания с военными экспертами и в зависимости от военной обстановки. Он добивается посылки Вильсону сообщения о недостаточности условий перемирия, о которых до сих пор упоминалось в его нотах, посланных в Берлин.

Мера эта своевременна. Разумно будет избежать недоразумения, лишить немцев всех иллюзий, если они имели их. Действительно, Макс Баденский хорошо учел преимущества, предоставляемые неясностью выражений Вильсона; поэтому он спешит подтвердить в своем ответе от 12 октября на американскую ноту, что Германия принимает предложенную ей меру — эвакуацию занятых областей.

Вильсон, предупрежденный посланием союзных правительств, уточняет свои намерения в ответе 14 октября, который не оставляет германскому правительству сомнений: «*... Должно быть ясным, что условия перемирия являются вопросами, подлежащими обсуждению военных советников правительства США и союзных правительств и что правительство США не согласится ни на какое решение, которое не обеспечивало и не охраняло бы существующее превосходство на поле сражения армий США и союзных армий....*»

Несмотря на точность формулировки, Макс Баденский пытается еще раз встать на почву обсуждений, более благоприятную для Германии, чем упоминаемое Вильсоном превосходство военных сил. 20 октября, стараясь еще раз выставить президента США посредником между победителями и побежденными, он пишет ему: «*Германское правительство, принимая предложения, касающиеся эвакуации занятых областей, исходит из принципа, что условия этой эвакуации, равно как условия перемирия, должны быть представлены на обсуждение военных советников и что настоящее соотношение сил на фронтах должно служить основой соглашений, обеспечивающих эти условия...*»

Как бы ни был прост этот маневр, он мог вызвать неудобства, если развивать его дальше. Выше сказано, что нота президента Вильсона от 23 октября рассеяла надежды немцев внести разделение между США и союзниками; она также ясно указывает им, что относительно условий перемирия они должны обращаться к генералам.

II. Договорившись, что переговоры о перемирии будут вестись военными деятелями, главы правительств должны разрешить еще несколько предварительных вопросов. Прежде всего, кто явится теми «*военными советниками*» правительств, применяя выражение Вильсона в ноте канцлеру Максу Баденскому от 14 октября? После образования в ноябре 1917 г. высшего военного совета правительства получили для обсуждения межсоюзных вопросов советников, «*постоянных военных представителей*», находящихся в Версале; но их значение постоянно падало с тех пор, как Фош стал верховным главнокомандующим союзными армиями и по мере успехов поднимал свой авторитет. У правительств, в их столицах, имеются также начальники генеральных штабов, естественно, являющиеся их советниками; в частности, ген. Вильсон пользуется значительным влиянием на Ллойд Джорджа. Однако, нет сомнения, что один только Фош стоит достаточно высоко, чтобы взять руководство переговорами, договорившись предварительно с английским и американским главнокомандующими, потому что, неся ответственность за ведение войны на французском фронте, он также лучше всех осведомлен о состоянии союзных и неприятельских армий.

Переговоры не могут носить узко военного характера; они протекают также на политической почве, так как прекращение военных действий должно осуществиться на условиях, обеспечивающих будущий мир. Главы правительств должны определить эту политическую сторону дела и внимательно следить за ведущимися переговорами.

Фош развивает эти соображения в письме к Клемансо от 18 октября. Он спрашивает, будет ли рядом с ним поставлено «*какое-либо крупное лицо из министерства иностранных дел*», обязанностью которого было бы держать его в курсе взглядов французского и союзных правительств.

Клемансо держится одного мнения с Фошем в отношении самого принципа, отказывая ему лишь в прикомандировании крупного чиновника из министерства иностранных дел. 23 октября он отвечает ему, что если главы правительств воздерживаются от окончательного утверждения условий договора, они сделают это после совещания с главнокомандующими. Он поручает Фошу разработать подробный проект перемирия.

После войны, когда результаты подписанного в Версале мира разочаровали французов, генералы и правительства

часто получали упреки в том, что не продолжали войны до полного уничтожения германских армий и не повели войска на Берлин. 24 октября, подготовляя по поручению Клемансо проект перемирия, Фош твердо решает разработать условия, которые обеспечили бы политическим деятелям возможность заключить мир по их выбору; он убежден, что Германия окончательно разбита и не может противостоять требованиям победителей.

III. 24 октября в Париже при свидании с Клемансо, в присутствии Петэна, Фош докладывает, на каких принципах он рассчитывает построить порученный ему проект; он объясняет, что успехи, одержанные после 8 октября, позволяют выставить более суровые условия перемирия, чем предполагалось прежде. В частности, условлено, что блокада удержится и срок перемирия будет ограничен.

На другой день, 25 октября, Фош в своей ставке в Сан-лисе собирает Хейга, Першинга и Петэна, чтобы выслушать их предложения. Хейг советует не теснить германскую армию, которая, достигнув своей границы, сможет долго продержаться; английские же и французские войска истощены, а американские еще далеко не организованы. Он поэтому предлагает удовольствоваться требованием эвакуации Бельгии, французских областей, Эльзас-Лотарингии, восстановления железнодорожного хозяйства во Франции и Бельгии, репатриации увезенных жителей. Петэн, разумеется, присоединяется к рассмотренным накануне условиям, говорящим об оккупации левого берега Рейна французскими войсками, с предмостными укреплениями на правом берегу, о передаче 5 000 паровозов и 100 000 вагонов. Требования Першинга идут еще дальше; к притязаниям Петэна он добавляет передачу всех подводных лодок и их баз союзникам или какой-либо нейтральной державе [1].

После совещания Фош составляет проект, который будет на другой день защищать перед главами союзных правительств. Он содержит требования:

— немедленной эвакуации Франции, Эльзас-Лотарингии,

— оккупации армиями союзников левого берега Рейна и предмостных укреплений в Кобленце, Кельне, Майнце,

[1] Генерал Жиллен, начальник штаба бельгийской армии, который не мог прибыть в Сан-лис во-время, чтобы присутствовать на совещании, на другой день, 26 октября, дал согласие на представленный Фошем проект.

Страсбурге и создания на правом берегу реки демилитаризированной зоны в 40 *км* шириной;

— передачи 5 000 паровозов, 150 000 вагонов, 150 подводных лодок;

— оккупации военными кораблями союзников Куксгафена, Гельголанда и сохранения блокады.

К вечеру этот текст находится у Пуанкаре и Клемансо; он немедленно передается правительствам Соединенных Штатов и Великобритании.

IV. Для утверждения проекта Фоша и дополнения его необходимыми политическими статьями главы правительств лично или через представителей тотчас же начинают обсуждения, продолжающиеся с 31 октября по 4 ноября в высшем военном совете, собирающемся то в Париже, то в Версале.

В отношении военных статей Вильсон и Ллойд Джордж принимают тезис, выдвинутый в Санлисе Хейгом; они выражают опасение, что немцы не согласятся на слишком тяжелые условия. Вильсон говорит, что не следует, по примеру прусского милитаризма, унижать побежденного противника; оккупацию предмостных укреплений на правом берегу Рейна он считает несвоевременной мерой. С своей стороны, Ллойд Джордж просто повторяет доводы Хейга; в то же время, по странному противоречию, он намерен навязать противнику чрезвычайно тяжелые условия в отношении военного флота, а именно, передачу не только 150 подводных лодок, но и всего германского надводного флота. Всей энергии Клемансо и Фоша нехватает, чтобы убедить наших союзников в невозможности остановить армию на самой границе Германии, позволяя противнику вновь укрепиться под прикрытием Рейна, и что, в конце концов, лишить себя возможности пробиться по ту сторону реки — значит скомпрометировать мирные переговоры; наконец, они указывают, что общее положение на всех театрах войны дает союзникам уверенность, что Германия согласится на их условия. Фош, напротив, охотно смягчил бы требования Англии в отношении морских сил; он подчеркивает в них характер «*унижения*», так как германский надводный флот не представляет опасности; однако, в этом пункте он сталкивается с Ллойд Джорджем, который соглашается на уступки только в том случае, если во время переговоров Германия решительно откажется от передачи флота.

Весьма трудно также достичь согласия относительно политических условий перемирия. Здесь европейские державы сталкиваются с Соединенными Штатами. Выше было сказано [1], что в январе 1918 г. Франция и Англия воздержались от возражений по поводу знаменитой программы *14 пунктов*, выставленной президентом Вильсоном. Они еще более стеснены теперь, когда пришел момент применить на деле принципы, которых Вильсон придерживается тем более, что они отвечают его личному идеалу и способны увеличить его популярность среди его сограждан. На самом же деле вся эта неясная и туманная идеология при приложении ее на деле рискует привести к неприемлемым результатам, если хотят заставить Германию принять мир, который гарантировал бы европейские державы от нового нападения и обеспечил бы их право на законные репарации. Терпимо ли, наконец, чтобы Соединенные Штаты, достигнув больших преимуществ в течение 3 лет нейтралитета и несравненно меньше пострадав, чем союзники, имели претензию навязать Европе мир по своему выбору!

Ллойд Джордж протестует против пункта, в котором говорится «*о полной свободе плавания как в военное, так и в мирное время*». Принять этот пункт — значит лишить себя на будущее время такого средства войны, как блокада, которая сильно содействовала поражению Германии. Клемансо, с своей стороны, энергично поддерживает принципы возмещения убытков, нанесенных агрессором. Полковник Хауз, представитель Вильсона в Париже, противопоставляет этим претензиям идею неприкосновенности 14 пунктов. Он даст понять, что в случае несогласия между союзниками Соединенные Штаты могут подписать с Германией сепаратный мир. Это звучит серьезной угрозой.

Однако мало-помалу находят компромисс. Ллойд Джордж соглашается обсудить принцип свободы морей под условием, что будут учтены условия, в которых союзникам пришлось вести морскую войну в 1914—1918 гг. Клемансо добивается принятия удовлетворительного толкования права на репарации. Зато Соннино и Орландо, которых не поддерживают ни Ллойд Джордж, ни Клемансо, наталкиваются на упорную несговорчивость Хауза в отношении их территориальных претензий, сформулированных в 9-м пункте: «*утверждение границ Италии должно быть произведено по принципам национального характера*».

---

[1] См. гл. II, стр. 23.

Легче достигается согласие относительно статей, касающихся русско-румынского фронта. Условлено, что вопрос о восстановлении Польши будет отложен до переговоров о мире, а в данный момент довольствуются требованием к Германии вернуться на востоке к границам 1914 г.

4 ноября, по окончании заседаний высшего военного совета, союзные правительства посылают президенту Вильсону текст условий перемирия с приложением записки, объясняющей соглашения, достигнутые с полковником Хаузом. Они заявляют о своей готовности заключить мир на основе 14 пунктов, но с оговорками, касающимися свободы морей и права на возмещение убытков, причиненных германской агрессией. Маршалу Фошу, сопровождаемому британским адмиралом, будет поручено сообщить текст перемирия полномочным представителям германского правительства и вести с ними переговоры.

V. 5 ноября из Вашингтона государственный секретарь Лэнсинг отправляет германскому правительству полученную от союзников ноту, предлагая обратиться к Фошу относительно условий перемирия. Согласно с мнением высшего командования, Макс Баденский действует поспешно.

7 ноября, в 12 ч. 30 м. ночи, Фош получает переданную по радио телеграмму, которая сообщает о назначении уполномоченных, спрашивает о месте, где будут происходить переговоры, и, наконец, ходатайствует о прекращении военных действий с момента прибытия германской делегации на линию союзников. Фош отвечает, что германские посланные должны явиться на французские аванпосты по дороге Шимэ, Фурми, Ля-Капель, Гиз, откуда будут доставлены к месту встречи.

В 7 час. утра 8 ноября немецкие уполномоченные прибывают в Ретонд, в лесу Лэг, восточнее Компьена. С предыдущего вечера Фош ждет их в своем поезде. С ним находятся Вейган, три офицера французского главного штаба и английская военно-морская делегация во главе с лордом Вемисс, морским министром. Первая встреча происходит в это же утро, в 9 час., в вагоне-канцелярии поезда Фоша.

После проверки полномочий, подписанных канцлером, Максом Баденским, Фош принимает представления членов делегации, в которую входят: Эрцбергер, депутат католического центра рейхстага; государственный секретарь генерал фон-Винтерфельдт, военный атташе при германском

посольстве в Париже в 1914 г.; граф Оберндорф, полномочный министр; Ванзелов, капитан I ранга; Гейер, капитан главного штаба; фон-Гельдорф, ротмистр кавалерии. Затем Фош представляет членов союзной делегации — адмирала Вемисс, генерала Вейган, адмирала Гоп, капитана I ранга Мариотта. После того как Эрцбергер и Оберндорф точно изложили ходатайство Германии о перемирии, Фош заявляет, что он сообщит условия, на которых перемирие может быть принято союзниками. Тогда Вейган зачитывает главные статьи проекта, полный текст которого передается затем немецким делегатам, предупрежденным, что они имеют 62 часа, т. е. срок для отказа или согласия истекает в 11 час. 11 ноября.

Не открывая прений, Эрцбергер просит о немедленном прекращении военных действий, чтобы дать возможность восстановить порядок и дисциплину в стране и армии, которым грозит серьезная опасность большевизма, который может тотчас же распространиться на союзные державы. От имени германского правительства и командования генерал фон-Винтерфельдт зачитывает ноту, в которой содержится та же просьба. Фош отвергает это требование, говоря, что большевизм является болезнью побежденных. Он добавляет, что поможет немецким уполномоченным заключить перемирие, не теряя времени. Заседание закрывается после того, как немцы телеграфировали своему правительству об отказе Фоша прекратить военные действия и отправили курьера, капитана фон-Гельдорфа, с условиями перемирия.

После полудня немецкие уполномоченные имеют отдельные беседы с генералом Вейганом и адмиралом Гопом. Они просят уточнить некоторые вопросы. Приводя вновь доводы Эрцбергера и Винтерфельдта, они стараются добиться смягчения, которое избавило бы их от поспешного отступления за Рейн и сдачи значительного военного снаряжения.

День 9 ноября делегация посвящает тщательному изучению условий перемирия и составлению замечаний, переданных Вейгану около 15 ч. 45 м. В ответ 10 ноября, около 21 ч. 30 м., Фош посылает Эрцбергеру «*памятную записку*». Но в это время немецкие делегаты получают две телеграммы: одну от Макса Баденского, другую от Гинденбурга, которые поручают им подписать перемирие, выразив предварительно протест против слишком суровых статей. Накануне Германия стала республикой; утром Вильгельм II покинул Спа, чтобы укрыться в Голландии.

В 2 часа утра 11 ноября союзные и германские уполномоченные собираются на заседание. Текст перемирия прочитывается, обсуждается и утверждается пункт за пунктом. В 5 ч. 05 м. его подписывают. Германия соглашается эвакуировать в двухнедельный срок все захваченные на западе земли, а также Эльзас-Лотарингию; она соглашается на оккупацию союзными армиями левого берега Рейна и предоставление на правом берегу трех предмостных укреплений в 30 *км*, в Кельне, Кобленце и Майнце; она передаст союзникам 5 000 пушек (2 500 полевых и 2 500 тяжелых), 25 000 пулеметов, 1 700 аэропланов, 5 000 паровозов, 150 000 вагонов, 5 000 грузовиков. На восточном фронте германское правительство отведет свои войска в границы 1914 г., оно отказывается от Брест-Литовского и Бухарестского договоров.

Статьи по военно-морским вопросам, составленные английским адмиралтейством, были приняты без особых затруднений; они содержат требование передачи всех подводных лодок и интернирования надводного флота частью в портах союзных или нейтральных стран, частью в германских.

Перемирие заключено на 36 дней, с допущением продления [1] срока. После формальностей подписания Эрцбергер зачитывает составленную им, по указанию правительства, декларацию против суровости навязанных Германии условий. Он покидает Ретонд по железной дороге вместе со всей делегацией в 11 ч. 30 м., между тем как капитан Гейер вылетает на аэроплане в Спа с текстом условий перемирия и объяснительными картами.

Со стороны союзников, после обмена подписями, посылается телеграфный приказ прекратить военные действия в 11 час., не переходить достигнутых к этому времени линий и не вступать в общение с противником. В 11 час. (по французскому времени) 11 ноября по обеим сторонам фронта прекращается огонь.

---

[1] См. в конце книги Приложение № 1, полный текст условий перемирия.

ГЛАВА XIV

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О КАМПАНИИ 1918 г.

I. В начале 1918 г. встает вопрос о судьбе войны. II. Германия не допускает возможности мирного соглашения. III. Положение в Германии. Ресурсы живой силы. Вооружение и материальная часть. Недостаток каучука, горючего, смазочных веществ, лошадей. «*Маневренные*» (*mobiles*) и «*позиционные*» дивизии. IV. Нищета германской стратегии. Замыслы Людендорфа относительно сражений 1918 г. Ошибки их выполнения. Демонстративные наступления против французов. V. Ошибки глав правительств Англии и Франции и главнокомандующих в подготовке и начале сражений 1918 г. VI. Ведение сражения Фошем. Оборона. Наступление. VII. Характерные черты ведения войны в 1918 г. Германия была побеждена на полях сражений во Франции; она не пала под ударом ножа в спину, нанесенного революцией в тылу.

I. Заканчивая эту историю рассказом о перемирии в Ретонде, нельзя не сделать в общем заключении некоторых выводов, наиболее важных для того, чтобы разрешить вопрос, бывший главной целью этого исследования: каким образом союзники победили Германию в 1918 г.?

Логично ли будет ограничить эти общие выводы событиями 1918 г.? Возможно ли показать, как Германия пришла к капитуляции 11 ноября, не вернувшись к самому началу войны, к победе Жоффра на рр. Марне и Изере в 1914 г.? Разумеется, было бы желательно вернуться к корням событий и обрисовать постоянное ослабление срединных держав в течение непрерывных успехов Германии на восточном фронте и бесплодные наступления союзников на западном фронте в 1915—1917 гг. Но такая работа потребовала бы больших размеров, чем допускается этой главой, и, кроме того, в каждом из трех предшествующих томов есть заключения, относящиеся к рассматриваемым в них периодам войны.

II. Несомненно, в начале 1918 г. Германия имеет безусловное преимущество перед Антантой в отношении руководства войной, переданного как в отношении политики, так и стратегии в руки Гинденбурга и Людендорфа. Ни император, ни правительство, ни рейхстаг не мешают командованию. В отношении внешнем, однако, если власть командования и не оспаривается, то ограничивается слабостью австрийской, болгарской и турецкой армий, истощивших свои моральные и физические силы.

Германия могла бы использовать сосредоточение руководства в руках военачальников и разгром ее противников на восточном фронте для того, чтобы предложить союзникам умеренные условия мира. Правда, в это же самое время главы правительств Антанты заявляют о своей решимости не заключать мира, не добившись своей цели войны, а Вильсон издает знаменитую программу 14 пунктов.

Германскому военному руководству нужно было бы быть более умеренно настроенным, а этого как раз совсем не было. Оно дает этому доказательство, навязав России и Румынии грабительский и кабальный договоры в Брест-Литовске и Бухаресте. В своей непримиримости оно упорствует до конечной катастрофы. 28 сентября, когда Людендорф требует немедленного перемирия, даже ценой полной капитуляции, Гинденбург еще хочет добиться захвата угольного бассейна Брие!

Это поведение не ново. Никогда в течение войны Германия не хотела мирного соглашения: своими действиями она постоянно подчеркивала, что намерена добиться полной и окончательной победы. В начале 1918 г., несмотря на риск предприятия, она решается на все, чтобы удовлетворить страсть к насилию и господству, которую не успокоило бы мирное соглашение. Разве это не является первой крупной ошибкой, которую следует поставить в вину германскому командованию, когда дело идет о судьбах великой страны?

III. Извинением Гинденбургу и Людендорфу служит их уверенность в успехе наступления, которое они замыслили против англо-французских армий. Оправдывается ли эта уверенность? И, прежде всего, имеет ли германское высшее командование основания считать, что его армия располагает достаточными средствами и контингентами для одержания окончательной победы?

В начале 1918 г. Германия имеет большое численное превосходство над армиями союзников; она могла бы увеличить свои силы более разумным распределением контингентов, занятых в тылу страны, и подкреплений, назначенных для армии. Слишком велико количество людей, занятых на производстве средств вооружения, настолько, что это вооружение залеживается на складах и в парках, за неимением рук для обслуживания. Ошибка очевидна, но она не сказывается в период наступления, которое должно привести к поражению противника; недостаток в живой силе, свертывание крупных частей начались лишь в конце июля, т. е. тогда, когда, по расчетам Людендорфа, германская армия должна уже была одержать окончательную победу. Германское командование не сумеет объяснить неуспех своего наступления численным недостатком своих войск.

По его собственному признанию, оно располагало для сражений 1918 г. тем количеством вооружений, которое считало необходимым, и настолько обильными запасами снаряжения, что ни разу ему не приходилось сокращать снабжение войск. В общем итоге германское вооружение ни в чем не уступает вооружению союзников; в артиллерии оно даже превосходит его; но ему нехватает танков.

В этот период танк, конечно, играет важную роль при поддержке первоначального штурма пехоты, при условии, однако, что местность не слишком взрыта и не слишком сильно укреплена. Зато он не годится для расширения и использования успеха. Но постоянно, в частности, 21 марта и 27 мая, германская армия благодаря своему превосходству в артиллерии с одного натиска прорывала фронт противника, причем настолько, что не могла и надеяться на такой успех в первый же день сражения. Прибавил ли бы танк что-либо к этому результату? Можно сомневаться в этом. При тщательном изучении весенних боев 1918 г. приходишь к заключению, что отсутствие танков ни в какой степени не являлось причиной неудачи немецкого наступления.

Располагая достаточными силами и вооружением, германское командование не имеет достаточных средств для перевозки крупных частей, артиллерии, поездов и парков. Ввиду блокады ее берегов и несмотря на научные открытия в области замены различных материалов, Германии не удается получить достаточного количества каучука, горючего, смазочных материалов; у нее нехватает лошадей;

она не может пользоваться ни повозками, ни грузовиками, ни железными дорогами.

Ввиду недостатка перевозочных средств, Людендорф принужден разделить свои войска на две группы: одну маневренную (mobile), другую позиционную; вот что важно, вот что тяжело отражается на условиях наступления. «*Маневренная*» группа способна использовать успех посредством маневра и движения; но она слаба. 21 марта в нее входят только 56 дивизий из общего числа 192. В то же время «*позиционная*» группа, 136 дивизий, сильна численно, но за недостатком средств передвижения в состоянии наступать только на той части фронта, где она находится; после нанесения первоначального удара она не может удаляться на большое расстояние от своей исходной позиции.

IV. Это распределение находящихся в распоряжении сил заставляет германское командование начинать быстро развертывающееся сражение, идущее без задержки, способное легко распространиться, но на близкое расстояние от фронта исходного положения. Горе немецким войскам, если они с первого же натиска не одержат победы, если их наступление будет прерываться из-за необходимости дать отдых и пополнить дивизии и *маневренные* группы, потому что противник в течение предоставленного ему перерыва найдет время восстановить свои силы и стянуть резервы. А главное — подоспеют американцы.

В самом деле, перспектива вступления в бой мощных сил американцев также принуждает германское командование придать своему наступлению быстрый и непрерывный характер. С большой проницательностью служба разведки предсказывает на июль срок прибытия американцев. Таким образом, назначая удар на 21 марта, немецкое командование имеет в распоряжении 3 месяца.

Людендорф прекрасно понял, при каких условиях успех его предприятия становится возможным; эти условия лежат в основе его плана кампании, имеющей целью одним ударом разбить английскую армию, считающуюся самой малочисленной, самой уязвимой, вследствие ее неопытности в обороне, ее положения «спиной к морю» и стремления держать свои резервы во Фландрии.

Немецкому генералу ставили потом в вину идею единого удара; говорили, что германское наступление должно было бы включать, как предлагали фон-Куль и Ветцель, одно

или несколько наступлений, имеющих целью привлечь и использовать резервы противника, затем, после достижения этого результата, решающий удар, который уже не встретил бы всей массы союзных войск. Между прочим, именно такова будет стратегия, применяемая Фошем с 18 июля. Но у Фоша для этого есть время, а у Людендорфа нет; ему приходится спешить. Был ли он прав или неправ, готовя в этих условиях единое и грандиозное сражение, — судить очень трудно. Но германское командование совершило, несомненно, крупные ошибки в ведении операций.

С начала наступления, с 23 марта, руководящая идея плана кампании — разбить англичан — стушевывается под влиянием событий на поле сражения. Ввиду того что французы подходят недостаточно быстро и не в достаточном количестве, Людендорф мечтает разъединить их с англичанами, затем разбить их, для того чтобы итти на Париж обоими берегами р. Уазы. Германское наступление тотчас же распыляется, задерживается перед усиливающимся сопротивлением противника; оно останавливается 29 апреля, считая себя неспособным пробить барьер Фламандских гор.

В этот момент Людендорф совершает свою главную ошибку: под предлогом демонстрации он оставляет морально и материально изнуренных англичан и обращается против французов. Правда, его можно понять, так как германскому командованию пришлось задержать свое наступление в конце апреля, для того чтобы перегруппировать свои «*маневренные*» части, истощенные 5½ неделями боев; это — роковое следствие состава войск. Но нельзя найти оправдания тому, что он не возобновил сражения там же, где он начал его 21 марта, и дал англичанам трехмесячную передышку, для того чтобы оправиться и перегруппировать свои армии. И, разумеется, после этой ошибки Людендорф совершит и другие. Некоторые упрекают его в размахе, который приняло сражение 27 мая вопреки первоначальному замыслу; он задумает план наступления в Шампани, не соответствующий силам, которыми он располагает; 18 июля и 8 августа он позволит захватить себя врасплох. Однако ни одна из этих ошибок не сравнима по важности с ошибкой решения 29 апреля.

Очевидно, что, бросая свои войска 27 мая на штурм Шмен-де-Дам или вступая 15 июля в грандиозное сражение в Шампани, Людендорф намерен возобновить борьбу про-

тив англичан в ближайшие дни после начала демонстративного наступления против французов. Но какой генерал может похвалиться, что он по своей воле управлял гигантскими операциями 1918 г., раз начав их? Действительно, ни после 27 мая, ни после 15 июля Людендорф не смог возобновить действий против англичан. Сражения при Шмен-де-Дам и в Шампани привели только к бесполезному расходованию живой силы.

Можно ли сказать, что германское командование проиграло войну только в результате своих собственных ошибок? Конечно, нет. Ход первоначального наступления в Пикардии доказывает, что план Людендорфа соответствовал обстановке, так как одно время, 26 марта 1918 г., он принес Германии блестящую победу. Но в этот день перед немецким генералом оказался Фош. С этого момента, как бы подавляемый более высоким умом, чем его, Людендорф совершил ряд стратегических ошибок, последствия которых сочетались с последствиями ударов, нанесенных союзными войсками германским. И тогда победа выскользнула из его рук.

V. Если нужно признать, что в начале 1918 г. германское командование задумывает наступление в форме, соответствующей средствам, которыми оно располагает, и требованиям стратегической обстановки, то нужно также признать, что в это же время Англия и Франция накапливают ошибки, как будто бы для собственного удовольствия.

Несмотря на большое значение выхода России из войны, несмотря на уверенность в грозном наступлении на французском фронте, Ллойд Джордж и Клемансо не выказывают поспешности в разрешении таких важных вопросов, как вопрос о плане кампании, вопрос о едином командовании; они не понимают, что последний вопрос является важнейшим в проблеме войны 1918 г. Больше того, когда после долгих колебаний они высказывались за план Фоша, когда они кое-как осуществили систему единого командования, 14 марта, накануне германского наступления, они одним ударом уничтожают все, что создали с таким трудом, не будучи способны противостоять политической и национальной обидчивости и давлению двух главнокомандующих, не желающих терпеть над собой чью-либо власть. К этой ошибке присоединяются другие, хоть и не столь крупные, но тем не менее влияющие на ход сражения. Ллойд Джордж, упорствую-

щий на идее наступления против Турции, отказывает Хейгу в подкреплениях, недостаток которых будет жестоко чувствоваться с самого начала сражений во Франции. Клемансо неудачно вмешивается в подготовку наших больших соединений к маневренной войне.

Хейг и Петэн отчасти ответственны за непонимание правительствами значения единого командования. В связи с этим можно вспомнить суждение Фоша о договоре двух главнокомандующих, заканчивающееся следующим приговором: «*Поэтому договор, заключенный между двумя главнокомандующими, показался мне в Лондоне слабым и совершенно неудовлетворительным, что и было вскоре доказано событиями. Поэтому союзные правительства несут тяжелую ответственность, не поколебавшись возложить доверие на простой договор двух начальников, имеющих каждый свои интересы* [1]».

Наравне с ответственностью, которую они вместе с правительствами несут за их концепцию руководства на основании простого договора, Хейг и Петэн несут не меньшую ответственность за те меры, которые принадлежат собственно им в отношении сначала подготовки, а затем ведения сражения. Стремясь, может быть и бессознательно, к защите национальных интересов, они почти лишают резервов армию Гофа, которой, по их же признанию, грозит наибольшая опасность. Наконец, во время сражения Петэн не оказывает Хейгу достаточно быстрой и сильной поддержки; 24 марта он собирается предоставить англичан их собственной участи. Хейг, с своей стороны, с самого начала борьбы не обращает внимания на армию Гофа, прикрывающую зону, служащую скорее для защиты Парижа, чем британских морских баз. Когда он считает, что Петэн покинул его, он, не колеблясь, стягивает свои армии к портам Па-де-Калэ.

VI. Показать, каким образом Фош 26 марта выправил (redressé) сражение в тот момент, когда оно было проиграно, как он завершил его 11 ноября 1918 г., — это как раз и является задачей настоящего труда. Автор старался показать, какими методами французский генералиссимус привел армии из разгрома, в момент которого он принял командование, к самой блестящей из одержанных когда-

[1] Фош, «Мемуары», гл. II, стр. 43.

либо побед. Эта стратегия Фоша выражается в нескольких чертах.

Принужденный вначале вести только оборону ввиду беспорядка, в котором он нашел английские и французские войска, Фош начинает с замены обособленности между союзными армиями полной солидарностью: спасение или гибель будут общими. Из этого принципа он выводит следствия с твердостью, которую каждый из союзников считает преувеличенной; чтобы быть в состоянии поддержать англичан, морально и материально истощенных германским наступлением, он не колеблется подвергать опасности французскую армию в течение трех долгих месяцев.

Вторая черта, характерная для оборонительной стратегии Фоша, — решимость как можно скорее перейти в наступление. Эту решимость Фош утверждает с 1 января 1918 г. в своем проекте плана кампании. Он снова подтверждает эту решимость по принятии командования, когда 3 апреля отдает приказ о подготовке удара между Уазой и Соммой. Интересно отметить: убеждение в необходимости предпринять наступление не является у Фоша результатом математического расчета или тщательной оценки ресурсов союзников и немцев; оно не колеблется под влиянием внушительных цифр, приведенных Хейгом и Петэном в январе и феврале на высшем военном совете. Ни в это время, ни в апреле Фошу неизвестно, как и никому другому, о недостатке в живой силе в немецкой армии, который заставляет Людендорфа разделить свои войска на две категории, различные по подвижности. Интуиция подсказывает ему, что в известный момент мы будем иметь возможность возобновить наступление; он предвидит, что предсказания двух главнокомандующих не оправдаются, что в подобном деле расчет — это еще не все. Прямо говоря, все это является гениальным вдохновением.

В ведении наступательного сражения есть риск и смелость. Они ярко выражены в событиях контрнаступления 18 июля, твердо проводимого, несмотря на продвижение 7-й немецкой армии в направлении на Эпернэ и южнее Марны. Но как эти качества дополняются мудрым благоразумием! В июле Фош окончательно знает, что противник «*вынужден иметь две армии, одну—занимающую позиции... и маневрирующую за этим слабым фасадом армию удара... уже сильно пошатнувшуюся*»[1]. Не имея еще численного превос-

[1] Фош, «Воспоминание о 24 июля 1918 г.».

ходства, но зная, что оно скоро будет благодаря прибытию американцев, он имеет превосходство в материальной части; он чувствует, что пришел момент перейти в наступление.

Более счастливый, чем Людендорф, который ввиду малого срока должен был рискнуть последней картой, Фош утверждает ограниченную программу действий, чтобы вернуть войскам уверенность в себе, нанести противнику чувствительные удары, занять исходные позиции для более крупного сражения, план которого он уже набрасывает. Затем, в сентябре, когда противник уже поколеблен и деморализован рядом поражений, он бросает все силы союзников в «*большое наступление*». Но, — говорит Людендорф,— Фошу посчастливилось найти поддержку в энергичных и решительных правительствах, которые ободряли его и помогали ему; в Германии правительство не помогало армии. Можно заметить, что этот довод относится к тезису об ударе кинжалом в спину (Dolchstoss), достаточно опровергнутому в этой книге.

Можно ли уверять после изучения великих событий 1918 г., что легче было вести войну на стороне союзников, чем на германской, где Людендорф осуществлял политическую и военную диктатуру?

Нет! Чем больше размышляешь над ходом кампании 1918 г., тем более напрашивается объяснение, что только присутствием Фоша и объясняется победа союзников и поражение немцев.

VII. Выиграв войну, имеет ли Фош право на место, уже отведенное ему всеобщим мнением среди великих полководцев, место современного Наполеона или Фридриха II? Стоит ли он наравне с Жоффром, чей маневр на Марне навсегда останется предметом восхищения историков военного искусства? Этот вопрос заслуживает рассмотрения. Военная слава не приходит только как результат победы, являющейся непременным, но недостаточным условием; она не заслуживается только удачей какого-нибудь обходного или флангового маневра, к которым постоянно стремились генералы и которыми можно уничтожить или захватить противника. Наполеон, побежденный в 1814 г. Шварценбергом, остается искусным полководцем, а его победитель — бесславным генералом. И не потому, что при Седане Мольтке окружил французскую армию, значительно усту-

пающую его армии по количеству, вооружению и руководству, он заслужил в 1870 г. славу стратега.

В 1918 г. война приняла такой характер, какого никогда еще в истории не имела. Это уже не так называемая «*маневренная*» война, применявшаяся и прежде, в 1914 г.; это и не окопная война 1915—1917 гг. Благодаря наличному составу, за три с половиной года войны стоящие во Франции войска не были уязвимы на флангах, опирающихся на севере—на море, а на юге—на Швейцарию, не более уязвимы они и в 1918 г., но вот что ново. Как со стороны немцев, так и со стороны союзников наступающий благодаря мощному вооружению, быстроте и подвижности, неизвестной до сего времени и облегчающей внезапность действий, одним натиском прорывает позиции обороняющегося; но очень скоро благодаря тому же вооружению, которое послужило ему на пользу, благодаря прибытию крупных подвижных резервов, перед ним является новый фронт, перед которым он на короткое время становится бессильным. Ни одному из противников не удается пробить в расположении другого достаточно широкую брешь, чтобы создать внутренние фланги, которые сделали бы возможным использование первоначального успеха. Итак, после размышлений, вызванных операциями 1915 г. на французском фронте, Фош не верит в возможность «*прорыва*».

Мощность огня возрастает до такой степени, что роды оружия, неспособные врастать в местность, исчезают с поля сражения. В 1918 г. ударил последний час для кавалерии, крупные соединения которой оказываются непригодными как в разведке, так и в сражении, и менее подвижными, чем моторизованные части всех родов войск.

Зато в бой вступают новые роды войск, новые средства борьбы: легкий и тяжелый танк находит массовое применение; авиация, до сих пор использовавшаяся для разведки, наблюдения, регулировки артиллерийского огня, в крупных соединениях атакует пулеметами воздушного противника, пулеметами и бомбами — наземного противника. Снабженная самолетами, район действий которых более обширен, она усиливает ночные действия, бомбардируя тыловые сооружения противника, вокзалы, центры сосредоточения сил, штабы... Пехота увеличивает число пулеметов; артиллерия широко применяет ипритные снаряды, чтобы сделать непригодными для житья целые зоны операций.

На театре действий, таком ограниченном для сосредоточенных на нем сил, при наличии такого усовершенствованного оружия, роль крупных военных руководителей, командующих армиями, группами армий, даже войсками различных стран, чрезвычайно упрощается, потому что невозможен никакой маневр, потому что всякий вынужден наносить удар прямо перед собою. Их заслугой является обеспечение себя таким штабом, где каждый офицер превосходно исполнял бы свою роль в подготовке и управлении механизмом сражения. Конечно, каждый из этих генералов продолжает вводить в программу подготовляемого им сражения *«маневр использования»;* в действительности же события никогда не идут тем путем, который был предположен, потому что несколько оставшихся нетронутыми пулеметов сбивают самые мудрые расчеты.

Верховный главнокомандующий также находится в зависимости от материальных данных войны, не допускающих больше молниеносного прорыва, а тем менее — флангового или обходного маневра. Считая прорыв невозможным, Фош с июля по ноябрь ни минуты не искал его. Ни минуты не пытался он применить *«маневр»*, как Жоффр на Марне в сентябре 1914 г. или даже как Нивель в апреле 1917 г. Он понял, что прошло время подобных предприятий. Он довольствуется тем, что продолжает сражение везде, где оно уже начато, и постоянно развивает его на флангах. И, разумеется, из всех союзных армий, которые Фош без отдыха и срока двигает вперед, некоторые добились бы лучших результатов, чем другие, если бы они достигли намеченных объектов, как, например, франко-американские войска, действовавшие в направлении Мезьера. Но данные армиям задания не разделяются в интересах целого на *«главные»* или *«второстепенные»*.

В самом деле, когда постараются, как в этой книге, проследить, на каких глубоких и твердых основаниях покоится военная слава Фоша, следует вспомнить знаменитое определение, данное Наполеоном военному гению: *«Ахилл был сыном богини и смертного: это является символом военного гения; божественная часть — это все, что касается учитывания морального состояния, характера, таланта, интересов вашего противника, а также мнения и духа солдата, который будет силен и победит или будет слаб и побежден, в зависимости от его веры в себя; земная часть — это войска, укрепления, позиции, боевой порядок, — все,*

что относится к комбинированию материальных вещей» [1].

Фош не мог восторжествовать над «*материальными вещами*», да и никогда ни один генерал не мог победить вопреки материальным данным своего времени; но он был мастером в отношении «*божественной части*». Наравне с великими полководцами он заслуживает своего места за тот изумительный военный ум, который он проявляет, принимая в январе 1918 г. стратегический замысел, который поведет союзников к победе, или простейшими средствами спасая 26 марта 1918 г. англо-французские войска, обреченные на неминуемый разгром, различив еще в июле причины, оправдывающие наступление союзников. Он заслуживает его еще больше за то духовное величие, которое дает ему превосходство в сношениях с главами правительств, силу подбадривать колеблющихся, боязливых или сомневающихся главнокомандующих.

Фош был не только начальником, приведшим войска французского фронта к победе; он был также победителем в войне; это является истиной, которую важно повторить в конце этой книги. Людендорф не объяснял свое поражение ни капитуляцией Болгарии 29 сентября, ни заключением Турцией 30 октября перемирия в Мудросе, ни поражением австрийцев в Италии 3 ноября. 15 августа в Спа, после поражений 18 июля и 8 августа, он заявил, что нужно заключить мир. 28 сентября под влиянием общего наступление союзников и под угрозой мезьерского маневра он потребовал немедленного перемирия, хотя бы при условии полной капитуляции. Немецкая армия была окончательно побеждена во Франции в конце сентября 1918 г.; она пала не под действием внутренней революции, но под ударами союзных армий, которыми командовал маршал Фош.

---

[1] Наполеон, Переписка (Письма с Св. Елены), XXXII, 123.

ПЕРЕМИРИЕ С ГЕРМАНИЕЙ

Между маршалом Фошем, верховным главнокомандующим союзными армиями, договаривающимся от имени держав Антанты и их союзников, и его помощником адмиралом Вемисс, командующим британским флотом, с одной стороны;

г-ном государственным секретарем Эрцбергером, председателем германской делегации;

г-ном чрезвычайным посланником и полномочным министром графом фон-Оберндорфом;

г-ном генерал-майором фон-Винтерфельдтом;

г-ном капитаном 1-го ранга Ванзеловым, облеченным постоянными полномочиями и действующим с согласия германского канцлера, — с другой стороны, было заключено перемирие на следующих условиях:

Условия заключенного с Германией перемирия

а) На западном фронте:

I. Прекращение военных действий на земле и в воздухе через 6 час. после подписания перемирия.

II. Немедленная эвакуация захваченных стран: Бельгии, Франции, Люксембурга, так же как и Эльзас-Лотарингии, которая должна быть закончена в двухнедельный срок, считая со дня подписания перемирия.

Германские войска, не уведенные из указанных областей в установленный срок, будут захвачены в качестве военнопленных.

За эвакуацией последует оккупация этих земель войсками Антанты и Соединенных Штатов.

Все продвижения по эвакуации и оккупации установлены в примечании № 1, утвержденном в момент подписания перемирия.

III. Репатриация всех жителей вышеперечисленных областей (включая заложников, состоящих под следствием или приговоренных), которая должна быть начата немедленно и закончена в двухнедельный срок.

IV. Оставление германскими войсками следующих военных материалов в хорошем состоянии: 5 000 пушек (в том числе 2 500 тяже-

ных и 2 500 полевых), 25 000 пулеметов, 3 000 минометов, 1 700 истребителей и бомбардировщиков, в первую очередь все D-7 и все ночные бомбардировщики.

Передать их на месте войскам Антанты и Соединенных Штатов на условиях, подробно указанных в примечании № 1, утвержденном в момент подписания перемирия.

V. Эвакуация германских войск из областей по левому берегу Рейна.

Области по левому берегу Рейна будут управляться местными властями под контролем оккупационных войск Антанты и Соединенных Штатов.

Оккупация этих областей будет осуществляться гарнизонами войск Антанты и Соединенных Штатов, установленных в главных пунктах переправ через Рейн (Майнц, Кобленц, Кельн), имеющих в этих пунктах предмостные укрепления на правом берегу в 30 *км* радиусом, и гарнизонами, занимающими стратегические пункты района.

На правом берегу Рейна будет оставлена нейтральная зона между рекою и линией, проведенной параллельно предмостным укреплениям и реке, на расстоянии в 10 *км* от голландской до швейцарской границы.

Эвакуация противником рейнских областей (лево- и правобережных) должна быть закончена в 16 дней, т. е. через 31 день после подписания перемирия.

Все передвижения по эвакуации и оккупации предусмотрены в примечании № 1, утвержденном в момент подписания перемирия.

VI. Запрещается эвакуация жителей из территорий, эвакуированных неприятелем; личности или имуществу жителей не может быть нанесено никакого ущерба или вреда. Никто не будет подвергнут преследованию за проступки участия в военных действиях до подписания перемирия.

Не будет произведено никаких разрушений. Всевозможные военные сооружения останутся нетронутыми, также боеприпасы, продовольствие, снаряжение, оборудование, не вывезенное в двухнедельный срок, установленный для эвакуации.

Склады всякого продовольствия, предназначенного для населения, скот и пр., должны быть оставлены на месте.

Не будет принято никаких общих официальных мер, могущих вызвать понижение ценности промышленных предприятий или сокращение их штатов.

VII. Пути и средства сообщения всякого рода — железные дороги, водные пути, шоссейные дороги, мосты, телеграфы и телефоны — не должны быть повреждены.

Весь обслуживающий их персонал, как гражданский, так и военный, должен остаться на месте.

Союзным державам будет передано 5 000 исправных паровозов и 150 000 вагонов в исправном состоянии и снабженных всеми необходимыми запасными частями и принадлежностями, в срок, указанный точно в примечании № 2, который, однако, не должен превышать 31 дня.

Равным образом, будет передано 5 000 грузовых автомобилей в исправном состоянии, в течение 36 дней.

Железные дороги Эльзас-Лотарингии в течение 31 дня будут переданы со всем обслуживающим их в настоящее время персоналом и материалами.

Кроме того, материалы, необходимые для эксплоатации железных дорог на левом берегу Рейна, также будут оставлены на месте.

Все склады угля и все ремонтные средства, путевое хозяйство, сигнализация и имущество мастерских останутся на месте. Склады, относящиеся к эксплоатации дорог в областях по левому берегу Рейна, будут содержаться Германией.

Союзникам будут возвращены все захваченные у них шаланды. В примечании № 2 указаны подробности этих мероприятий.

VIII. Германское командование обязано в 48-часовой срок после подписания перемирия сообщить о всех минах или минах замедленного действия, расположенных в эвакуированных территориях, и облегчить их обнаружение и уничтожение.

Оно сообщит также о вредоносных установках, которые могут оказаться на этих территориях (как отравление или засорение колодцев и источников и т. п.). Все это — под угрозой репрессий.

IX. Право реквизиции на оккупированных территориях будет предоставлено войскам Антанты и Соединенных Штатов.

Содержание оккупационных войск в прирейнских областях (не включая Эльзас-Лотарингии) возложено на германское правительство.

X. Немедленная репатриация, без обоюдности, условия которой будут подробно разработаны, всех военнопленных союзных армий и Соединенных Штатов, включая состоящих под следствием и приговоренных. Державы Антанты и Соединенные Штаты поступят с ними по своему усмотрению.

Это условие аннулирует предыдущие договоры об обмене военнопленными, включая июльский договор 1918 г., находящийся в настоящее время на утверждении.

Однако, репатриация германских военнопленных, интернированных в Голландии и Швейцарии, будет происходить, как прежде. Репатриация германских военнопленных будет установлена по заключении мирных переговоров.

XI. Забота о больных и раненых, которых нельзя перевезти, оставленных на эвакуированных территориях, будет возложена на немецкий персонал, оставленный на месте с необходимыми материалами.

b) В отношении восточных границ Германии.

XII. Все германские войска, находящиеся в настоящее время на территориях, входивших до войны в состав Австро-Венгрии, Румынии и Турции, должны немедленно вернуться в границы Германии, как они были до 1 августа 1914 г.

Все германские войска, находящиеся в настоящее время на территориях, входивших до войны в состав России, должны также вернуться в границы Германии, как указано выше, в указанное союзниками время, учитывая внутреннее положение этих территорий.

XIII. Немедленное начало эвакуации германских войск и отзыв всех инструкторов, пленных и гражданских и военных служащих, находящихся на территории России (в границах 1 августа 1914 г.).

XIV. Немедленное прекращение германскими войсками всяких реквизиций, наложений арестов или принудительных мер с целью захвата ресурсов, предназначенных для Германии, в Румынии и России (в границах 1 августа 1914 г.).

XV. Отказ от договоров в Бухаресте и Брест-Литовске и дополнительных договоров.

XVI. Союзникам предоставляется свободный доступ в эвакуированные немцами территории на восточных границах либо через Данциг, либо через Вислу, для того чтобы иметь возможность снабжать население, и в целях поддержания порядка.

c) В Восточной Африке.

XVII. Эвакуация всех германских сил, действующих в Восточной Африке, в указанный союзниками срок.

d) Общие положения.

XVIII. Репатриация, без обоюдности, в срок не больше месяца, в условиях, которые будут разработаны подробно, всех гражданских заключенных, включая заложников, состоящих под судом или приговоренных, подданных держав Антанты или их союзников, не принадлежащих к указанным в ст. III категориям.

e) Финансовые положения.

XIX. Под условием всяких будущих требований и претензий со стороны Антанты и Соединенных Штатов:

Возмещение убытков.

В течение срока перемирия противник не уничтожит ничего из общественного имущества, что может служить для покрытий военных репараций.

Немедленное восстановление кассовой наличности Бельгийского национального банка и вообще немедленное возвращение всех документов, звонкой монеты, ценностей (движимого имущества или ценных

бумаг и эмиссионных фондов), затрагивающих общественные интересы и захваченных в занятых странах.

Восстановление русского и румынского золотого фонда, захваченного Германией или переданного ей.

Это золото будет сохраняться у союзников до подписания мирного договора.

f) Морские статьи.

XX. Немедленное прекращение военных действий на море и точное указание мест стоянки и движения германских судов. Уведомление нейтральных стран о свободе, предоставленной плаванию военных и коммерческих судов держав Антанты и их союзников во всех территориальных водах, не касаясь вопроса о нейтралитете.

XXI. Возвращение, без обоюдности, всех военнопленных моряков военных и коммерческих флотов держав Антанты и их союзников.

XXII. Передача союзникам и Соединенным Штатам всех подводных лодок (включая все подводные крейсеры и все минные заградители), существующих в настоящее время, с полным вооружением и снаряжением, в портах, указанных союзниками и Соединенными Штатами. С тех, которые не могут выйти в море, будет снят персонал и материальная часть, и они будут находиться под наблюдением союзников и Соединенных Штатов.

Подводные лодки, готовые к отплытию, будут готовы выйти из германских портов, как только будут получены приказы по радиотелеграфу об их отбытии в порт, назначенный для передачи, а остальные — возможно скорее.

Условия этого пункта будут выполнены в 14-дневный срок после подписания перемирия.

XXIII. Германские надводные военные корабли, указанные союзниками и Соединенными Штатами, будут немедленно разоружены, затем интернированы в нейтральных портах или, за отсутствием нейтральных, в портах держав Антанты, указанных союзниками или Соединенными Штатами.

Они останутся там под наблюдением союзников и Соединенных Штатов, причем на борту останутся только караульные команды.

Указания союзников будут касаться:

6 тяжелых крейсеров,

10 линейных кораблей,

8 легких крейсеров (в том числе 2 минных заградителей).

50 эскадренных миноносцев последнего типа.

Все остальные корабли надводного военного флота (включая речные) должны быть приведены и разоружены в германских морских базах, указанных союзниками и Соединенными Штатами, и поставлены там под наблюдением союзников и Соединенных Штатов.

Военное вооружение будет снято со всех судов вспомогательного флота.

Все корабли, назначенные к интернированию, будут готовы покинуть германские порты через 7 дней после подписания перемирия.

Распоряжения о переходе будут даны по радиотелеграфу.

XXIV. Предоставление союзникам и Соединенным Штатам права вне германских территориальных вод, тралить все минные поля и разрушить все заграждения, установленные Германией, местоположение которых должно быть указано.

XXV. Свободный вход и выход в Балтийское море для военных и торговых судов Антанты и ее союзников, что обеспечивается оккупацией всех фортов, укреплений, батарей и различных оборонительных сооружений Германии во всех проливах, ведущих из Каттегата в Балтийское море, а также тралением и уничтожение всех мин и заграждений в германских территориальных водах и вне их, планы и расположение которых Германия должна представить, не выдвигая ссылок на нейтралитет.

XXVI. Сохранение блокады держав Антанты и их союзников в нынешнем положении, причем германские торговые суда, находящиеся в море, могут быть захвачены в плен.

Союзники и Соединенные Штаты предусматривают снабжение Германии в течение перемирия в тех размерах, которые найдут нужными.

XXVII. Сбор и приведение в состояние неподвижности в указанных союзниками и Соединенными Штатами германских базах всех воздушных сил.

XXVIII. Передача Германией нетронутым всего оборудования речных портов и речного судоходства, всех торговых судов, буксиров и шаланд, всех аппаратов, материалов и оборудования морской авиации, всего оружия, аппаратов и различного оборудования при эвакуации бельгийского побережья и портов.

XXIX. Эвакуация Германией всех портов Черного моря и передача союзникам и Соединенным Штатам всех русских военных судов, захваченных Германией в Черном море; освобождение всех захваченных торговых судов нейтральных стран; возвращение всех военных и других материалов, захваченных в этих портах, и передача германского военного имущества, указанного в статье XXVII.

XXX. Возвращение, без обоюдности, в указанные союзниками и Соединенными Штатами порты всех коммерческих судов, принадлежащих державам Антанты и их союзникам, находящихся в настоящее время в руках Германии.

XXXI. Запрещение всякого разрушения судов или материалов перед эвакуацией, передачей или возвращением.

XXXII. Германское правительство официально заявит правительствам всех нейтральных стран, в частности правительствам Норвегии,

Швеции, Дании и Голландии, что все ограничения в торговле их судов с державами Антанты и их союзниками, к которым их принуждало либо само германское правительство, либо немецкие частные предприятия, либо взамен на определенные уступки, как вывоз судостроительных материалов, — немедленно аннулируются.

XXXIII. После подписания перемирия не может иметь места никакая передача различных немецких торговых судов под нейтральные флаги.

g) Срок перемирия.

XXXIV. Срок перемирия устанавливается в 36 дней, но может быть продолжен.

В течение этого времени, если статьи перемирия не будут выполняться, оно может быть прервано одной из договаривающихся сторон, которая обязана предупредить об этом за 48 час. вперед. Установлено, что невыполнение статей III и XVII будет служить поводом для перерыва лишь в случае намеренного невыполнения.

Для обеспечения выполнения настоящего соглашения в наилучших условиях принимается принцип постоянной комиссии по перемирию. Эта комиссия будет функционировать под высшим руководством верховного командования армиями и флотом союзных держав.

Настоящее перемирие подписано 11 ноября 1918 г. в 5 час. (пять часов) по французскому времени.

Подписали:

Ф. Фош
Р. Э. Вемисс

Эрцбергер
А. Оберндорф
Винтерфельдт
Ванзелов

О МОРСКОЙ И КОЛОНИАЛЬНОЙ ВОЙНЕ В 1918 г. [1]

I. В 1918 г. основной чертой морской войны остается, как и в 1917 г., бессилие германского надводного флота, стоящего в бездействии в своих базах — Вильгельмсгафене и Киле, куда он скрылся после Ютландского боя. Большой британский флот, стоящий в Оркадских водах и в портах восточного побережья Англии, внимательно следит за проливами, которые позволяют немцам прорваться в Северное море. На самом же деле противник больше не собирается попытать военного счастья в море.

Благодаря усовершенствованию методов и орудий борьбы против подводных лодок, благодаря введению системы конвоирования судов, подводная война без ограничений, которую Германия вела с февраля 1917 г., не дала рассчитанных и обещанных адмиралом фон-Тирпиц результатов. Перевозка во Францию американских войск идет хотя и с некоторыми затруднениями, но без особенных инцидентов; ни один из транспортов не был потоплен. Тоннаж затопленных немецкими подводными лодками судов держится на уровне, достигнутом в конце 1917 г., не поднимаясь до уровня начала этого года. Эти цифры даны в нижеследующей таблице:

	Потеря в судах (тонны)	
	1917 г.	1918 г.
Январь	—	302 463
Февраль	536 334	318 860
Март	603 440	345 107
Апрель	875 023	277 934
Май	594 654	294 523
Июнь	684 667	253 276
Июль	549 647	260 456
Август	511 559	280 331
Сентябрь	345 484	186 742
Октябрь	458 723	112 427
Ноябрь	292 769	—
Декабрь	394 528	—

[1] Источники: А. Ф. Б. Карпентер (капитан I ранга), «Закупорка Зеебрюгге» (франц. пер., Париж, 1926); Леттов-Форбек (ген., фон).

Понижение количества потерь в тоннаже является следствием усовершенствования применяемых союзниками методов, так как число подводных лодок противника несколько повышается. Вместо 125 немецких подводных лодок, действовавших в январе 1917 г., в январе 1918 г. их насчитывается 137. Все корабли этого класса, подводные лодки и погружающиеся крейсеры постоянно улучшают свои навигационные качества и мощь боевых средств.

Чтобы пополнить потери в тоннаже, вызванные подводной войной, союзные и нейтральные страны деятельно ведут строительство новых судов. Эта деятельность, в особенности со стороны Англии и Америки, сильно повышает в 1918 г. цифру тоннажа вновь построенных судов, как можно видеть из следующей таблицы:

Тоннаж судов, построенных для нужд союзников

1914 г.	1 012 920 *т*
1915 г.	1 202 000 »
1916 г.	1 688 000 »
1917 г.	2 703 325 »
1918 г. (10 месяцев)	4 133 995 »

Таким образом, тоннаж, созданный за 10 месяцев войны в 1918 г., почти вдвое больше тоннажа, затопленного в это же время немцами. Франция же, арсеналы и судостроительные верфи которой занимаются производством оружия и снаряжения, принимает очень слабое участие в этом строительстве; в конце войны она обнаружит большие потери в своем торговом флоте, уменьшившимся на одну треть.

Чтобы затруднить и создать больше опасностей для действия немецких подводных лодок, английское военное министерство пробует весной 1918 г. закупорить сильно защищенные базы бельгийского побережья, порты Зеебрюгге и Остенде. Тщательно подготовленная операция приводится в исполнение в ночь с 22 на 23 апреля; в ней участвуют военные корабли, суда, наполненные цементом, который зальет проходы, и, наконец, десантные роты, которые должны разрушить базы морской авиации. В Зеебрюгге операция вполне удается, и два военных корабля оказываются потопленными между молами канала, связывающего порт с Брюгге. С этих пор, несмотря на работы, немедленно начатые немцами, подводные лодки смогут использовать выход из Зеебрюгге лишь с большими затруднениями и только во время прилива.

В Остенде, напротив, эта попытка терпит неудачу, но 10 мая повторяется, и на этот раз порт оказывается частично закупоренным. Во всяком случае, по смелости замысла и исполнения весенние действия

«Война в восточноафриканских джунглях, 1914—1918» (франц. пер., Париж, 1935).

1918 г. в Зеебрюгге и Остенде останутся одними из самых героических дел английского флота.

II. К концу 1917 г. все германские колонии были уже в руках союзников, и военные действия прекратились везде, за исключением Восточной Африки, где полковник фон-Леттов-Форбек с кучкой партизан все еще ведет войну. Будучи отброшены в португальские владения Восточной Африки, где они все время продвигаются к югу и побережью Индийского океана, немцы удерживаются в этой области до сентября 1918 г., благодаря запасам снаряжения и продовольствия, которое они находят в португальских постах и поселениях. 1 сентября 1918 г. полковник фон-Леттов-Форбек решает вернуться в германские владения Восточной Африки с оставшимися у него войсками — 176 европейцами и 1 487 туземными солдатами. После длительного перехода он в начале ноября попадает на английскую территорию, у южного берега озера Танганайка, где ввиду заключения перемирия складывает оружие, с 150 европейцами и 1 168 туземными солдатами.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СПИСОК СХЕМ

1. Общее положение на французском фронте 21 марта 1918 г.

2. Положение наличных сил к 21 марта 1918 г. от Шампани до Северного моря.

3. Сражение в Пикардии с 21 по 26 марта 1918 г.

4. Сражение в Пикардии с 26 марта по 9 апреля 1918 г.

5. Сражение во Фландрии с 9 по 29 апреля 1918 г. Положение утром 24 апреля.

6. Сражение при Шмен-де-Дам с 27 мая по 4 июня 1918 г.

7. Сражение при Матце с 9 по 13 июня 1918 г.

8. Сражение в Шампани с 15 по 17 июля 1918 г.

9. Французское контрнаступление 18 июля 1918 г.

10. Расположение тыловых позиций, возведенных или предусмотренных германским командованием.

11. Наступление союзников между рр. Скарпой и Эн с 8 августа по 10 сентября 1918 г.

12. Сражение при Сен-Миэле с 12 по 15 сентября 1918 г.

13. Македонский театр войны. Положение наличных войск 15 сентября 1918 г.

14. Театр войны в Малой Азии в 1918 г.

15. Общее наступление союзных армий с 15 сентября по 15 октября 1918 г.

16. Общее наступление союзных армий с 15 октября по 11 ноября 1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства 3
Предисловие 7
Глава I. Положение центральных держав в начале 1918 г. и германский план кампании 9
Глава II. Положение союзных держав в начале 1918 г. Вопрос о едином командовании и разработка плана кампании на 1918 г. (1 января — 21 марта 1918 г.) 22
Глава III. Подготовка союзных армий перед германским наступлением и ожидание сражения на французском фронте в начале марта (1 января — 21 марта 1918 г.) 35
Глава IV. Сражение в Пикардии перед назначением Фоша для согласования действий союзных армий (21—26 марта 1918 г.) . . . 44
Глава V. Сражение в Пикардии и сражение во Фландрии (26 марта—30 апреля) 62
Глава VI. Сражение на Шмен-де-Дам и на Матце (27 мая—15 июня) 79
Глава VII. В ожидании нового германского наступления (15 июня—15 июля 1918 г.) 110
Глава VIII. Сражение в Шампани и французское контрнаступление 18 июля 125
Глава IX. Наступление союзников на выступы германского фронта (8 августа—15 сентября 1918 г.) 138
Глава X. Поражение Болгарии и Турции (15 сентября—11 ноября) 162
Глава XI. Общее наступление союзников от Северного моря до Мааса (15 сентября—15 октября 1918 г.) 185
Глава XII. Общее наступление союзных армий и капитуляция германских армий (15 октября—11 ноября 1918 г.) 209
Глава XIII. Перемирие с Германией 233
Глава XIV. Общее заключение о кампании 1918 г. 243
Приложение 1. Перемирие с Германией 255
Приложение 2. О морской и колониальной войне в 1918 г. . . . 262
Список схем 265

★

Редактор *Белолипецкий*
Технический редактор *Тюнькин*
Корректор *Шмидт*

Сдано в производство 22.2.38
Подписано к печати 25.8.38

Формат бумаги 84 × 108/32
Объем 16 3/4 печ. л.+2 вкл, 1/2 п. л., 15,1 уч.-авт. л.
В бум. листе 140 800 знаков

Уполн. Главлита № Г — 9742
Издательский № 130. Заказ № 729.

Цена книги 3 р., переплета 50 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано во 2-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР им. К. Ворошилова
Ленинград, ул. Герцена, 1

★

Цена 3 р. 50 к.

Книжный магазин
издательства
„Советский писатель"
Цена
№